

сентябрь – октябрь
5 (97) 2020 год
Научный журнал

Вестник

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА КУЛЬТУРЫ
И ИСКУССТВ

Содержание

- ТЕОРИЯ КУЛЬТУРЫ**
- 6 КЛИМОВА С. М.**
МИФОЛОГИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ
В ТЕОРИЯХ СОВЕТСКОЙ ФИЛОСОФИИ
- 18 ШИБАЕВА М. М.**
О СПЕЦИФИКЕ ОПЫТА КУЛЬТУРФИЛОСОФСКОЙ
РЕФЛЕКСИИ Г. Д. ГАЧЕВА
- 26 МАСХУЛИЯ М.**
УСПЕХ КАК ЛЕЙТМОТИВ СОВРЕМЕННОСТИ
- 35 САЙКО Е. А.**
ФЕНОМЕН ВОСПОМИНАНИЯ В КОНТЕКСТЕ
СОВРЕМЕННОЙ КНИЖНОЙ КУЛЬТУРЫ
- ЭСТЕТИКА**
- 44 КРАСНОПОЛЬСКАЯ А. П.**
КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ СЮРРЕАЛИЗМА
КАК ИМПУЛЬС РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННЫХ
ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРАКТИК
- 51 РОМАНОВА Е. Н., РАСТОРГУЕВ С. В.**
ЗРЕЛИЩНО-ИГРОВАЯ КУЛЬТУРА СЕВЕРА
В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ Й. ХЕЙЗИНГИ
- 64 ВЕРХОТУРОВ Е. В.**
ЗРЕЛИЩНАЯ КУЛЬТУРА СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА
КАК ПРЕДМЕТ ЭСТЕТИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ
- 71 ЕГОРОВ В. К.**
РЕЦЕПЦИИ ОБРАЗА ГОССЛУЖАЩЕГО В СОВРЕМЕННОМ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

- СОВРЕМЕННЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ И ПРОЦЕССЫ** **82 СИНЕЦКИЙ С. Б.**
КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА КАК ОТРАЖЕНИЕ НОРМ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
- 90 СУМИНОВА Т. Н.**
ГОРОД В КОНТЕКСТЕ ЭКОНОМИКИ ВПЕЧАТЛЕНИЙ
- 97 ЧЕРНИКОВ И. А.**
КУЛЬТУРА ПОТРЕБЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ ВПЕЧАТЛЕНИЙ
- 106 МУРАШОВА Н. С.**
АРТ-ИНСТИТУЦИИ НОВОСИБИРСКА КАК РЕСУРСНАЯ БАЗА КУЛЬТУРНОГО ТУРИЗМА
- СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ** **122 ЯРОШЕНКО Н. Н.**
ЗАРУБЕЖНОЕ ДОСУГОВЕДЕНИЕ: МЕЖДУ ГУМАНИТАРНОЙ РЕФЛЕКСИЕЙ И ЭМПИРИЗМОМ
- 136 ШИРИНКИН П. С.**
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
- 145 ЗАЙЦЕВА Т. В.**
СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ СОВРЕМЕННОГО ВУЗА: ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
- 151 КОРЕННАЯ В. С.**
РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КУЛЬТУРНОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ В ШКОЛЬНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММАХ
- КУЛЬТУРА В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ** **160 ШЛЫКОВА О. В.**
ЦИФРОВОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО КОНТЕНТА В УСЛОВИЯХ «НОВОЙ НОРМЫ» ДИСТАНЦИРОВАННОГО МИРА
- 170 ЛОПАТИНА Н. В., АЛТУХОВА Г. А., БОНЧ-БРУЕВИЧ С. В.**
ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ МАСТЕРСТВО В СТРУКТУРЕ ЦИФРОВЫХ ФОРМАТОВ ОБРАЗОВАНИЯ
- 180 ХРАМОВ В. Б.**
ИНТЕРНЕТ-ТРАНСЛЯЦИЯ ФОРТЕПИАННЫХ КОНЦЕРТОВ КАК ФЕНОМЕН СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ
- НОВЫЕ КНИГИ** **190 ГАВРОВ С. Н.**
РЕБРЕНДИНГ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПРОЕКТНЫЙ ПОДХОД

September – October
5 (97) 2020
Scientific
Academic Journal

The Bulletin

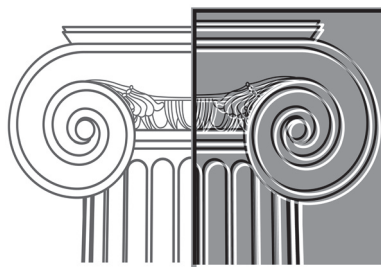
OF MOSCOW STATE UNIVERSITY
OF CULTURE AND ARTS

Content

- THEORY 6 KLIMOVA SVETLANA M.**
OF CULTURES MYTHOLOGICAL CONSCIOUSNESS
IN SOVIET PHILOSOPHICAL THEORIES
- 18 SHIBAEVA MIKHALINA M.**
ON THE SPECIFICS OF THE EXPERIENCE OF G. D. GACHEV'S
CULTURAL AND PHILOSOPHICAL REFLECTION
- 26 MASKHULIA MATE**
SUCCESS AS A MAIN IDEA OF MODERNITY
- 35 SAYKO ELENA A.**
THE PHENOMENON OF MEMORY IN THE CONTEXT
OF MODERN BOOK CULTURE
- AESTHETICS 44 KRASNOPOLSKAYA ANNA P.**
THE COMMUNICATIVE STRATEGIES OF SURREALISM
AS A IMPETUS FOR DEVELOPMENT OF THE CONTEMPORARY
ARTISTIC PRACTICES
- 51 ROMANOVA EKATERINA N., RASTORGUEV SERGEI V.**
THE SPECTACULAR AND GAME CULTURE OF THE NORTH
IN THE CONTEXT OF THE J. HUIZINGA' CONCEPT
- 64 VERKHOTUROV EVGENII V.**
ENTERTAINING CULTURE OF A MODERN CITY
AS A SUBJECT OF AESTHETIC COMPREHENSION
- 71 EGOROV VLADIMIR K.**
RECEPTIONS OF THE IMAGE OF A CIVIL SERVANT
IN MODERN LITERARY AND ARTISTIC DISCOURSE

- MODERN CULTURAL PRACTICES AND PROCESSES**
- 82 SINETSKII SERGEY B.**
CULTURAL POLICY AS A REFLECTION OF THE SOCIAL INTERACTION STANDARDS
- 90 SUMINOVA TATYANA N.**
THE CITY IN THE CONTEXT OF THE ECONOMY OF IMPRESSIONS
- 97 CHERNIKOV IVAN A.**
CONSUMER CULTURE IN THE MODERN EXPERIENCE ECONOMY
- 106 MURASHOVA NATALIA S.**
ART INSTITUTIONS IN NOVOSIBIRSK AS A RESOURCE BASE FOR CULTURAL TOURISM
- SOCIAL AND CULTURAL ACTIVITY**
- 122 YAROSHENKO NIKOLAI N.**
FOREIGN LEISURE STUDIES: BETWEEN HUMANITARIAN REFLECTION AND EMPIRICISM
- 136 SHIRINKIN PAVEL S.**
METHODOLOGICAL GUIDELINES AND DIRECTIONS FOR THE DEVELOPMENT OF MODERN SOCIAL AND CULTURAL ACTIVITY
- 145 ZAITSEVA TATIANA V.**
SOCIAL AND CULTURAL PRACTICES OF A MODERN UNIVERSITY: TERMINOLOGICAL ASPECT
- 151 KORENNAYA VALENTINA S.**
REPRESENTATION OF CULTURAL AND NATURAL HERITAGE IN SCHOOL EDUCATIONAL PROGRAMS
- CULTURE IN THE ERA OF DIGITALIZATION**
- 160 SHLYKOVA OLGA V.**
DIGITAL CONSUMPTION OF CULTURAL CONTENT IN THE CONTEXT OF THE "NEW NORMAL" OF THE DISTANCED WORLD
- 170 LOPATINA NATALYA V., ALTUKHOVA GALINA A., BONCH-BRUEVICH SVETLANA V.**
TEACHING SKILLS IN THE STRUCTURE OF DIGITAL EDUCATION FORMATS
- 180 KHRAMOV VALERY B.**
WEBCAST OF PIANO CONCERTS AS A PHENOMENON OF CONTEMPORARY CULTURE
- NEW BOOKS**
- 190 GAVROV SERGEI N.**
REBRANDING OF SOCIAL AND CULTURAL ACTIVITY: PROJECT APPROACH

ТЕОРИЯ КУЛЬТУРЫ

Мифологическое сознание в теориях советской философии

УДК 130.2 (091)

<https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-597-6-17>

С. М. Климова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ),
Москва, Российская Федерация, e-mail: sklimova@hse.ru

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению некоторых направлений в советской философии сознания, изучавших миф и мифосознание в 50–70-е годы XX века. Показана их связь с европейскими теориями мифа, в частности, с французским структурализмом и немецким символизмом. Концепции А. Ф. Лосева и Мих. А. Лифшица демонстрируют два способа описания мифа в советской философии сознания. Прослеживается глубинная связь теории мифа Лосева с идеями Серебряного века, в частности – с приёмом остранения у В. Б. Шкловского. Миф и остранение снимают «культурно-символическое содержание мира», сосредоточиваясь на форме, его репрезентирующей, и стремятся возратить человеку ощущение подлинности мира. Метод остранения формалистов и лосевское понятие мифа трактуют текст как репрезентант реальности, тем самым предвосхищая постструктуралистскую установку конца XX века. Иной подход демонстрирует эстетическая концепция мифа М. А. Лифшица. Как и Лосеву, Лифшицу важно обнаружить за кажущейся бессмыслицей мифологии логику (логомифию), раскрыть объективную истину мифа. Создавая свою теорию мифа, Лифшиц всё время держит в уме апологию «высокого» советского мифа о коммунизме.

Ключевые слова: Лосев, Шкловский, Лифшиц, миф, мифосознание, остранение, мифическая реальность, советская философия сознания, структурализм, постструктурализм.

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00646.

Для цитирования: Климова С. М. Мифологическое сознание в теориях советской философии // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 5 (97). С. 6–17. <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-597-6-17>

MYTHOLOGICAL CONSCIOUSNESS IN SOVIET PHILOSOPHICAL THEORIES

Svetlana M. Klimova

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation, e-mail: sklimova@hse.ru

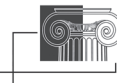
Abstract: The article considers some trends in Soviet philosophy, which studied myth and mythological consciousness in 1950–70th. Their connection with European myth theories, in particular with French

---

КЛИМОВА СВЕТЛАНА МУШАИЛОВНА – доктор философских наук, профессор Школы философии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) Москва

KLIMOVA SVETLANA MUSHAILOVNA – Full Doctor of Philosophy, Professor of the School of Philosophy, the National Research University Higher School of Economics

© Климова С. М., 2020

structuralism and German symbolism, is revealed. The conceptions of Aleksei Losev and Mikhail A. Lifshits demonstrate two ways of describing myth in Soviet philosophy of consciousness. A deep connection between Losev's theory of myth and the ideas of the Silver Age is traced, in particular, with V. B. Shklovsky's method of distancing. Myth and distancing remove the "cultural-symbolic content of the world", focusing on the form that represents it, and seeking to restore to man the sense of authenticity of the world. The formalists' method of distancing and Losev's concept of myth treat text as a representative of reality, thus anticipating the post-structuralist attitude of the late 20th century. A different approach is demonstrated by the aesthetic theory of Mikhail A. Lifshits. For him, as well as for Losev, it is important to discover logic (logomiphya) behind the seemingly nonsense of mythology and to reveal the objective truth of myth. Creating his own myth theory, Lifshits always keeps in mind the apology of the "high" Soviet myth of communism.

Keywords: Losev, Shklovsky, Lifshits, myth, mythological consciousness, distancing, mythical reality, Soviet philosophy of consciousness, structuralism, post-structuralism.

Acknowledgements: The work was supported by the Russian Foundation for Basic Research within the framework of scientific project No. 20-011-00646.

For citation: Klimova S. M. Mythological consciousness in soviet philosophical theories. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2020, no. 5 (97), pp. 6–17. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-597-6-17>

Введение

Научно-теоретическое изучение мифа началось ещё в XVIII веке. С этого времени мифосознание становится объектом анализа сразу нескольких гуманитарных дисциплин. В философии науки мифу обычно противопоставляется рационально-научный взгляд на мир – «логос», и сам термин «миф» употребляется в пейоративном значении: достаточно упомянуть «миф данного» (Myth of the Given) в эпистемологии и аналитической философии сознания от У. Селларса до Д. Дэвидсона¹ или «высшие мифы» (higher myths) математики и физики, о которых писал У. Куайн. «Рассматриваемые изнутри феноменалистической концептуальной схемы, онтологии физических

¹ Как отмечает Дональд Дэвидсон, миф данного покоится на догматическом допущении, будто «должен быть некий первоисток очевидности (an ultimate source of evidence), характер которого может быть полностью определён без ссылки на то, в отношении к чему нечто является очевидным» [28, р. 42]. То есть без обращения к структурам языка и культурному «фону», определяющим наше человеческое восприятие.

и математических объектов суть мифы. Качество мифа, впрочем, относительно; в данном случае – относительно эпистемологической точки зрения» [30, р. 19].

Вот уже более полувека атаки на позиции классического эмпиризма ведутся под знаменем разоблачения эпистемологической «мифологии». В свою очередь, мы обратимся к некоторым советским концепциям мифосознания, создававшимся в той же концептуальной рамке «мифологическое против рационально-научного» – хотя внешне они имели крайне мало общего с аналитической традицией философии науки и, в отличие от неё, питали куда больше уважения к мифам.

По меткому наблюдению М. А. Лифшица, миф заявляет о себе в ключевые моменты истории народов, оказавшихся в состоянии глубокого духовного кризиса. Это, как правило, периоды смены «мировоззренческих вех», когда столкновение и конфликт между ценностями прошлого и насущными требованиями жизни становится очевидным для широких масс. Исторический

миф «гасит» духовный кризис, как правило, при помощи ностальгической идеализации и романтизации прошлого средствами мифологического языка. В настоящей статье мы обратимся к советским концепциям мифа, возникшим в 20–30-е годы прошлого века, в эпоху исторического расцвета нового мифосознания.

Советская философия мифосознания

Послевоенная советская философия мифа представлена самыми разными направлениями и исследованиями. В 1976 году выходит книга Е. М. Мелетинского «Поэтика мифа», представляющая первый крупный историографический текст по изучению мифа в литературоведении. Он опирается на концепцию символической природы мифа и подчёркивает связь мифологии XX века с модернизмом, называя миф «удобным языком описания вечных моделей личного и общественного поведения, неких сущностных знаков социального и природного космоса» [16, с. 9].

Двухтомная энциклопедия «Мифы народов мира», опубликованная в 1980 году под редакцией С. А. Токарева, не просто обобщила накопленный материал; она дала сравнительную картину отечественных и западных исследований в этой сфере.

Изучением мифов и мифологии занимался ряд выдающихся советских лингвистов, филологов и литературоведов, обретавшихся в едином интеллектуальном пространстве с западными мыслителями. Представители тартуско-московской школы, такие как Ю. А. Лотман, М. Л. Гаспаров, В. Н. Топоров, З. Г. Минц, вели свои семиотические исследования параллельно с французскими структуралистами [12].

В текстах А. Ф. Лосева и М. А. Лифшица мы находим многочисленные переключки

с Клодом Леви-Строссом, чьи взгляды формировались под влиянием Ф. де Соссюра. В это же время появилась одна из самых известных работ в структурализме – книга Ролана Барта «Мифологии» (1957)¹.

Сегодня советский структурализм стал объектом научного переосмысления в нескольких направлениях. Б. М. Гаспаров назвал эту школу «утопией 60-х», существование которой уже давно стало объектом научной деконструкции [4]. Заметим, однако, что для советских гуманитариев эта утопия имела невероятно оживляющий эффект в мире, где господствовала официальная марксистская схоластика.

Как отмечал представитель ростовской философской школы Ю. Е. Климов, «миф, утратив в своё время роль универсального способа мышления, сохранил её в обыденном, политико-идеологическом, художественном, массмедийном и т.д. сознании в качестве некоего “уровня”, “превращённой формы” или “фрагмента”. Доля этих мифологизированных формообразований существенно возросла в XX–XXI веках, которые можно сравнить с временами ми-

¹ «В статье “Современные перспективы семиотического изучения искусства” (1968) Лотман посвящает специальный раздел французской семиотике, одобрительно излагает семиологическую критику бытовой культуры, проведённую Бартом в книге “Мифологии” (1957), и называет Барта “автором наиболее полного на французском языке и одного из лучших вообще изложений основных принципов семиотики” (с. 176). Спустя несколько лет, однако, Лотман исключает имя Барта из переработанного варианта своей энциклопедической статьи о структурализме, и вообще отношение Лотмана к Барту в 1970-е годы – исключительно скептическое. Верный научной программе раннего структурализма, Лотман не мог принять переход Барта “от науки к литературе” в конце 1960-х» [1, с. 341].

фологических и идеологических “кентавров” сознания, во многом определяющих жизненные приоритеты современного общества» [5, с. 10].

В советской философии 1950–1970-х годов мифология трактовалась прежде всего как художественно-этическое откровение народной мудрости. Советский марксизм в разговоре о мифологии сохранял пафос «высокого мифа», ибо для него мифы были не только «продуктами народного творчества и фантазии», как говорилось у раннего Маркса, но и особой формой общественного сознания, выполнявшей функцию этико-эстетического и мировоззренческого характера.

В 1950-е годы мы практически не находим у идеологов «исторического материализма» специального раздела о мифе как форме общественного сознания [см., например: 2]; о нём писали, как правило, лишь в связи с этнографией и религией. Но уже в 1960-е возникает истолкование мифа как особого рода формации общественного сознания на определённом этапе истории [3]. Миф становится объектом всестороннего философского анализа. Здесь особенно значимы имена М. К. Петрова, Ф. Х. Кессиди, М. А. Лифшица, А. Ф. Лосева, А. В. Потёмкина, М. И. Шахновича и других, в разных аспектах исследовавших феномен мифа и специфику мифосознания.

А. Ф. Лосев: миф и остранение

Лосевская теория мифологии во многом основана на концепции всеединства В. С. Соловьёва, а мифосюжеты её пронизаны идеями П. А. Флоренского. При этом в своих размышлениях философ активно использовал диалектический метод, и это отнюдь не было для него формальной данью советской цензуре.

Крупнейший отечественный исследователь мифосознания, Лосев пострадал за попытку опубликовать книгу «Диалектика мифа» без купюр, оказавшись на строительстве Беломорканала в 1929 году. А. А. Тахо-Годи написала о той истории статью «От диалектики мифа к абсолютной мифологии» [19]. Абсолютной мифологией Лосев назвал один из разделов своей книги; вместе с тем человек 1930-х годов оказался погружен в стихию абсолютного (тотального) мифотворчества.

В целом для Лосева миф – сугубо положительное понятие, которое он противопоставил вымыслу, идеальному бытию, любой метафизике. Его трактовка мифа абсолютно неординарна, даже для нашего времени. Миф для него – подлинная и конкретная реальность, «диалектически необходимая категория сознания и бытия» [11, с. 1].

Лосев возвращается к эпохе символизма, начавшейся с Вл. Соловьёва, и одновременно прокладывает мостик от своей теории символа к кассиреровской [см.: 29; 18]. Символ для Лосева – это единство обозначающего и обозначаемого, символизирующего и символизируемого. Вещи в мифе меняют своё обычное значение и обретают особый символический смысл. «Ковёр – обыкновенная вещь повседневной жизни. Ковёр-самолет – мифический образ. Какая разница между ними? Вовсе не в факте, ибо по факту своему ковёр как был ковром, так и остался. Разница в том, что он получил совершенно другое значение, другую идею; *на него стали смотреть совершенно иными глазами*» [11, с. 17] (курсив наш. – С. К.). Такова же и природа символа, замещающего прямое значение слова его смысловой коннотацией.

Кажется, что Лосев вполне академичен в своём анализе мифа. В традициях евро-

пейской мифологической школы он рассматривает миф сквозь призму его символической природы. Этот подход роднит его, с одной стороны, с имяславцами, а с другой – с тартуской семиотической школой. Он соглашается с тем, что «каждый миф – символ», но утверждает, что символ лишь тогда становится мифом, когда перестаёт быть знаком. Он видел в мифе саму жизнь, «личность» в её загадочной полноте существования, как наиреальнейшую реальность.

«Запомним раз навсегда: *мифическая действительность* есть подлинная реальная действительность, не метафорическая, не иносказательная, но совершенно самостоятельная, доподлинная, которую *нужно понимать так, как она есть, совершенно наивно и буквально* (курсив наш. – С. К.). Никакой аллегоризм тут не поможет. Аллегоризм есть всегда принципиальное неравновесие между означаемым и означающим ... В мифе же – непосредственная видимость и есть то, что она означает: гнев Ахилла и есть гнев Ахилла, больше ничего; Нарцисс – подлинно реальный юноша Нарцисс, сначала действительно доподлинно любимый нимфами, а потом действительно умерший от любви к своему собственному изображению в воде. Даже если и есть тут какая-нибудь аллегория, то прежде всего необходимо утвердить подлинную, непосредственную, буквальную реальность мифического образа, а потом задаваться аллегорическими задачами» [10, с. 162].

Миф – это особый способ видения, «вырывающий вещи из обычного течения ... и погружающий их, не лишая реальности и вещественности, в новую сферу, где выявляется вдруг их интимная связь» [11, с. 93–94]. Этот способ позволяет *смотреть на вещи каким-то «иным», нестандартным, необщепринятым взглядом*. Благодаря новой опти-

ке происходит «вырывание вещи» из культурного контекста и плоского рационализма и помещение её внутрь мифической реальности, как в «*новую среду*» бытования. Если традиционный взгляд помещает вещь в мир конвенций и общепринятых культурных клише, то *новая среда* – это сфера сверхъядственного, мистического, чудесного, внутри которого вещь получает свои иные, но не менее подлинны, с его точки зрения, смыслы.

В этой цитате-характеристике мифичности вещи мы усматриваем прямую аллюзию на известный формалистический приём искусства 1920-х годов – «остранение», выдвинутый В. Б. Шкловским в его знаменитом манифесте русского формализма¹. То, что Лосев назвал мифичной отрешённостью и мировосприятием мира, соотносится с тем, что Шкловский назвал остранением. Миф и остранение становятся двумя, противоположными по форме, но схожими по сути приёмами деконструкции и переписания реальности. Лосев, подобно русским формалистам, убирает «процессы восприятия и мышления из их конвенционального прагматического контекста и рассматривает [миф] как имманентный феномен» [22, с. 14].

Остранение как специальный художественный приём заставлял читателей смотреть на всем известное (мир культуры / конвенций, автоматическое узнавание), как на увиденное впервые. Цель остранения, по Шкловскому, новое формальное (авангардное) искусство, которое должно перестать быть реалистическим, символическим, аллегорическим; перестать нести бре-

¹ Первая публикация статьи В. Б. Шкловского «Искусство как приём» вышла в 1917 году [24]. Впервые Б. М. Эйхенбаум назвал этот текст «манифестом формального метода» [26].

мя культурных (читай – ложных) стереотипов. «И вот для того, чтобы вернуть ощущение жизни, почувствовать вещи для того, чтобы делать камень каменным, существует то, что называется искусством» [25, с. 6]. Шкловский в момент создания своего манифеста находился под влиянием трактата Толстого «Что такое искусство» (1897) [21], а именно – его рассуждений о роли и значении искусства для жизни. В трактате отражены две тенденции, ставшие объектом дискуссий первой половины XX века: искусство как автономная область эстетического сознания с его приматом удовольствия и красоты, и искусство как этика, как схватывание религиозного народного мировоззрения, «среди которого оно возникло».

Шкловский в более ранней статье потребует вернуть ощущение первоизданной подлинности любому слову, перестать его «узнавать» и начать его «видеть» как будто впервые. Формалисты попытались разоблачить все законы стереотипизации сознания, заставить людей видеть и понимать мир по-своему – уникально. Но чтобы оживить слово, увидеть новую форму за старыми клише, надо, по Шкловскому, совершить неожиданное: «разломать и исковеркать слово» и деконструировать форму, заставить смотреть на то и другое новым взглядом. «Другой взгляд» дарит нам искусство. Самое поразительное, что это может быть как реалистическое, так и авангардное искусство [23].

В XXI веке эти требования неожиданно обернулись своей обратной стороной. Как тонко заметил М. Эпштейн, таким «разломанным образом» увиденная вещь, как правило, ведёт не к её оживлению, а к её окончательному умерщвлению [27].

Русские формалисты пытались свести многообразие окультуренного мира к неким

формализованным, схематичным характеристикам-описаниям. Они стремились разломать «плоть» слова, связанную и с символизмом, с культурными и историческими коннотациями, и показать суть «каменности» камня, её формализованное ядро, её этимологическую «чистую» первооснову.

Миф Лосева точно так же направлен на видение вещей «по-новому» и на критику их автоматического восприятия. Но это, как бы, требование «наоборот»: всему самому прозаическому и обыденному необходимо, с его точки зрения, придать статус особой мифической реальности. Миф есть принципиальное неостранение (термин О. Меерсон) материального (вещи) от всего идеального – чудесного, сказочного, обнаруживаемого в вещах или мире. Он, так же как и Шкловский, принуждает читателя сделать условное, непонятное, чудесное, сверхъестественное – безусловным и реальным основанием вещи, назвать мифическую реальность – «напряжённой реальностью». Если формалисты пытаются добраться до «скелета» вещи и тем самым борются с окультуренным содержанием, то миф Лосева направлен на то, чтобы надеть на вещь сотни волшебных одежек и растворить форму в многослойном диалектическом противоречии.

По сути, миф и остранение – это два противоположных приёма неавтоматического взглядывания в мир. Устраняя «культурно-символическое содержание мира», сосредоточившись на форме, его репрезентирующей, они возвращают человеку ощущение подлинности мира в этом остранённо-вещно-мифотворческом акте. Метод остранения приводит к тому, что художественный текст обретает в итоге статус реальности, став в XX веке особым объектом постструктуралистского анализа.

Очевидно, что и миф Лосева, так же как и остранение, выступает новой формой искусства, претендуя быть эстетической репрезентацией реальности. «Для Лосева философия, эстетика, мифология – плоды одного дерева» [20, с. 7].

Миф Лосева, как и остранение Шкловского, производит деавтоматизацию реальности, понуждает человека преодолеть стереотипность видения и понимания мира, навязываемую ему традиционными формами знания, стандартной культурой и формальной логикой. Их схожесть обнаруживается уже в одинаковом противопоставлении остранения/мифа и поэзии. Шкловский разоблачает идею восприятия поэзии как «мышления образами», показывает, что поэзия использует образы-символы лишь для усиления впечатления, но не как принцип мышления или познания реальности. Точно так же и Лосев отмечает в поэзии «отрешённость от факта или реальности», а в мифе – «отрешённость от смысла, от идеи повседневной и обыденной жизни. По факту, по своему реальному существованию действительность остаётся в мифе той же самой, что и в обычной жизни, и только меняется её смысл и идея» [11, с. 94]. Очевидно, что миф заставляет верить в *реальность идеального* прямо и непосредственно. Безусловно, здесь Лосев развивает идеи платонизма, оказавшиеся весьма востребованными в русском Серебряном веке.

То, что было Шкловским названо толстовским «наивным взглядом», позволявшим через остранение заниматься денонсированием иллюзорной окружающей реальности, Лосев осуществил через миф, рассмотрев его как *новую гносеологию*, преодолевающую плоскость обыденного реализма – в том числе советского диамата с его «теорией отражения».

Таким образом, остранение и миф в 20-е годы XX века оказались двумя немарксистскими приёмами описания реальности, иносказательно разоблачая идеологию тогдашней культуры и философии. Как Шкловский находился в конфронтации с идеологами марксистского подхода в литературе, так и Лосев своей диалектикой мифа никого не ввёл в заблуждение «марксистскими словами и понятиями». В логике мифа открывалось то же самое, что и в логике платонизма, которую он изящно воссоздавал от «имени диамата» [14, с. 210].

В итоге Лосев сформулировал *логос мифа*, описывающий мифическую действительность с разных сторон, в том числе с точки зрения эстетики. В этом пункте он оказывается незримым собеседником и оппонентом другого знаменитого советского теоретика мифа – М. А. Лифшица.

М. А. Лифшиц – миф и искусство

Будучи марксистом по своим взглядам, Лифшиц исследовал мифологию и в гносеологическом плане, и как эстетический феномен. При этом он ищет пути рационализации мифа, обнаруживая своеобразную «диалектическую связь» с идеями Э. Кассирера и структурализма К. Леви-Стросса.

Лифшиц борется за «рациональное» в мифе, оппонировав кассиреровскому символическому миру. Действительно, с общепринятой точки зрения, «символизм мифа восходит, по Кассиреру, к тому, что конкретно-чувственное (а мифологическое мышление именно таково) может обобщать, только становясь знаком, символом ...» [17, с. 18]. Лифшиц указал, что символы, в отличие от мифа, этически нейтральны, формальны, никакого общественного сознания они не отражают. Миф же, с его точки зрения, наполнен моральными и воспитательными

характеристиками, он служит скреплению общества, его самосохранению. В этом советский философ и находит главное предназначение мифа. Лифшиц категорично заявляет, что «любые символы духовно-практического сознания – обряды, церемонии, схемы личного поведения – всё это может превратиться в тёмную силу “исторического бреда”» [8, с. 343] при абсолютизации их иррациональной сути.

Лифшиц видит большую опасность как в символической теории Кассирера, так и в придании исключительной роли в мифе символизации. Чтобы указать на своё, особое мнение, Лифшиц – как нам кажется, опять-таки не без влияния Лосева¹ – вводит авторское понятие логомифии, снимая с себя упреки в иррационализме и споря с символизмом мифомышления.

Из французов ему был ближе К. Леви-Стросс с его теорией о единой логике человечества, в том числе и первобытной. И эта близость оказывается неожиданно более тесной, чем его связь с марксизмом.

Парадокс в том, что, будучи противником *всякого* формализма, в том числе и структурного изучения мифов, Лифшиц тем не менее именно в структурной типологии Леви-Стросса увидел подтверждение гегелевской идеи всеобщего восхождения мышления от низшего к высшему, от абстрактного к конкретному. «... После почти столетия насмешек над “дикарём-философом” Леви-Стросс доказал способности дикарей, *les sauvages*, к абстрактному мышлению» и обобщениям [8, с. 367]. Однако, по мнению советского философа, француз преувеличил значимость собственных «математических открытий», формализации первобыт-

ной логики, выплеснув с «водой и ребёнком», якобы забыв, что страшная последовательность логики и схематизм есть синоним её полного недостатка и отрицания.

При этом анализ мифа у Лифшица, построенный на основе генетического метода, описан через бинарный код, характерный для структуры всех мифов мира. Этот код был открыт именно Леви-Строссом. Оппозиция высокого и низкого, возвышенного и карнавального, священного и уродливого, «культурного героя» и «трикстера», представленная в художественном творчестве древних народов, не просто фантастическое отражение реальности, но – доказательный способ вполне логического её объяснения. Для Леви-Стросса важны были не только бинарные оппозиции, но и медиаторы, посредством которых одна пара противоположностей заменяется парой менее выраженных оппозиций и т.д., а последняя в итоге заменяется символической фигурой трикстера. Такая логика ведёт к преодолению амбивалентности и бриколажу, делая миф произвольным или субъективным образованием.

С точки зрения Лифшица, в логомифии осуществляется синтез противоположных моментов мифомышления. Логомифия, с одной стороны, демонстрирует преодоление иррационального – бредового начала в жизни древних обществ, соотнося его с рациональным или смысловым содержанием мифообразов и сюжетов, а с другой – явно намекает на противоречия, кризис рационализма и прагматизма XX века, в своём «действительном господстве» беспощадно разрушавших гармонию и духовное единство природы, космоса и человека. Логос мифа древних как бы обнажает и наступивший кризис современной идеологической машины, сначала жившей в высо-

¹ «Под мифологией, поскольку она для нас наука, мы будем понимать ... логос мифов» [10, с. 162–164].

ком мифе, а потом превратившей и чувства, и веру людей в «исторический бред» реальных войн, лагерей, массового устрашения и безмолвия.

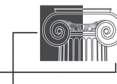
Таким образом, Лифшиц анализирует не только исторические, но и идеологические мифы. Он поддерживает высокий миф людей тридцатых годов о коммунизме, о новой России, о беспредельности человеческих сил и возможностей, утверждая, что без этой утопической веры в идею и в нового человека сознание масс вряд ли было бы так хорошо подготовлено к сопротивлению в Великой Отечественной войне и даже к «оттепели», ставшей её духовным итогом.

Противопоставил же он им «героев 60-х» – модернистов, творцов нового искусства и нового, антисоветского мифа. Современность назвала их «жертвами» хрущёвского самодурства. Знаменитая «бульдозерная выставка» молодых художников-абстракционистов стала нарицательным символом затхлого советского времени. Кажется, что, критикуя модернистов, Лифшиц на стороне ретроградов и власти. Но его философская позиция была основана не на субъективных или конъюнктурных соображениях, а на убеждении в своей правоте и правоте коммунистической идеи. Для Лифшица авангардные художники-шестидесятники – просто люди с дурным вкусом, для которых форма практически полностью съедает содержание. Их кумиром становится не красота, а безобразие, не истина, а ложь, не добро, а зло, доведённое до полного апогея «надизма», «ничего» или, как он пишет, ничевочества.

В 1966 году Лифшиц в «Литературной газете» опубликовал свой знаменитый эпатажный манифест с говорящим заглавием: «Почему я не модернист?» (текст на-

писан был в 1963 году), в котором не просто резко обрушился на новое искусство, но и показал, что оно является разновидностью западного иррационализма, в котором можно найти основы для вдохновения в чём угодно, даже в фашистской мифологии. «Вы хотели витальной силы, вы пресытились цивилизацией, вы бежали от разума в тёмный мир инстинктов, вы презирали массы в её стремлении к элементарным основам культуры, вы требовали от большинства слепого подчинения иррациональному зову сверхчеловека? Ну что ж, получите всё, что вам причитается» [9, с. 189]. Дерзость статьи была настолько ошеломляющей, что ей оппонировали десятки учёных; среди них были и такие выдающиеся фигуры, как Д. С. Лихачёв, Г. С. Померанц и другие. Лифшиц не принял их аргументов [7, с. 172], оставаясь упрямым «полезным ископаемым марксистом» в своих убеждениях. Своё требование соответствия художественной формы истинному содержанию он рассматривал как единственно верный способ реализации принципа подлинности в искусстве [13, с. 184]. Осуждая модернизм, Лифшиц отмечает, что сознание художника такого типа настолько изоцирено, он настолько боится мысли, что в итоге сводит искусство к «реальности голого факта» [9, с. 26], превращая феномен в подлинное содержание культурного объекта.

С точки зрения Лифшица модернизм в искусстве – это форма приспособления человека к условиям «отчуждённого мира». В этом тезисе неожиданно также слышится отголосок разговора об острашении. Если Шкловский требовал вернуть вещи её изначальный, первозданный смысл, рождаемый в процессе её сотворения, то Лифшиц считал, что модернизм практически уничтожа-

ет в вещах всякий смысл, лишая целостности и самодостаточности осмысляемое. Настоящее искусство должно способствовать воспитанию нравственных идеалов. Это делает и художественный миф.

Наконец, мифология даёт человеку бесценный *урок свободы*, служит противоядием от фаталистического смирения перед «наличным бытиём». «Везде, где человек детского мира встречает перед собою “стену” (говоря словами Достоевского), он обращается к мифу как *царству свободы*, рассказу о свободной основе всех вещей, опутанных в его положении сетью необходимости. Миф есть именно царство свободы, которое люди находят только в своей фантазии и не находят в сером свете будничного существования» [8, с. 413, 414].

Итак, Лифшиц не считает миф ни аллегорией, ни системой знаков, ни символом, но целостным, главным образом этико-эстетическим отражением реальных духовно-жизненных ситуаций, схватывающих целостность смыслов через систему художественных образов.

Лифшиц был уверен, что «разоблачение» коммунистического мифа, его подмена модернистским суррогатом означало распад общественных отношений и одновременно деформацию человека, подчинившего свою жизнь не идеальным законам жизни, но законам «надизма» и мещанства. В этой вере отражён авторский миф и самого М. А. Лифшица.

Список литературы

1. *Зенкин С. Н.* От Тарту до Парижа (Заметки о теории) // Новое литературное обозрение. 2019. № 6 (160). С. 336–347.
2. *Келле В., Ковальзон М.* Формы общественного сознания. Москва : Политическая литература, 1959. 263 с.
3. *Кессиди Ф. Х.* От мифа к логосу. Становление греческой философии. Москва : Мысль, 1972. 312 с.
4. *Ким Су Кван.* Основные аспекты творческой эволюции Ю. М. Лотмана: «иконичность», «пространственность», «мифологичность», «личностность». Москва : НЛЮ, 2003. 176 с.
5. *Климов Ю. Е.* Импульс мифа. Борисоглебск : БГПИ, 2011. 120 с.

Заключение

Изучение мифа в советской философии велось в разных направлениях – феноменологическом, гносеологическом, психологическом [6]. В статье, с одной стороны, показана глубинная связь теории мифа А. Ф. Лосева с идеями Серебряного века и выявлена немарксистская методологическая почва данной трактовки советской философии мифа: платонизм, приём остранения В. Б. Шкловского. Остранение и миф рассмотрены как два способа репрезентации «бытия», не только не определяющего сознание, но и напрямую от него зависимого.

С другой стороны, «высокий» советский миф этически и эстетически консолидировал массы вокруг гуманистического идеала всесторонне и гармонично развитой личности и общества, в котором «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех» (Маркс). Эту сторону дела выразил в своём творчестве М. А. Лифшиц, прежде всего проводя параллель между высокой мифологией античного и советского периодов.

Анализ современных форм мифосознания при помощи философско-методологического инструментария, разработанного этими двумя мыслителями, способен значительно углубить наше понимание культуры, в которой мы живём, и помочь выработать рационально-научное отношение к действительности, необходимо включающее в себя «импульс мифа».

6. Косарев А. Ф. Философия мифа. Москва : Университетская книга, 2000. 303 с.
7. Кузнецова Е. В. Этическое, гносеологическое, эстетическое в советской философской публицистике (1960-е – 1985) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. 2014. № 4. С. 166–174.
8. Лифшиц М. А. Античный мир, мифология, эстетическое воспитание. Партийность и реализм // Сочинения : в 3 томах. Москва : Изобразительное искусство, 1988. Том 3. 563 с.
9. Лифшиц М. А. Почему я не модернист? // Лифшиц М. А., Рейнгардат Л. Кризис безобразия. От кубизма к поп-арт. Москва : Искусство, 1968. С. 187–200.
10. Лосев А. Ф. Диалектика мифа. Москва : Правда, 1990. 147 с.
11. Лосев А. Ф. Философия имени // Из ранних произведений. Москва : Правда, 1990. С. 11–195.
12. Лотман Ю.М. О структурализме: работы 1965–1970 годов. Таллинн : Изд-во ТЛУ, 2018. 518 с.
13. Мареев С. Н., Мареева Н. С. Лифшиц о модернизме // Михаил Александрович Лифшиц / Институт философии РАН, Некоммерческий научный фонд «Институт развития имени Г. П. Щедровицкого»; под редакцией В. Г. Арсланова. Москва : РОССПЭН, 2010. С. 174–215.
14. Мареева Е. В., Мареев С. Н. Проблемы мышления: созерцательный и деятельностный подход. Москва : Академический проект, 2013. 280 с.
15. Меерсон О. Апокалипсис в быту. Поэтика неостранения у Андрея Платонова. Москва : Гранат, 2016. 362 с.
16. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. Москва : Наука, 1976. 407 с.
17. Мелетинский Е. М., Токарев С. А. Мифология // Мифы народов мира. Энциклопедия : в 2 томах / главный редактор С. А. Токарев. Москва : Советская Энциклопедия, 1987. Том 1. А–К (Корейская мифология). С. 10–16.
18. Оболевич Т. От имяславия к эстетике. Концепция символа Алексея Лосева. Историко-философское исследование. Москва : ББИ, 2014. 443 с.
19. Тахо-Годи А. А. От диалектики мифа к абсолютной мифологии // Вопросы философии. 1977. № 5. С. 168–175.
20. Тахо-Годи А. А. «История античной эстетики» А. Ф. Лосева как философия культуры // Лосев А. Ф. История античной эстетики : [в 8 томах]. Москва : АСТ ; [Харьков] : Фолио, 2000-. [Том 1] : Ранняя классика. 2000. С. 3–40.
21. Толстой Л. Н. Что такое искусство // Полное собрание сочинений : в 90 томах / под общей редакцией В. Г. Черткова. Москва ; Ленинград : Художественная литература, 1934–1958. Том 30. С. 27–207.
22. Ханзен-Лёве О. А. Русский формализм. Методологическая реконструкция развития на основе принципа остранения. Москва : Языки русской культуры, 2001. 669 с. (Studia philologica).
23. Шкловский В. Б. Воскрешение Слова. Санкт-Петербург : Типография З. Соколинского, 1914. 16 с.
24. Шкловский В. Б. Искусство как приём // Сборники по теории поэтического языка. Петроград : Типография З. Соколинского, 1916–1923. Выпуск 4. Опояз. 1921. С. 15–23.
25. Шкловский В. Б. О теории прозы. Москва : Советский писатель, 1983. 384 с.
26. Эйхенбаум Б. М. Теория «формального метода» // Литература: Теория. Критика. Полемика. Ленинград : Прибой, 1927. С. 116–148.
27. Эпштейн М. Н. Иронии идеала. Парадоксы русской литературы. Москва : НЛО, 2015. 384 с.
28. Davidson D. (2001) *Subjective, Intersubjective, Objective*. Oxford: Oxford University Press.
29. Klimova S. (2016) Mikhail Lifshits' logomyth: "the art of discrimination". *Studies in East European Thought*. Vol. 68, no. 4 : 283–293.
30. Quine W. V. (1963) *From a Logical Point of View. 9 Logico-Philosophical Essays*. New York: Harper & Row.

References

1. Zenkin S. N. From Tartu to Paris (notes on theory). *New Literary Observer*. 2019, no. 6 (160), pp. 336–347. (In Russ.).
2. Kelle V., Koval'zon M. *Forms of social consciousness*. Moscow, 1959. 263 p. (In Russ.).
3. Kessidi F. Kh. *From myth to logos. The formation of Greek philosophy*. Moscow, Mysl Publishers, 1972. 312 p. (In Russ.).
4. Kim Su Kvan. *The main aspects of Y.M. Lotman's creative evolution: "iconicity", "spatiality", "mythology", "personality"*. Moscow, New Literary Observer publishing house, 2003. 176 p. (In Russ.).

5. Klimov Yu. E. *The impulse of myth*. Borisoglebsk, 2011. 120 p. (In Russ.).
6. Kosarev A. F. *Philosophy of myth*. Moscow, University Book Publishing House, 2000. 303 p. (In Russ.).
7. Kuznetsova E. V. Ethical, epistemological and aesthetic aspects of Soviet philosophical essays (1960th – 1985). *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2014, no. 4, pp. 166–174. (In Russ.).
8. Lifshits M. A. The Ancient World, Mythology, Aesthetic Education. Party and Realism. In: Lifshits M. A. *Works. In 3 volumes, volume 3*. Moscow, Fine Arts Publishing House, 1988. 563 p. (In Russ.).
9. Lifshits M. A. Why am i not a modernist? In: Lifshits M. A., Reyngardat L. *The crisis of ugliness. from cubism to pop-art*. Moscow, Art Publishing House, 1968. Pp. 187–200. (In Russ.).
10. Losev A. F. *Dialectic of myth*. Moscow. Publishing House “Pravda”, 1990. 147 p. (In Russ.).
11. Losev A. F. Philosophy of the name. In: Losev A. F. *From early works*. Moscow, Publishing House “Pravda”, 1990. Pp. 11–195. (In Russ.).
12. Lotman Yu. M. *About structuralism: works from 1965–1970*. Tallinn, 2018. 518 p. (In Russ.).
13. Mareev S. N., Mareeva N. S. Lifshits about modernism. In: *Mikhail Aleksandrovich Lifshits*. Moscow, ROSSPEN Publishers, 2010. Pp. 174–215. (In Russ.).
14. Mareeva E. V., Mareev S. N. *the problem of thought: a contemplative and activity approach*. Moscow, Publishing House “Academic Project”, 2013. 280 p. (In Russ.).
15. Meerson O. *Home apocalypse. Andrei Platonov’s poetics of no-distancing*. Moscow, Publishing House “Granat”, 2016. 362 p. (In Russ.).
16. Meletinskii E. M. *Poetic of myth*. Moscow, Akademizdatcenter “Nauka” RAS, 1976. 407 p. (In Russ.).
17. Meletinskii E. M., Tokarev S. A. Mythology. In: *Myths of different peoples. In 2 volumes, volume 1*. Moscow, Publishing House “Soviet Encyclopedia”, 1987. Pp. 10–16. (In Russ.).
18. Obolevich T. *From Imyaslavie to aesthetics. The concept of symbol in Alexei Losev. Historical-philosophical research*. Moscow, 2014. 443 p. (In Russ.).
19. Takho-Godi A. A. From Dialectics of Myth to Absolute Mythology. *Voprosy Filosofii [Problems of philosophy]*. 1977, no. 5, pp. 168–175. (In Russ.).
20. Takho-Godi A. A. A. F. Losev’s “History of ancient aesthetics” as a philosophy of culture]. In: Losev A. F. *History of ancient aesthetics. In 8 volumes, volume 1*. Moscow, Kharkov, 2000. Pp. 3–40. (In Russ.).
21. Tolstoy L. N. What art is. In: Tolstoy L. N. *Full composition of writings. In 90 volumes, volume 30*. Ed. by Chertkov V. G. Moscow, Leningrad, Publishing house “Imaginative literature”, 1934–1958. Pp. 27–207. (In Russ.).
22. Khanzen-Leve O. A. *Russian formalism. Methodological reconstruction of development based on the principle of exclusion*. Moscow, LRC Publishing House, 2001. 669 p. (In Russ.).
23. Shklovskii V. B. *Resurrection of the Word*. St. Petersburg, 1914. 16 p. (In Russ.).
24. Shklovskii V. B. The Art as device. In: *Collections on the theory of poetic language. Issue 4*. Petrograd, 1921. Pp. 15–23. (In Russ.).
25. Shklovskii V. B. *About the theory of prose*. Moscow, Publishing House “Sovetskiy pisatel”, 1983. 384 p. (In Russ.).
26. Eykhenbaum B. M. The theory of “Formal method”. In: *Literature: Theory. Critics*. Leningrad, Publishing House “Priboy”, 1927. Pp. 116–148. (In Russ.).
27. Ehpshiteyn M. N. *The irony of the ideal. Paradoxes of Russian literature*. Moscow, New Literary Observer publishing house, 2015. 384 p. (In Russ.).
28. Davidson D. (2001) *Subjective, Intersubjective, Objective*. Oxford: Oxford University Press.
29. Klimova S. (2016) Mikhail Lifshits’ logomythy: “the art of discrimination”. *Studies in East European Thought*. Vol. 68, no. 4 : 283–293.
30. Quine W. V. (1963) *From a Logical Point of View. 9 Logico-Philosophical Essays*. New York: Harper & Row.

О СПЕЦИФИКЕ ОПЫТА КУЛЬТУРФИЛОСОФСКОЙ РЕФЛЕКСИИ Г. Д. ГАЧЕВА

УДК 101.9

<https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-597-18-25>

М. М. Шибаева

Московский государственный институт культуры, Химки, Российская Федерация, e-mail: skyday.vm@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматривается многоаспектный характер опыта культурфилософской рефлексии Г. Д. Гачева. Гносеологический, аксиологический, этнопсихологический и эстетический ракурсы философско-творческого наследия учёного неотделимы от специфики его способа постижения различных граней этнокультурного разнообразия и искусства, который был им определён как «привлечённое мышление». Данный способ синтезирует, согласно философу, логические построения и эмоциональный отклик на предмет рефлексии, а также ряд его собственных понятий. В связи с этим стоит отметить соотнесённость в работах Георгия Гачева разделяемой им позиции Вильгельма Дильтея и Михаила Бахтина относительно эвристического потенциала «вживания-вчувствования» в предмет научных изысканий с рядом авторских концептов. Введя в оборот концепт «Космо-Психо-Логос», учёный написал около 20 томов, посвящённых генезису и уникальности национальных образов мира, а также художественному аспекту культурного многообразия. Согласно Г. Д. Гачеву, его концепты и идеи относятся к такой сфере гуманитарного знания, как экзистенциальная культурология. В статье акцентируется внимание на том, что содержательность текстов мыслителя и стилистическая уникальность аргументации его воззрений в значительной мере обусловлены установкой на сочетание диалектического метода с принципами историзма и «образного априоризма».

Ключевые слова: Гачев, Космо-Психо-Логос, привлечённое мышление, экзистенциальная культурология, национальные образы мира, природа как текст, интеллектуально-художественное творчество, гнозис переживаний.

Для цитирования: Шибаева М. М. О специфике опыта культурфилософской рефлексии Г. Д. Гачева // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 5 (97). С. 18–25. <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-597-18-25>

ON THE SPECIFICS OF THE EXPERIENCE OF G. D. GACHEV'S CULTURAL AND PHILOSOPHICAL REFLECTION

Mikhailina M. Shibaeva

Moscow State Institute of Culture, Khimki City, Moscow Region, Russian Federation, e-mail: skyday.vm@yandex.ru

Abstract: The article is devoted to the multidimensional nature of Gachev's experience of cultural and philosophical reflection. The epistemological, axiological, ethnopsychological and aesthetic

---

ШИБАЕВА МИХАЛИНА МИХАЙЛОВНА – доктор философских наук, профессор кафедры культурологии факультета государственной культурной политики Московского государственного института культуры

SHIBAeva MIKHALINA MIKHAYLOVNA – Full Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Culturology, the Faculty of State Cultural Policy, the Moscow State Institute of Culture

© Шибаева М. М., 2020

perspectives of Gachev's philosophical and creative heritage are inseparable from the specifics of his way of comprehending various facets of ethnocultural diversity and art, which he defined as an "attracted thinking". This method synthesizes, according to the philosopher, logical constructions and emotional response to the subject of reflection, as well as a number of his own concepts. In this regard, it is worth noting the correlation in the works of George Gachev of the shared position of Wilhelm Dilthey and Mikhail Bakhtin regarding the heuristic potential of "getting used to" in the subject of scientific research with a number of author's concepts. Introducing the concept of "Cosmo-Psycho-Logos", the scientist wrote about 20 volumes devoted to the genesis and uniqueness of national images of the world, as well as the artistic aspect of cultural diversity. According to G. D. Gachev, his concepts and ideas belong to such a field of humanitarian knowledge as existential cultural studies. The article focuses on the fact that the semantic capacity of the thinker's texts and the stylistic uniqueness of the argumentation of his views are largely due to the author's attitude to the combination of the dialectical method with the principles of historicism and "figurative a priorism".

Keywords: Gachev, Cosmo-Psycho-Logos, attracted thinking, existential cultural studies, national images of the world, nature as a text, intellectual and artistic creativity, gnosis of experiences.

For citation: Shibaeva M. M. On the specifics of the experience of G. D. Gachev's cultural and philosophical reflection. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2020, no. 5 (97), pp. 18–25. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-597-18-25>

... Моя сократова тема – познавая миры,
я познаю сам себя, рикошетом.

... Многовариантность народов и их культур
есть сокровище человечества...

Г. Д. Гачев

Расширение отечественного пространства философской рефлексии над спектром проблем культуры связано в последние десятилетия как с тематическим обогащением сферы гуманитарного знания в целом, так и с интеллектуальным творчеством ряда глубоких и оригинальных мыслителей.

В их ряду – и Георгий Дмитриевич Гачев (1929–2008). Тематическая многогранность и смысловая ёмкость неординарных текстов мыслителя дают основание для признания таких измерений его опыта культурно-философской рефлексии, как *гносеологическое, этнопсихологическое, аксиологическое, экзистенциальное и эстетическое*. Каждое из отмеченных измерений неотделимо от актуализации установки мыслителя на интеллектуальную деятельность как творче-

ство, обуславливающее особое состояние субъекта познания – гнозис переживаний.

Значительное место в философско-творческом наследии этого мыслителя занимают труды, посвящённые феномену этнокультурного многообразия под углом зрения национального «Космо-Психо-Логоса». Побудителем к исследованию данного феномена являлся, по его признанию, ряд вопросов: «гносеология, национальная логика, склад мышления: какой "сеткой координат" данный народ улавливает мир и, соответственно, какой Космос ... выстраивается перед его очами и реализуется в его стиле существования, отражается в созданиях искусства и теориях искусства» [3, с. 16].

Особый интерес вызывала у Георгия Гачева «энтелехия» (целевая причина, по Ари-

стотелю) каждого народа и его национальной культуры, система ценностных ориентиров, которая проникает и сказывается во всём: от кухни и костюма до критерия научной истинности [5, с. 8]. Выявлению причинно-следственных связей в культурно-историческом развитии самых разных этносов и раскрытию уникальности духовно-практического освоения ландшафтно-климатических реалий было отдано исследователем много лет и сил. С этой точки зрения имеет смысл процитировать самого Георгия Гачева: «Я ищу докопаться до особого Ума каждого Народа как драгоценной породы, что залегает на глубине и образует фундамент его существования, определяет его мотивы, шкалу ценностей, поведение ... Ставлю опыты анализов, нахожу с разных сторон: поэзия, физика, религия ... и в итоге некоторый инвариант вырисовывается, и я описываю его» [1, с. 820].

Заслуживает внимания и такая особенность культурфилософской рефлексии Гачева, как его пристрастие к традиции объяснения национальной картины мира посредством «языков» *четырёх стихий, каждая из которых писалась им с большой буквы*, – Воздуха, Земли, Воды и Огня. Мотив возникновения этнокультурных различий под влиянием одной из стихий-доминант является в определённой степени смысловой нитью, связующей работы о различных гранях этнокультурного разнообразия, переживаемого как «возлюбленная непохожесть».

Многосложной задаче исследования «всего разветвлённого древа национальной культуры» (Г. Д. Гачев) было отдано несколько десятилетий, в течение которых создавался многотомный метатекст об особенностях актуализации космо-психологоса разных народов в ментальной систе-

ме культурных норм, ценностей и образцов, а также в фольклорной стихии. Причём каждая из работ исследователя писалась, по его утверждению, «под образным углом зрения» и в состоянии «гносеологической радости» [1, с. 246].

По мере осмысления философско-творческого наследия Георгия Гачева всё более очевидной становится несводимость предметной области его изысканий к проблематике генезиса автостереотипов народов мира и ментального разнообразия мировой культуры.

Будучи филологом по базовому образованию, полученному в МГУ, он довольно рано почувствовал потребность в философском осмыслении многих проблем динамики культуры, включая и стереотипы отношения к естественно-научному и гуманитарному знанию. Его установка на смысловое сопряжение этих типов научного знания была актуализирована в 1971 году в работе «Гуманитарный комментарий к физике и химии» (Диалог между науками о природе и человеке); а спустя 20 лет такого рода комментарий был значительно расширен и углублён, став содержательной основой двух монографий: «Книга удивлений, или Естествознание глазами гуманитария, или Образы в науке» и «Наука и национальные культуры». Дальнейшее развитие гачевский мотив модальности «встречного движения» различных наук получил в работе «Математика глазами гуманитария».

Представляется, что содержательно-экспрессивные особенности комментариев Гачева на эту тему обусловлены в немалой степени *субъективной готовностью и способностью удивляться*. Его книги, написанные в XX веке в реалиях научно-технического прогресса, подтверждают собой, насколько был прав Аристотель, когда от-

мечал ценность удивления как побудителя к философским размышлениям. Важно иметь в виду и то, что эвристический аспект опыта погружения Гачева в сферу естественно-научного знания отмечается не только философами, но и авторитетными представителями точных наук. Так, например, перспективность тенденции сужения водораздела между гуманитарным и естественно-научным знанием подчёркивается выдающимся учёным, удостоенным Нобелевской премии, Ильёй Пригожиным. Эту же позицию занимает, судя по его признанию, доктор физико-математических наук С. М. Курдюмов: «Мне интересны в работе Гачева необычные ракурсы рассмотрения, новые идеи и аналогии, возникающие при чтении благодаря включению представлений физики, механики и др. в более богатый контекст языка, культуры, национальной специфики мышления. Такой подход эффективно способствует установлению общих корней, неожиданных связей, новых контактов между понятиями и образами науки и культуры; позволяет понять морфогенез научных идей» [13, с. 43].

Не менее наглядно проявляется в исследовательской мотивации Гачева и его устойчивый интерес к вопросам эстетики как философии искусства: свидетельство тому его работы «Жизнь художественного сознания», «Содержательность художественных форм», «Творчество, жизнь, искусство», «Музыка и световая цивилизация» и другие. В каждой из этих работ природа и сущность художественного творчества рассматривались в оптике, близкой к культурологической эстетике. Трансформация художественных форм от Античности до XX века предстаёт в эстетической рефлексии мыслителя через призму исторического развития и актуального состояния ис-

кусства как «культурного самосознания» (Г. Г. Шпет). Согласно Георгию Гачеву, «жанры художественного миропонимания усложняются вместе с усложнением бытия и сознания» [11, с. 72], а в контексте динамики культуры «смещение языковых систем является неистощимым источником для художественного освоения бытия» [11, с. 73].

Предавшись, говоря словами самого Гачева, «вольному любознанию», он разработал собственный способ «вживания-вчувствования» (М. М. Бахтин) в проблематику культурно-эстетического разнообразия как «изобилия бытия». Логику субъективного постижения различных граней «изобилия бытия» и свои ощущения «гностической радости» он раскрывал в жанре «жизненно-философского дневника». Такого рода жанр соответствовал гачевскому доверию к эвристической энергетике «привлечённого мышления», направленного на «уразумение» не только собственно философских проблем, но и «диалектики повседневности», в немалой степени обуславливающей характер субъективных впечатлений и переживаний. Отсюда и его последний, увы, незавершённый замысел написания книги «Философия быта как Бытия».

К разряду особенностей экзистенциальной культурологии Гачева относится, на наш взгляд, *взаимосвязь гносеологического и аксиологического подходов* к предмету рефлексирования. Одно из убедительных свидетельств – его интерпретация природного аспекта Бытия. Разделяя идею существенного влияния природного фактора на этногенез и своеобразие социально-культурных сфер жизнедеятельности каждого народа, Гачев не сводил понятие природы к «вмещающему и кормящему ландшафту», как это характерно для работ Л. Н. Гумилёва. Гачевское толкование природы выво-

дит на более расширительное и глубокое постижение данного явления посредством *ценностно окрашенного концепта «Природина»*. Данный концепт позволяет рассматривать в аксиологическом дискурсе своеобразие народной жизни в определённых ландшафтно-климатических условиях и этнокультурной идентичности. Эвристический потенциал своего неологизма «Природина» Гачев связывал с тем, что «Природа есть текст, скрижаль завета, что Народ должен прочитать, понять и реализовать в ходе Труда, в творчестве культуры на сей земле» [10, с. 141].

Именно поэтому, с точки зрения Гачева, природа не столько противостоит культуре, сколько является импульсом для неё: «уже устройство природы здесь есть текст и сказ: горы или море, лес или степь, тропики или времена года – это же всё некие мысли бытия, сказанные словами природы!» [10, с. 141]. Обосновывая в своих книгах тезис о том, что «... национальный образ мира есть диктант национальной Природы в Culture» [6, с. 16], Георгий Гачев призывал «вернуться к благоговению перед Природой как сокровищницей сверхидей тайного разума!» [7, с. 451].

То обстоятельство, что в текстах Гачева естественный и искусственный миры обозначаются с большой буквы, подобно Богу, говорит о сакральном отношении исследователя к природно-культурным основаниям самобытности каждого народа как субъекта своей уникальной исторической судьбы. С этой точки зрения стоит отметить, что в отличие от приверженцев традиции утилитарного отношения к природе, для Георгия Гачева характерно *благоговейное восприятие* органического мира во всём его многообразии и циклической смене времён года. Такого рода восприятие, с одной

стороны, роднило исследователя с философскими взглядами Руссо, западноевропейских романтиков и русских органицистов на природу как безмерную ценность, а с другой – побуждало включать свои темпоральные ощущения и более глубокие переживания в контекст размышлений над идеями мыслителей совсем иного типа: это, например, его книги «Осень с Кантом» и «Зима с Декартом».

Особенности подхода Гачева к трудам «знаковых» философов Нового времени связаны с трактовкой субъекта культуры через призму этнонациональной идентичности. Стремление мыслителя «описать-понять каждый национальный мир как космо-историческую Личность, персонаж необходимый и незаменимый в Человечестве» [4, с. 3.], в немалой степени обусловило и логику раскрытия ментального фактора философствования в контексте национального Космо-Психо-Логоса.

Свои «интеллектуальные путешествия» в культурные миры разных стран и народов Гачев осуществлял посредством сопряжённости познавательного-аналитического и ценностно-эмоционального способов постижения предмета рефлексии. Такая сопряжённость позволяла мыслителю показать и обосновать на массиве культурных текстов и артефактов «национальное как особый талант зрения» [3, с. 5]. Причём своеобразие этнокультурного мировидения раскрывалось через призму *проблемы субъекта национальной культуры* – как коллективного, так и индивидуального.

Многолетний интерес к данной проблеме он объяснял несколькими причинами. Во-первых, тем, что «национальный характер народа, мысли культуры – очень хитрая и трудноуловимая материя» [8, с. 46]. Во-вторых, тем непреложным для мыс-

лителя обстоятельством, что «природная, общественная и культурная среда не может не пропитываться своими установками, ориентирами, шкалой ценностей, архетипами мышления учёного, его деятельность с объектами своей науки» [5, с. 9]. Отсюда и третья причина научной целесообразности познания специфики национального Космо-Психо-Логоса через «вживание-вчувствование» в классические образцы индивидуального творчества. Согласно мыслителю, «погружаясь в тексты классиков культуры и цивилизации каждой страны, народа, мы можем “без гнева и пристрастия” проникнуть в то, что есть каждый народ по истине и сути, какими понятиями руководствуется его ум, какими ценностями – его поведение, в том числе и международная политика ...» [1, с. 824.]

Ключевые концепты и идеи Гачева, его опыт культурфилософской рефлексии, все десятилетия «жизни с мыслью» несут на себе печать особого типа переживаний «привлечённого мышления»: исследователем руководила, говоря его же словами, «жизненно-страстная, эросная энергия» [2, с. 5]. Нередко такого рода энергетику он определял близким к «эросу духа» Платона понятием «разум восхищённый».

Такая характерологическая черта оригинального мыслителя не только стимулировала его философско-творческую мотивацию, но и создавала немало препятствий на его пути. Собственные, неизменно отстаиваемые Гачевым принципы познания вызывали неоднозначное отношение коллег-гуманитариев к его идеям и способам их интеллектуально-образного раскрытия¹. Авторская верность принципам «братания

между жанрами научного и художественного мышления» и «присутствия субъекта в исследовании объекта», как и увлечённость «образным априоризмом» и ассоциативно-метафорическими приёмами изложения раздражали и затрудняли публикацию гачевских рукописей вплоть до конца 1980-х годов.

А между тем особенности характерного для Гачева стиля изложения исследовательской позиции на основе сочетания самых разных способов выражения не противоречат логике научных изысканий. В связи с этим стоит напомнить о гносеологической позиции Вильгельма Дильтея: по его утверждению, «в гуманитарно-научном методе заключено постоянное взаимодействие переживания (Erlebnis) и понятия (Begriff). В переживании индивидуальных и коллективных связей гуманитарно-научные понятия находят своё воплощение, подобно тому, как, с другой стороны, непосредственное повторное переживание само возвышается до степени научного познания при посредстве общих форм мышления» [12, с. 11].

Это суждение яркого представителя философии жизни подтверждается как содержательной ёмкостью философско-творческого наследия Гачева, так и неповторимостью авторского стиля вербализации своих идей. К поэтике и эстетике каждого из семнадцати томов национальных образов мира, а также исповедального текста «Жизнь с мыслью» вполне приложим следующий тезис Поля Рикера: «... мы вслед за Гадамером можем говорить о фундаментальной метафоричности мысли в той степени, в какой фигура речи, называемая метафорой, позволяет нам увидеть общую процедуру создания понятий» [14, с. 422].

Таким образом, содержательность «интеллектуальных путешествий» в истори-

¹ Более подробно этот момент раскрыт в нашей статье «Экзистенциальная культурология Г. Д. Гачева в ракурсе проблемы творчества» [15, с. 155–157].

ческие глубины этнокультурного разнообразия и стилистика аргументации Гачева как незаурядного мыслителя дают основание для вывода об эвристической значимости его философско-творческого наследия. Конфигуративность взаимосвязи в книгах Гачева гносеологического, аксиологического, этнопсихологического и экзистенциального подходов к генезису и динамике этнокультурного разнообразия вполне согласуется с его установкой на сопряженность философской и художественной рефлексии. По свидетельству мыслителя, в рефлексии над любой темой он стремился «уловить интуиции, созерцания и видения под системно-рассудочными выкладками философов» [9, с. 13].

Все труды оригинального исследователя являются – благодаря уникальной «стратегии» постижения любого предмета рефлексии и гуманистическому звучанию – неотъемлемой гранью экзистенциальной культурологии как специфического и перспектив-

ного направления гуманитарного знания в целом. Именно поэтому ряд его идей и концептов вписан в контекст и современной интеллектуально-творческой жизни, соответствуя потребностям современной науки.

По сути, десятилетия неустанного «писания в стол» (о публикации его изысканий до конца 1980-х годов не могло быть и речи) были периодом *культурного подвижничества* Гачева. Весь его жизненный путь, наполненный духовно-нравственными исканиями и обретениями, являет собой наглядное подтверждение философии поступка (М. М. Бахтин). Именно поэтому трудно переоценить опыт сопряжения в философском наследии Георгия Дмитриевича Гачева сугубо научных проблем с рационально-эмоциональным постижением ценностных и творческих аспектов человеческого существования как Бытия. Отсюда и значимость вклада самобытно мыслящего и свободно выражающего свою позицию философа в сферу гуманитарного знания.

Список литературы

1. Гачев Г. Д. Германский образ мира. Германия в сравнении с Россией. Москва : Академический проект, 2019. 855 с.
2. Гачев Г. Д. Италия. Опыт экзистенциальной культурологии. Москва : Воскресенье, 2007. 416 с.
3. Гачев Г. Д. Ментальности народов мира. Москва : Алгоритм : Эксмо, 2008. 544 с.
4. Гачев Г. Д. Миры Европы. Взгляд из России. Англия, интеллектуальное путешествие. Москва : Воскресенье, 2007. 688 с.
5. Гачев Г. Д. Наука и национальные культуры (гуманитарный комментарий к естествознанию). Ростов-на-Дону : Изд-во Ростовского университета, 1992. 320 с.
6. Гачев Г. Д. Национальные образы мира : Общие вопросы. Русский. Болгарский. Киргизский. Грузинский. Армянский / [предисловие Е. Сидорова]. Москва : Советский писатель, 1988. 447 с.
7. Гачев Г. Д. Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. Москва : Прогресс : Культура, 1995. 480 с.
8. Гачев Г. Д. Национальные образы мира : Курс лекций. Москва : Академия, 1998. 430 с.
9. Гачев Г. Д. Образы Божества в культуре. Национальные варианты. Москва : Академический проект, 2016. 891 с.
10. Гачев Г. Д. Русская дума. Портреты русских писателей. Москва : Новости, 1991. 267 с.
11. Гачев Г. Д. Содержательность художественных форм : Эпос. Лирика. Театр. Москва : Просвещение, 1968. 303 с.
12. Дильтей В. Сущность философии. Москва : Интрада, 2001. 154 с.
13. Курдюмов С. М. От читателя-физика // Высшее образование в России. 2001. № 4. С. 43–44.

14. Рикёр П. Метафорический процесс как познание, воображение и ощущение // Теория метафоры : [сборник] / перевод под редакцией Н. Д. Арутюновой, М. А. Журиной ; вступительная статья [с. 5–32] и составление Н. Д. Арутюновой ; [автор примечаний М. А. Кронгауз]. Москва : Прогресс, 1990. С. 416–434.
15. Шибалева М. М. Экзистенциальная культурология Г. Д. Гачева в ракурсе проблемы творчества // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2019. № 4. С. 153–163.

References

1. Gachev G. D. *Germanic image of the world. Germany versus Russia*. Moscow, Publishing House “Academic Project”, 2019. 855 p. (In Russ.).
2. Gachev G. D. *Italy. Experience of existential cultural studies*. Moscow, Publishing House “Voskresenie”, 2007. 416 p. (In Russ.).
3. Gachev G. D. *The mentality of the peoples of the world*. Moscow, Algoritm Publishing House, 2008. 544 p. (In Russ.).
4. Gachev G. D. *Worlds of Europe. View from Russia. England, an intellectual journey*. Moscow, Publishing House “Voskresenie”, 2007. 688 p. (In Russ.).
5. Gachev G. D. *Science and national cultures (humanitarian commentary on natural science)*. Rostov on Don, Publishing House of the Rostov State University, 1992. 320 p. (In Russ.).
6. Gachev G. D. *National images of the world: general issues. Russian. Bulgarian. Kyrgyz. Georgian. Armenian*. Moscow, Publishing House “Sovetskiy pisatel”, 1988. 447 p. (In Russ.).
7. Gachev G. D. *National images of the world. Cosmo-Psycho-Logos*. Moscow, Progress Publishers, 1995. 480 p. (In Russ.).
8. Gachev G. D. *National images of the world: course of lectures*. Moscow, Publishing House “Academia”, 1998. 430 p. (In Russ.).
9. Gachev G. D. *Images of the deity in culture. National variants*. Moscow, Publishing House “Academic Project”, 2016. 891 p. (In Russ.).
10. Gachev G. D. *Russian дума. Portraits of Russian writers*. Moscow, 1991. 267 p. (In Russ.).
11. Gachev G. D. *Substantial content of art forms: Epic. Lyrics. Theater*. Moscow, Publishing House “Prosveshchenie”, 1968. 303 p. (In Russ.).
12. Dilthey V. *The essence of philosophy*. Moscow, Publishing House “Intrada”, 2001. 154 p. (In Russ.).
13. Kurdyumov S. M. From a physics reader. *Vyssee obrazovanie v Rossii [Higher Education in Russia]*. 2001, no. 4, pp. 43–44. (In Russ.).
14. Ricoeur P. Metaphorical process as cognition, imagination and sensation. In: Arutyunova N. D., Zhurinskaya M. A., eds. *Theory of metaphor*. Moscow, Moscow, Progress Publishers, 1990. Pp. 416–434. (In Russ.).
15. Shibaeva M. M. G. D. Gachev’s existential theory of culture in the perspective of the creativity problem. *Vestnik TVGU. Seriya: Filosofiya = Herald of Tver state university. Series: Philosophy*. 2019, no. 4, pp. 153–163. (In Russ.).

*

УСПЕХ КАК ЛЕЙТМОТИВ СОВРЕМЕННОСТИ

УДК 008

<https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-597-26-34>

М. Масхулия

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, e-mail: masskhulia@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена проблеме внешнего (информационно-сообщающего) и внутреннего (содержательно-преобразующего) успеха. В статье, помимо понятия «успех», рассматриваются связанные с ним категории – *труд* как условие достижения успеха и *признание* как фактор, которым обусловлены образы действительности. Автор показывает, что тема успеха становится актуальной в свете общественной неудовлетворённости как социально-экономическими, так и морально-нравственными аспектами современной эпохи. Основная причина фрустрации человека автору видится в конфликте (а) *человеческого духа*, стремящегося к достижению внутреннего преобразующего успеха, (б) *человеческой природы*, которая прежде всего нуждается в удовлетворении материальных потребностей, (в) *культуры мышления*, которая признаёт воображаемые образы успеха материально актуальными, и (г) *человеческого действия*, которое ищет «утешение» во внешнем поверхностном успехе.

Ключевые слова: успех, счастье, удовлетворённость, признание, труд, компетентность, иллюзорность, фрустрация, культура, религия.

Для цитирования: Масхулия М. Успех как лейтмотив современности // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 5 (97). С. 26–34. <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-597-26-34>

SUCCESS AS A MAIN IDEA OF MODERNITY

Mate Maskhulia

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation e-mail: masskhulia@gmail.com

Abstract: The article is dedicated to the problem of external (informative, superficial) and internal (objective, consequential, relevant) success. In order to conceptualize *success* as a philosophical category the author applies a culturological approach. Along with *success*, article touches upon such accompanying categories as *labor* as a condition for achieving success and *recognition* as a factor that determines the images of reality. The author considers success as the main idea of human action. At the same time, success is considered of current interest due to certain disappointment of human beings with both socioeconomic and moral aspects of modernity. The author assumes that the main reason of social dissatisfaction consists in the conflict of (a) *human spirit* which strives to achieve internal transformative success, (b) *human nature* which seeks to satisfy material needs, (c) *culture of thinking* that recognizes informative success as materially actual, and (d) *human action* which seeks “consolation” in achieving external success.

Keywords: success, happiness, satisfaction, recognition, labor, competence, illusion, frustration, culture, religion.

For citation: Maskhulia M. Success as a main idea of modernity. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2020, no. 5 (97), pp. 26–34. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-597-26-34>

МАСХУЛИЯ МАТЕ – аспирант Института социологии и регионоведения Южного федерального университета

MASKHULIA MATE – PhD student of the Institute of Sociology and Regional Studies, the Southern Federal University

Тема нашей статьи – успех как феномен внешней и внутренней культуры, где под культурой мы понимаем, в соответствии с деятельностной концепцией человека, способы мышления, переживания и действия. Избранный ракурс видения находится на стыке собственно-культурологической и философско-антропологической проблематики, хотя теме успеха куда большее внимание до сих пор уделялось другими дисциплинами.

Научное сообщество традиционно рассматривает тему успеха с четырёх основных исследовательских ракурсов: психолого-акмеологического, психолого-педагогического, лингвосемантического и философско-культурологического. Психолого-акмеологический подход анализирует успех в контексте удовлетворения потребностей, реализации и самоидентификации личности. Психолого-педагогический ракурс сосредоточен на вопросах мотивации молодёжи школьного и дошкольного возраста. Лингвосемантический подход анализирует понятие «успех» в рамках разнообразных лингвокультур. Тему успеха не обходят стороной и философы, которые рассматривают *успех* в контексте глобализации и упрочнения материальных ценностей в качестве лейтмотива человеческого бытия. В философских работах можно проследить некую условную и манипулятивную сущность *успеха* как философской категории. Тема условности успеха, несомненно, нуждается в более глубоком культурологическом и философском анализе.

Современная литература выделяет две стороны понятия «успех»: (а) *внешний*, то есть информационно-сообщающий, имиджевый, поверхностный, и (б) *внутренний*, который можно интерпретировать как содержательно-преобразующий,

то есть предполагающий долговременные последствия. Успех также рассматривается в контексте сингулярности (практического применения успеха «здесь и сейчас») и системности (его долгосрочного планирования и поэтапного достижения) [16]. Кроме того, различные трактовки *успеха* даются и в контексте анализа межнациональных культур. Так, принято считать, что в западной культуре достижение успеха предполагается посредством усилий и труда, а в русской (да и не только) – вся надежда на благоприятное стечение обстоятельств (знаменитое «авось»). Однако и в том, и в другом случае понятие «успех» предполагает постановку вопроса из раздела телеологии: «с какой целью совершается то или иное действие»? Данный вопрос может содержать и уточнения: «Действие совершается с целью достижения имиджевого или содержательного успеха?», «Коррелирует ли внешний имиджевый успех с внутренним?», «Почему в мире так много успеха и в то же время так мало удовлетворённости им?», «Существует ли вообще успех, то есть то, чем можно гордиться»? Именно поэтому целью нашей статьи является прояснение концепта «успех» и таких сопутствующих ему понятий, как «труд» и «признание».

Что означает понятие «успех»: авторитетные мнения XX века

Современная цивилизация ассоциируется с небывалым техническим прогрессом. Очевидно, что жизнь человека перестала определяться биологическими ритмами с момента запуска первых паровых машин в лаборатории Уатта. Человек в результате превратился в неумного экспериментатора, который «разобрал» окружающий мир на атомы. Однако став сведущим и заполнив свою жизнь хаосом знаний и тех-

нологий, человек тем не менее по-прежнему не умирает.

Становление и развитие рыночной экономики оставило человеку на выбор два пути – конкуренцию и отстранение. Первый способ существования в рыночном обществе предполагает подстраивание под искусственные жизненные ритмы, подразумевающие непрерывное соперничество за «место под солнцем». Второй путь – это путь человека-неудачника, не стремящегося к соперничеству, не желающего доказывать свою состоятельность. Современная наука обозначает такого человека термином «невротик», то есть человеком, который не приспособлен к жизни в социуме. Данный термин занял своё место в реестре медицинских отклонений, символизируя девиантность человека-невротика от общепринятого, то есть разумного поведения «здоровых» людей. Однако мало у кого возникает вопрос о разумности того, к чему призывают (а порой принуждают) приспособиться «девианта». В то же время, как отмечает Хорни, в доиндустриальные эпохи современный человек-невротик не считался бы чем-то неординарным: «Понятие о том, что является нормальным, видоизменяется не только в различных культурах, но и с течением времени, в пределах одной и той же культуры» [5].

Таким образом, деятельность современного человека подведена под принцип рыночного соперничества, лейтмотивом же любого действия является достижение конечного *успеха*. В данном контексте вырисовываются логические составляющие проблемного поля понятия «успех»: (а) постановка цели (уровень замысла), (б) способы достижения цели (уровень действия), (в) реализация цели с последующим чувством удовлетворённости (уровень послед-

ствий). В связи с этим стоит разобраться, как определяют понятие «успех» современные авторы.

Американский прагматизм начала XX века в лице Джона Дьюи отождествляет успех со *счастьем*, счастье, в свою очередь, позиционируется как *благо*. На пути достижения счастья признаётся приемлемым плюрализм средств, который, однако, должен руководствоваться принципами «этической любви». Сами блага Дьюи также связывал с множеством значений. Так, *благо*, то есть то, что приносит счастье, – это здоровье, богатство, честь, доброе имя, дружба, высокая общественная оценка, образованность, умеренность, справедливость, доброжелательность [7]. Иными словами, мотив деятельности человека предопределяется желанием овладеть вышеперечисленными благами. В работах видного американского психолога Абрахама Маслоу успех личности был созвучен чувству удовлетворения человеком своих потребностей. Человек, по Маслоу, нуждается в удовлетворении физиологических, социально-статусных, эстетических и познавательных потребностей [11]. «Отец» американской психологии и сооснователь прагматизма Уильям Джеймс выделял степень первичной и вторичной удовлетворённости. В своей теории эмоций Джеймс писал о главенстве физиологии в процессах реагирования на те или иные события. В то же время он полагал, что эмоциональное переживание события (наделение события характеристикой) является следствием когнитивной интерпретации первичной физиологической реакции [12]. Таким образом, удовлетворённость – это то, что ощущается *хорошо* и после этого положительно интерпретируется. О теме личностного успеха писали и другие видные представители запад-

ного прагматизма – Сидни Хук, Фердинанд Шиллер, Джеймс Марк Болдуин. Отмечается, что «триада человек – деятельность – успех» – одна из центральных тем классической западной философии и психологии [1].

Темой успеха интересовалась также континентальная философия в лице Вернера Зомбарта, Макса Вебера и Карла Мангейма. Зомбарт ещё в начале XX столетия усматривал тенденцию вытеснения из общественной жизни такого понятия, как «умеренность». По его словам, с развитием капитализма обществу навязываются безмерная конкуренция и жажда прибыли. Критикуя современную эпоху, он в то же время ностальгирует по доиндустриальной и домодернистской формам бытия. Вебер развил идею Зомбарта, видевшего в капитализме две составляющие – предпринимательство и ростовщичество. Традицию ростовщичества Зомбарт и Вебер связывали с этическим дуализмом иудаизма – с *чужеземца можешь брать проценты, но с брата твоего не бери*. В то время как традицию индустриального предпринимательства Вебер (в отличие от Зомбарта) усматривал в английском пуританстве, который и рассматривался им в качестве прародителя «духа капитализма» [9]. Становление капитализма породило стратификацию общества, возникли понятия «класс», «статус» и «партия». Первое понятие Вебер отождествлял с экономическим богатством, второе – с престижем, третье – с идеологией и властью. Так, *классы* стратифицированы вследствие их (а) отношения к производству и (б) покупательной способности; *статусные группы* стратифицированы на основании принципов потребления товаров, что обозначается в современном обществе как «стиль жизни». Что касается *партий* (то есть идеологии, власти), то они отождествляются с таким

понятием, как «социальное действие», что, в свою очередь, подразумевает ассоциативность. Вебер подчёркивал, что развитие возможно только внутри групп, члены которых действуют не поодиночке, но подчиняются формально-рациональному порядку. Соблюдение же формального порядка должна обеспечивать группа уполномоченных лиц, то есть «оценщиков». Классовые, статусные и партийные позиции переплетаются, становясь ресурсными базами в борьбе за власть, которая, в свою очередь, является гарантом экономического благополучия. Таким образом, фактором, который стоит за понятиями «класс», «статус», «партия», является *экономический интерес*. В социально-структурной стратификации Вебера отслеживаются такие сегрегативные понятия, как «субординация», «доминирование» и даже «антропологическая чистокровность». В своих работах Вебер использует термины «положительно привилегированный» и «отрицательно привилегированный». Ими он описывает такие морально-нравственные категории, как *честь* и *достоинство*, осознание которых колеблется внутри социально разъединённого общества [15].

Возвращаясь к теме статьи, стоит упомянуть Карла Мангейма, интерес которого был направлена на социокультурные корни человеческого мышления. В частности, он выделял два типа мышления: мышление господ (идеология) и мышление ведомых масс (утопия). Первый тип мышления Мангейм связывал с властью и контролем; второй – с искажением действительности, сопровождающейся самообманом. Особая роль в процессе искажения действительности, по мнению Мангейма, принадлежит религиозному мистицизму. В целом он считал сознание социально детерминированным, где утопическое (искажённое) бессознатель-

ное мышление приобрело трансисторический характер [13]. Надо заметить, что тема искажения реальности, а точнее конструирования реальности, станет одной из центральных в 1960-х годах. Так, теоретики социологии знания Питер Бергер и Томас Лукман, ссылаясь на наработки Карла Мангейма и Макса Шелера, объявляют институционализированное знание (в том числе религиозное) инструментом контроля над обществом; а процесс социализации и ресоциализации представлялся им тем, что позже социальные психологи назовут «программированием» сознания масс; само же общество – символом побеждённой природы, где фрустрированное биологическое существо – человек – превратилось в социально обусловленную идентичность. В своих лекциях, посвящённых душе и культуре, Мангейм говорил о формировании структурированного и расчётливого мышления современного общества. В таком обществе, по всей видимости, морально-этическая сторона жизни объявлена иррациональным анахронизмом, а вместо благоговения перед жизнью наблюдается беспощадная и порой слепая борьба за жизнь.

Альберт Швейцер, известный гуманист начала XX столетия, отмечал, что благодаря науке и технологиям современный человек научился конструировать жизнь, противостоять стихии природы, но в то же время утратил «вкус жизни». По словам Швейцера, «философия должна начинаться с самого непосредственного и всеобъемлющего факта сознания, которое гласит: “Я жизнь, которая хочет жить, посреди жизни, которая хочет жить”» [8]. Швейцер видел спасение и сохранение образа человека в служении другим живым существам без исключения, даже если оно потребует самопожертвования. Он продемонстрировал

приверженность своим идеалам на примере своей жизни – непрерывным и безвозмездным служением нуждающимся, непокорностью обстоятельствам, общественным активизмом. Швейцер полагал, что успех не ведёт к счастью, наоборот – чувство счастья является залогом успеха. В то же время он отмечал, что человека делает истинно счастливым занятие любимым делом.

Идею Швейцера о верховенстве труда в жизни человека и триединстве понятий «труд» – «счастье» – «успех» можно дополнить такой профессиональной категорией, как «компетентность труда», или «компетентная деятельность» (от лат. *competens* – ‘соответствующий, знающий’). В современном понимании выделяются несколько составляющих компетентности: (а) способность выполнять социальную роль; (б) способность к объективной самооценке; (в) способность к коммуникации, подразумевающей эмпатию, взаимодоверие, навык договариваться; (г) способность к саморазвитию, то есть способность принимать во внимание поступающую извне информацию [6]. Тем самым *компетентная деятельность* напрямую ориентирована на (а) социальную полезность действия и в то же время предполагает (б) самокритичность, то есть способность субъекта к переосмыслению своих действий. При этом стоит отметить, что *компетентный труд* (или *компетентная деятельность*) субъекта оказывает влияние на функционирование как социальной микросистемы, так и социальной макросистемы, то есть общества в целом [6].

Признание и образы действительности

Ничто и никто не может носить статус успешного, будучи не признанным таковым. Рикёр пишет о двойственном характере понятия «признание» – о самопри-

знании и о взаимопризнании. Первый тип признания отмечается внутренним диалогом человека с самим собой. При внутреннем диалоге человек признаёт себя автором своих способностей и определяет границы своих возможностей [4]. Таким образом, индивид позиционирует себя «человеком могущим» в первую очередь в своём собственном (воображаемом) представлении о себе. Однако человек (за редким исключением) тем или иным образом интегрирован в социум, тем самым вопрос о его признании тождествен в первую очередь вопросу о самоуважении и «созидании себя в социальной сфере», что подразумевает выход из воображаемого мира в материальный [3]. Таким образом, самопризнание для Рикёра связано с такими понятиями, как (а) *реализация* индивидуальных способностей; (б) *помощь* в реализации способностей; (в) *препятствие* в реализации способностей в контексте жизни в социуме. Признание субъекта происходит в процессе рефлексивной коммуникации и имеет оттенок конвенциональности [4]. И действительно, способности одних мы признаём, способности других принижаем, способности третьих и вовсе не замечаем. Так способности какого человека современное общество признаёт ценным?

Относительно России можно констатировать – с начала 1990-х годов жизненная стратегия членов общества претерпела существенные изменения. В унисон политическим сдвигам изменилась и «правильная модель» поведения, которая гармонизировала бы с системой новых ценностей. Так, социальные ожидания начали в первую очередь ассоциироваться с такими категориями, как «амбициозность», «предприимчивость», «материальная состоятельность». В то же время ушло на второй план такое

понятие, как «верховенство закона», под которым в первую очередь понимаются писанные формальные правила жизнедеятельности социума [14]. Очевидно, с тех пор достижение материальных благ (как финансовых, так и статусных), будучи жизненной целью, подчиняется принципу «успех любой ценой», что часто входит в противоречие как (а) с реальной ценностью субъекта, так и (б) с этичностью способов достижения субъектом вождельных благ.

Сирил Паркинсон пишет о двух испытаниях, которые общество *формально* предъявляет человеку в качестве условия признания его успешным: о проверке умственных способностей человека и проверке его духовной устойчивости. При этом Паркинсон даёт понять, что в условиях того же социума всегда существуют «обходные пути», прибегая к которым заурядное становится значимым, а порочное – добродетельным [2]. Таким образом, важны критерии того, *что* считать «умным» (рациональным, полезным, многообещающим для общества) и «духовным» (морально незыблемым); однако не менее важна роль тех, кто уполномочен давать оценку, то есть интерпретировать формальные требования и сопоставлять их с непосредственной реальностью (то есть ценностью субъекта).

Роль человека в качестве творца образов действительности актуализировал известный философ-экономист Фридрих Хайек. Он рассматривал человека в первую очередь в ипостаси социального агента, наделённого, с одной стороны, *схемой действия*, а с другой – *силой воздействия*. Согласно Хайеку, в корне любого социального явления лежит система ценностей индивида, в соответствии с которой конструируется такая коллективистская концепция, как *общество*. Важно отметить, что

Хайек различал две концепции: «человеческий проект» (Human Design), то есть нечто, что задумано человеком или группой людей, и «человеческое действие» (Human Action). *Человеческий проект* наделён индивидуальными, деперсонализированными качествами, он содержит нечто, что, как правило, соответствует интересам общества. В то же время Хайек подчёркивает, что воплощение в жизнь человеческого проекта зависит от коллективистских действий. В частности, он отмечает, что на стадии реализации действий индивидов происходит *искажение* изначально задуманного [10]. Таким образом, социальные явления, критикуемые обществом, есть не что иное, как результат *проступка* социального агента, то есть индивида, наделённого полномочиями давать оценку и принимать решение. И в данном контексте не столь принципиален статус индивида, сколько важен сам факт преступления формальных «правил игры» (задуманного идеального).

Жизнь в обществе незримо ставит условие: личный успех социально деятельного и признанного другими человека (то есть человека, вышедшего за рамки воображаемого успеха) должен находить отражение в той среде, в которой успешный человек выполняет свою социальную роль. Так, успешный руководитель не может быть руководителем неуспешной организации; успешный преподаватель не может быть наставником не преуспевающего в знании ученика; успешный пастырь не может считаться таковым, если его приход погряз в грехе ... Возможно, главное лицемерие современности состоит в парадоксе, когда неуспешными объектами руководят неизменно успешные субъекты («эффективные менеджеры», «мудрые учителя», «святейшие отцы» и т.д.). По всей видимости, это и порождает об-

раз современной действительности, где так много внешнего (информационно сообщаемого) успеха и так мало удовлетворённости им.

Подводя итоги нашего размышления, необходимо отметить, что в интуитивном понимании успех, свойственный людям современной культуры, это ощущение счастья, радости и удовлетворённости, которое в первую очередь ассоциируется с эффективным достижением цели. Цель же в большинстве случаев тесно связана с обретением материально-статусных благ, удовлетворение от долговременного обладания которыми трансформируется во внутреннюю гармонию. Такова уж природа подавляющего большинства людей буржуазно-рыночной культуры.

Успех или то, чем можно гордиться, безусловно, существует. Успех социально деятельного субъекта, вышедшего за рамки воображаемого признания, видится в том, что идёт во благо адресату его действия. Материально-статусные блага иллюзорны, если они не добыты усердным, честным, преобразующим (себя и другого) трудом. В современном мире сформировалась тенденция совершать действия с целью достижения поверхностного успеха. В то же время общество испытывает дефицит преобразующего, гармонизирующего успеха, который имел бы позитивные материально-духовные последствия для адресатов социального действия. В связи с этим видится два возможных способа выхода понятия «успех» из сферы иллюзорности. На институциональном уровне – это прекращение манипуляции с воображаемыми категориями, которые не связаны с плодоносящей и преобразующей земной деятельностью. На индивидуальном уровне – это формирование культуры подавать пример адреса-

ту своего действия. В целом роль социально деятельного субъекта – служить, заботиться, изменять к лучшему жизнь других: роль властителя – служить народу, учителя

– ученикам, священнослужителя – человеческой душе, при этом не сильно отдаляясь от условий существования тех, кого учишь «правильно» мыслить и жить.

Список литературы

1. Нефедова Н. И. Социальные представления об успехе // Вестник ВолГУ. 2004. Серия 7. Выпуск 3. С. 141–146.
2. Паркинсон С. Свойки и чужаки, 1962 [Электронный ресурс] / перевод А. Кистяковский. URL: <https://bookitut.ru/Zakony-Parkinsona-1.15.html>
3. Петров А. В. «Путь признания» человека способного в философии П. Рикёра // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. 2014. Выпуск 1, Том 2. С. 131–138.
4. Рикёр П. Путь признания : три очерка / [перевод с французского : И. И. Блауберг, И. С. Вдовина] ; Российская академия наук, Институт философии, Институт научной информации по общественным наукам. Москва : РОССПЭН, 2010. 268 с. (Книга света).
5. Хорни К. Невротическая личность нашего времени / [перевод с английского Боковиков А. М.]. [2-е издание]. Москва : Академический Проект, 2008. 207 с. (Психологические технологии).
6. Adler P. T. (1982) An Analysis if the Concept of Competence in Individuals and Social Systems. *Community Mental Health Journal*, 18. Available at: <http://dx.doi.org/10.1007/BF00757110>
7. Fishman Stephen M., McCarthy Lucille (2009) John Dewey on Happiness: Going Against the Grain of Contemporary Thought. *Contemporary Pragmatism*, 6 (2) : 111–135. DOI: 10.1163/18758185-90000119. Available at: https://www.researchgate.net/publication/233501213_John_Dewey_on_Happiness_Going_Against_the_Grain_of_Contemporary_Thought
8. Globokar R. (2015) The Ethics and Albert Schweitzer as an Inspiration for a Global Ethics. *Conference: Globalisation and Global Justice: 52nd Societas Ethica Annual Conference. At: Linköping, Sweden* : 4–5. Available at: https://www.researchgate.net/publication/312873749_The_Ethics_of_Albert_Schweitzer_as_an_Inspiration_for_a_Global_Ethics
9. Grundmann R., Stehr N. (2001) Why Is Werner Sombart Not Part of the Core of Classical Sociology? From Fame to (Near) Oblivion. *Journal of Classical Sociology*, 1(2) : 257–287. DOI: 10.1177/14687950122232558 Available at: https://www.researchgate.net/publication/249631718_Why_Is_Werner_Sombart_Not_Part_of_the_Core_of_Classical_SociologyFrom_Fame_to_Near_Oblivion
10. Hayek F. (2010) *Studies on the Abuse and Decline of Reason: Text and Documents*, Volume 13. University of Chicago Press, 2010.
11. Maslow A. (1943) *A Theory of Human Motivation*. Available at: <https://psychclassics.yorku.ca/Maslow/motivation.htm>
12. Ratcliffe M. (2006) William James on Emotions and Intentionality. *International Journal of Philosophical Studies*, Volume 13, Issue 2. Available at: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/09672550500080405?journalCode=riph20>
13. Tamdgidi M. (2002) Ideology and Utopia in Mannheim: Towards the Sociology of Self-Knowledge. *Human Architecture* : 125–127. Available at: <https://scholarworks.umb.edu/humanarchitecture/vol1/iss1/15/>
14. Tereshschenko N., Zakirova L. (2016) Values of the Modern Leaders as a Reflection of Changes in Society and Requirements of Management Activities. *Indian Journal of Science and Technology*, 9 (16). DOI: 10.17485/ijst/2016/v9i16/90680. Available at: https://www.researchgate.net/publication/303377197_Values_of_the_Modern_Leaders_as_a_Reflection_of_Changes_in_Society_and_Requirements_of_Management_Activities
15. Waters T., Waters D. (2015) *Are the Terms “Socio-Economic Status” and “Class Status” a Warped Form of Reasoning for Max Weber?* Available at: https://www.researchgate.net/publication/296635614_Are_the_terms_Socio-economic_status_and_Class_status_a_warped_form_of_reasoning_for_Max_Weber

16. Wrenn Ch. (2011) *Practical Success and the Nature of Truth*. Available at: <https://philpapers.org/rec/WREPSA>

References

1. Nefedova N. I. Social perceptions on success. *Science Journal of Volgograd State University*, seria 7, issue 3, pp. 141–146. (In Russ.).
2. Parkinson S. *In-laws and outlaws*, 1962. Available at: <https://bookit.ru/Zakony-Parkinsona-1.15.html> (In Russ.).
3. Petrov A. V. The course of “L’homme Capable’s Recognition” in P. Ricoeur’s philosophy. *Bulletin of the Pushkin Leningrad State University*. Issue 1, volume 2, pp. 131–138. (In Russ.).
4. Ricoeur P. *The course of recognition: three essays*. Moscow, ROSSPEN Publishers, 2010. 268 p. (In Russ.).
5. Horney K. *The neurotic personality of our time*. Moscow, Publishing House “Academic Project”, 2008. 207 p. (In Russ.).
6. Adler P. T. (1982) An Analysis of the Concept of Competence in Individuals and Social Systems. *Community Mental Health Journal*, 18. Available at: <http://dx.doi.org/10.1007/BF00757110>
7. Fishman Stephen M., McCarthy Lucille (2009) John Dewey on Happiness: Going Against the Grain of Contemporary Thought. *Contemporary Pragmatism*, 6 (2) : 111–135. DOI: 10.1163/18758185-90000119. Available at: https://www.researchgate.net/publication/233501213_John_Dewey_on_Happiness_Going_Against_the_Grain_of_Contemporary_Thought
8. Globokar R. (2015) The Ethics and Albert Schweitzer as an Inspiration for a Global Ethics. *Conference: Globalisation and Global Justice: 52nd Societas Ethica Annual Conference. At: Linköping, Sweden* : 4–5. Available at: https://www.researchgate.net/publication/312873749_The_Ethics_of_Albert_Schweitzer_as_an_Inspiration_for_a_Global_Ethics
9. Grundmann R., Stehr N. (2001) Why Is Werner Sombart Not Part of the Core of Classical Sociology? From Fame to (Near) Oblivion. *Journal of Classical Sociology*, 1(2) : 257–287. DOI: 10.1177/14687950122232558 Available at: https://www.researchgate.net/publication/249631718_Why_Is_Werner_Sombart_Not_Part_of_the_Core_of_Classical_SociologyFrom_Fame_to_Near_Oblivion
10. Hayek F. (2010) *Studies on the Abuse and Decline of Reason: Text and Documents*, Volume 13. University of Chicago Press, 2010.
11. Maslow A. (1943) *A Theory of Human Motivation*. Available at: <https://psychclassics.yorku.ca/Maslow/motivation.htm>
12. Ratcliffe M. (2006) William James on Emotions and Intentionality. *International Journal of Philosophical Studies*, Volume 13, Issue 2. Available at: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/09672550500080405?journalCode=riph20>
13. Tamdgidi M. (2002) Ideology and Utopia in Mannheim: Towards the Sociology of Self-Knowledge. *Human Architecture* : 125–127. Available at: <https://scholarworks.umb.edu/humanarchitecture/vol1/iss1/15/>
14. Tereshchenko N., Zakirova L. (2016) Values of the Modern Leaders as a Reflection of Changes in Society and Requirements of Management Activities. *Indian Journal of Science and Technology*, 9 (16). DOI: 10.17485/ijst/2016/v9i16/90680. Available at: https://www.researchgate.net/publication/303377197_Values_of_the_Modern_Leaders_as_a_Reflection_of_Changes_in_Society_and_Requirements_of_Management_Activities
15. Waters T., Waters D. (2015) *Are the Terms “Socio-Economic Status” and “Class Status” a Warped Form of Reasoning for Max Weber?* Available at: https://www.researchgate.net/publication/296635614_Are_the_terms_Socio-economic_status_and_Class_status_a_warped_form_of_reasoning_for_Max_Weber
16. Wrenn Ch. (2011) *Practical Success and the Nature of Truth*. Available at: <https://philpapers.org/rec/WREPSA>

*

ФЕНОМЕН ВОСПОМИНАНИЯ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ КНИЖНОЙ КУЛЬТУРЫ

УДК 002

<https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-597-35-42>
Е. А. Сайко

Государственный академический университет гуманитарных наук,
Москва, Российская Федерация, e-mail: sayko13@list.ru

Аннотация: В статье феномен «воспоминания» рассматривается в пространстве книжной культуры. Особое внимание уделяется автобиографической литературе русского зарубежья в контексте историко-культурной реконструкции – воспоминаниям И. Эренбурга, Г. Адамовича, дневникам и «Деревянной книге» С. Прокофьева, а также этическим аспектам художественного прочтения воспоминаний, что обусловлено изданием автобиографической прозы и её экранизацией. Важной представляется проблема рефлексии современных читателей и зрителей в отношении книг и фильмов, посвящённых значимым событиям в российской истории, в частности Великой Отечественной войне. Нередко современники воспринимают их именно в рамках мемуаристики. В статье представлены рейтинги биографических изданий, мемуаров, составленные по результатам опросов пользователей литературных порталов. Отмечается, что интерес к этим литературным жанрам значительно повысился в период пандемии COVID-19.

Ключевые слова: воспоминания, мемуары, автобиографическая литература, культура, книжная культура, русское зарубежье, советское детство.

Благодарности: Статья подготовлена в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема № FZNF-2020-0001 «Историко-культурные традиции и ценности в контексте глобальной истории»).

Для цитирования: Сайко Е. А. Феномен воспоминания в контексте современной книжной культуры // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 5 (97). С. 35–42. <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-597-35-42>

THE PHENOMENON OF MEMORY IN THE CONTEXT OF MODERN BOOK CULTURE

Elena A. Sayko

State Academic University for the Humanities (GAUGN), Moscow, Russian Federation, e-mail: sayko13@list.ru

Abstract: In the article, the phenomenon of memory is considered in the space of book culture. Special attention is paid to the autobiographical literature of the Russian diaspora in the context of historical

САЙКО ЕЛЕНА АНАТОЛЬЕВНА – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой теории и истории культуры и искусства исторического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук, главный научный сотрудник Научного и издательского центра «Наука» Российской академии наук

SAJKO ELENA ANATOLIEVNA – DPhil, Full Professor, Head of the Department of theory and history of culture and art, the History Faculty, the State Academic University for Humanities; Chief Researcher at Akademizdatcenter “Nauka” RAS

and cultural reconstruction—the memoirs of I. Ehrenburg, G. Adamovich, the diaries and the “Wooden Book” of S. Prokofiev, as well as the ethical aspects of artistic reading of memoirs, which is due to the publication of autobiographical prose and its adaptation. An important problem is the reflection of modern readers and viewers in relation to books and films devoted to significant events in Russian history, in particular, the Great Patriotic War. Often contemporaries perceive them in the framework of the memoirs. The article presents the ratings of biographical publications, memoirs, compiled according to the results of surveys of users of literary portals. It is noted that interest in these literary genres increased significantly during the COVID-19 period.

Keywords: memoirs, memoirs, autobiographical literature, culture, book culture, Russian abroad, Soviet childhood.

Acknowledgements: The work was prepared at the State Academic University for the Humanities (GAUGN) within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (topic number FZNF-2020-0001 “Historical and cultural traditions and values in the context of global history”).

For citation: Sayko E. A. The phenomenon of memory in the context of modern book culture. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2020, no. 5 (97), pp. 35–42. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-597-35-42>

Воспоминания можно сравнить с «двойным портретом» – автопортретом и образом эпохи одновременно, которые, вступая в диалог, всегда открыты для «встречи глубинного с другим» [3, с. 319] – с читателем, зрителем, слушателем, порой удалённым в пространственно-временном отношении от автора мемуаров. Отсюда присущая и портрету, и воспоминаниям динамичность, способность к перерождению текста, отличающие, как правило, автопортреты людей «с биографией» [6, с. 14]. Если мы обратимся к автобиографическому, шире – мемуарному, наследию русского зарубежья, то, безусловно, найдём немало тому подтверждений.

***

В целом воспоминание в контексте культуры русского зарубежья, в том числе в книжной культуре эмиграции, это механизм реконструкции исторического и эстетического. Например, «русский Берлин» (литературно-художественная общественность – эмигранты из России: писатели, литературные критики, философы, художни-

ки и другие) оценивал с этой позиции такое явление, как Дом искусств – одно из писательских объединений (наряду с Клубом писателей). Для эмигрантов Дом искусств, появившись в 1921 году, стал аллюзией, реконструкцией художественной России, дорогим воспоминанием. Однако, наряду с ностальгическим и восторженным отношением к нему [7, с. 79], были и «критические отзывы». Так, И. Эренбург сравнивал Дом искусств с Ноевым ковчегом, поведение его обитателей, в частности имажинистов, с традициями и нравами модных в начале XX века литературных кафе, упомянул в том числе и об «эго» Игоря Северянина [23].

В эмиграции взаимоотношения людей, вышедших из Серебряного века – культуры, которую В. Ходасевич называл «случаем коллективного творчества», неизбежно трансформировались. Эренбург подробно описывает эти процессы, упоминая, в частности, о конфликтах в литературной среде, эмигрантах и «полуэмигрантах» и т.п. и их мечтах о «перемирии» в творческом со-

обществе, отражённых, в частности, в шуточных стихах Н. Минского [23].

Дом искусств в Берлине, по сути, был реконструкцией своего петербургского оригинала, а атмосфера, о которой вспоминал Эренбург, стала в известном смысле культур-аллюзией рефлексии, которая царила в российских литературно-художественных объединениях, характерных для эпохи Серебряного века. Быть может, сам того не замечая, Эренбург, иронично отозвавшись о Северянине, на самом деле воспроизводит его критическое отношение к собратьям по перу, высказанное ещё до эмиграции, например, в «Поэме безпоэзия» (1915) и «Бродячей собаке» [13].

Воспоминание как апелляция к идеалам прошлого, в том числе ориентация на классику, литературу Серебряного века и в целом на традиционные формы выражения, уже устоявшиеся, отличало старшее поколение русского зарубежья, к которому относились, в частности, Бунин, Ремизов, Шмелёв и другие.

В связи с этим Вяч. Вс. Иванов отмечает, что «философы, высланные в 1922 году, увезли в себе и с собой философию русского серебряного века, частично предвосхищавшую экзистенциальную философию и другие течения, ими узнанные на чужбине (вспомним хотя бы встречи Бердяева и Маритена, Шестова и Гуссерля)» [11, с. 702].

С этой точки зрения интересно и отношение («воспоминание», апелляция) поэтов «парижской ноты» к А. Блоку и И. Анненскому. Как писал Георгий Адамович о Блоке [см.: 2; 19], «у нас вовсе не было беспрекословного перед ним преклонения, наоборот, была и до сих пор остаётся критика, было даже отталкивание, однако исключительно в области стилистики, вообще в области ремесла ... Но если ценить в поэ-

зии напев, ритм, интонацию, то по этой части во всей русской литературе соперника у Блока нет» [2].

Что же касается творчества Анненского, то «... это даже не пятый акт человеческой драмы, а растерянный шёпот перед спустившимся занавесом, когда остаётся только идти домой, а дома, в сущности, никакого нет» [2].

Метафоры, в которые облекались переживания и страх, вызванные ощущением у русской эмиграции духовного и физического «бездомья», атрибутивны для тех, кто попадает в инокультурную среду, так же как и ностальгия – «Великая Печаль». Именно о ней говорит Н. А. Тэффи в рассказе «Сырё» (цикл «И времени не стало») [21, с. 457].

Особое состояние человека в эмиграции во многом связано с утратой «привычки жить» [24, с. 5] – тех традиций, сакральных и секулярных, которые характерны для культуры определённой эпохи. Не случайно эмигранты (революционной и постреволюционной волны) так стремились реконструировать прошлое – именно в его повседневности, что нередко вызывало у современников-соотечественников иронию – порой светлую, нередко горькую, но не злобную, – как в воспоминаниях Александра Биска о «русском Париже» [4, с. 45].

Более драматично нравы русских эмигрантов описывает Тэффи в рассказе «На скале Гергесинской» (цикл «И времени не стало») [20, с. 450–454].

Своё место занимают в культуре воспоминания и «Дневники» (1907–1933) Сергея Сергеевича Прокофьева. В них личность композитора, события, современники и темпоритм эпохи воссозданы с присущей автору иронией и самоиронией [16]. Наряду с «Дневниками» в качестве феномена мему-

арной литературы русского зарубежья можно рассматривать и «Деревянную книгу» Прокофьева.

Идею книги композитор изложил в «Дневнике». Она заключалась в том, чтобы собрать автографы известных и значимых в судьбе композитора людей. И это будут не просто подписи, а ответы на вопрос: «что вы думаете о солнце?» [16, с. 593]. Первый автограф появился в «Деревянной книге» в 1916-м, последний – в 1933 году, до возвращения Прокофьева в Россию.

Оформление этой рукописной книги также было продумано композитором и претендовало на уникальность – грубый деревянный переплёт с металлической застёжкой [16, с. 593].

Увидев готовую книгу, композитор обозвал её «мужиком в шёлковых чулках». Впрочем, важным в конечном счёте для Прокофьева было то, что она всё-таки «деревянная» [16, с. 593].

Вопрос о солнце воспринимался как размышление о смысле жизни – именно так выглядят ответы тех, кто оставил автографы для Прокофьева (К. Бальмонт, С. Кусевицкий, Н. Мясковский, Р. Глиер, Х. Капабланка, А. Алёхин, М. Ларионов, Н. Гончарова, А. Достоевская и другие). «Кавалеры» «Деревянной книги» (так называл героев своей книги Прокофьев), каждый по-своему, обозначили отношение к Солнцу, традиционно символизирующему в семиотике культуры и искусства жизнь, творчество, любовь, расцвет. Всё это нашло своё отражение в «Деревянной книге». Так, можно услышать эхо дискуссий о «новом искусстве» – атрибуте «повседневности творчества» в начале XX века, в посланиях дирижёра С. Кусевицкого, поэта В. Маяковского, художника и поэта Д. Бурлюка. Однако для большинства «кавалеров» Солнце

– это прежде всего Сергей Прокофьев и его музыка.

Оригинал «Деревянной книги» хранится в РГАЛИ. Но в 2009 году вышло её факсимильное издание [18], и теперь читатели могут «услышать», как мыслит эпоха Прокофьева, бросившая вызов творцам и изменившая не только «привычку жить», но и мир в целом.

Отдельной проблемой представляется и этика интерпретации воспоминания, особенно важной в отношении русского зарубежья, которое можно рассматривать как живой организм, огромную, многопоколенную семью и как ещё один, редкий, «случай коллективного творчества» в русской культуре.

Тем не менее следует уточнить, что эмиграция – вынужденная или добровольная – явление в культуре естественное (особенно в художественной культуре, искусстве). Это охота к перемене мест, но не скуки ради, а пользы для... Ибо такой побег не всегда мыслится, но, как правило, необходим для развития культуры и становится приключением духа. Об этом немало сказано известными исследователями – философами, литературоведами, художественными критиками [5, с. 26; 11, с. 702].

В отношении к феномену «русская эмиграция», вероятно, более чем к какому-либо другому в отечественной культуре, важно понимание принципа круговой причинности и в целом – последовательный и кропотливый процесс осмысления историко-культурного контекста, в котором, собственно, и рождалась эта многоактная пьеса под одноимённым названием. Здесь особое значение приобретает понимание разницы между героями и – действующими лицами, между тем, чему свидетелем я был, и – против кого свидетельствовал.

***

В нынешних социокультурных реалиях, когда охота к мистификации пуще разоблачения, актуализируется проблема корректного использования культурного наследия. Воспоминания можно отнести к нему в полной мере, особенно когда они из личной интеллектуальной собственности трансформируются, например, в издательский или кинематографический продукт (байопик и т.д.).

С этой точки зрения показательна и отечественная детская литература, в пространстве которой прослеживается эволюция отношения к феномену «советское детство», начиная с 1990-х годов по настоящее время. Эту динамику можно назвать положительной, поскольку экспансия критики, которая ощущалась в последние десятилетия в литературно-художественной рефлексии, снижается. Причин тому несколько. С одной стороны, с 2010-х годов значительно пополнились ряды детских писателей, появились соответствующие номинации в рамках российских литературных премий. С другой – в современном литературном пространстве реализуется немало интересных детских проектов, ориентированных на формирование культурной памяти, изучение традиций отечественной культуры, в том числе культуры повседневности, и востребованных целевой аудиторией читателей в различных форматах (печатной книги, аудиокниги, e-book, «книга 2.0»).

С этой точки зрения особый интерес представляет, например, литературная серия «Ребята с нашего двора» (издательство «Речь»), и в частности книга художника, графика Е. Двоскиной «А Саша выйдет? Советское детство в историях и картинках» [8], которая является своего рода воспоминаниями о детстве этой эпохи. Инте-

ресно, что, будучи художником-оформителем множества книг для детей и взрослых, автор выпустила на основе своих рисунков серию ностальгических открыток «Для тех, кто помнит», а затем, написав к ним тексты, издала книгу, посвящённую советскому детству. В этом же ряду – иллюстрированная Двоскиной книга «Дневник из детства. Историческая реконструкция» (дневник-анкета с подсказками), посвящённая девочкам 1970–1980-х годов [9]. В контексте воспоминаний о советской эпохе стоит упомянуть о новой концепции издания книги известного детского писателя Виктора Драгунского, включающей комментарии и статьи современных авторов [1; 10].

Отметим, что нередко именно в рамках мемуаристики воспринимаются современным зрителем и читателем книги и фильмы о значимых событиях в истории России. Это в основном касается советской военной фильмографии, прозы и поэзии. Кинематографическое и литературное наследие пересматривают и перечитывают в том числе нынешние дети и подростки.

В течение пяти лет в числе лидеров экранизаций классической военной прозы удерживают свои позиции «А зори здесь тихие» (1972, по повести Б. Васильева) [15; 22], «В бой идут одни «старики» (1973, драма Л. Быкова), «Они сражались за родину» (по роману М. Шолохова), «Семнадцать мгновений весны» (1973, по роману Ю. Семенова) [15; 22]. Что же касается новых версий экранизаций известных книг о войне, то они далеко не всегда пользуются популярностью у наших современников. Среди них, в частности, фильм 2015 года «А зори здесь тихие», «Утомлённые солнцем», «Сталинград» [15; 22]. В 2019 году в топ пяти кинолент о войне вошёл, кроме уже обозначенных, фильм «Т-34» [15]. В числе любимых

и неоднократно пересматриваемых фильмов также оказалась военной классика: «Летят журавли», «Офицеры», «Горячий снег», «Освобождение» [15; 22].

Впрочем, цифры не способны в полной мере отразить качество и глубину интереса детей и подростков – значимой в аспекте формирования культурной памяти аудитории – к документальным и художественным реконструкциям событий Великой Отечественной войны. Важно, что этот интерес – устойчивый, а не сиюминутный. Они уважают историю своей семьи, гордятся её причастностью к эпохе героев, полной горечи потерь, радости победы и достойной вечной памяти. Не только данные социологических опросов, но и опыт публичных лекций (в частности, проект Департамента образования г. Москвы «Университетские субботы») и других просветительских мероприятий, проведённых в 2020 году в рамках празднования 75-летия Великой Победы, свидетельствует о том, что интерес современных детей и подростков к событиям Великой Отечественной войны за последнее десятилетие значительно вырос. Этому способствуют и переиздания военной прозы и поэзии, и те рассказы-воспоминания, которые передаются в российских семьях от поколения к поколению.

В свою очередь, в 2020 году, в период пандемии COVID-19, читатели уделяют большое внимание автобиографической прозе, мемуарам. Так, число пользователей сервиса «ЛитРес», читающих биографические издания и мемуары, увеличилось на 29% по сравнению с 2019 годом [17]. В числе бестселлеров – книга Генри Марша «Не навреди. Истории о жизни, смерти и нейрохирургии». Рейтинг популярных книг на портале MyBook возглавляет книга известного режиссёра Д. Линча «Поймать боль-

шую рыбу. Медитация, осознанность, творчество» [17].

Результаты опроса, проведённого на сервисах «ЛитРес», MyBook, «Книги», показывают, что россиян интересуют автобиографии актёра Константина Хабенского и Президента России Владимира Путина, в десятку знаменитых и успешных соотечественников вошли также Татьяна Бакальчук (директор компании Wildberries), «телеведущий Иван Ургант, министр иностранных дел РФ Сергей Лавров, певица Земфира, писатель Виктор Пелевин» [17]. Среди зарубежных медийных персон пользователи выбрали Илона Маска, Билла Гейтса, королеву Великобритании и государств-содружеств Елизавету II, Стивена Кинга, Марка Цукерберга, Джоан Роулинг, Леонардо Ди Каприо [17].

***

Отрадно, что выбор читателей не ограничивается только медийными лицами. Им интересны и «обыкновенные герои» – врачи, проявившие себя в борьбе с пандемией. В целом закономерно, что в авангарде читательских предпочтений наших современников оказалась автобиографическая литература. Это отражает поиски культурной идентичности, попытку соотнести себя с теми, кого принято называть «человек с судьбой», с состоявшимися в профессии, ставшими прообразами героев популярного в начале XXI века жанра «роман успеха», отчасти производного от мемуаров.

Можно заключить, что интерес к феномену воспоминаний – одно из атрибутивных качеств российского читателя, умеющего сопереживать, на имманентном уровне готового к тому, что М. М. Бахтин называл «со-участием» в контексте своей концепции диалога. Это свойство представляется крайне важным в реалиях диалога культур.

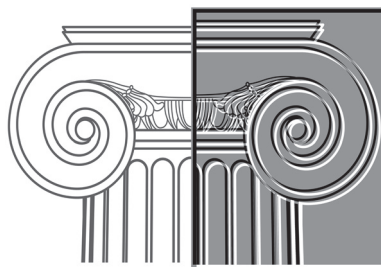
Список литературы

1. 7 секретов «Денискиных рассказов» [Электронный ресурс]. URL: <https://arzamas.academy/mag/477-deniska>
2. *Адамович Г.* Наследство Блока. Невозможность поэзии. Избранные эссе 50-х годов [Электронный ресурс]. URL: <http://blok.lit-info.ru/blok/about/adamovich-nevozmozhnost-poezii/nasledstvo-bloka.htm>
3. *Бахтин М. М.* К переработке книги о Достоевском // Эстетика словесного творчества. Москва : Искусство, 1979.
4. *Биск А.* Русский Париж, 1906–1908 годы. URL: <https://gumilev.ru/biography/63/>
5. *Боровский А.* Sekret Sokov // Силуэты современных художников. Санкт-Петербург : Изд-во Ивана Лимбаха, 2003.
6. *Выготский Л. С.* Трагедия о Гамлете, принце Датском. Глава 8 // Психология искусства. Москва : Лабиринт, 2008.
7. *Гуль Р.* Дом искусств // Русский Берлин / составление, предисловие и персоналии В. В. Сорокиной. Москва : Изд-во Московского университета, 2003.
8. *Двоскина Е. А.* Саша выйдет? Советское детство в историях и картинках. Санкт-Петербург ; Москва : Речь, 2020. 224 с.: цв. ил. (Ребята с нашего двора).
9. *Дневник из детства.* Историческая реконструкция. Москва : Дельфин, 2016.
10. *Драгунский В.* Рыцари и ещё 60 историй : [«Денискины рассказы» с биографическим очерком Марины Шукиной, иллюстрациями Алексея Капнинского] : собрание Денискиных рассказов с комментариями Ольги Михайловой, Дениса Драгунского, Ильи Бернштейна. Москва : А и Б, 2017. 431 с. : ил., портр., цв. ил., факс.
11. *Иванов Вяч. Вс.* Русская диаспора: язык и культура // Избранные труды по семиотике и истории культуры. Том 2 : Статьи о русской литературе. Москва : Языки русской культуры, 2000.
12. Литературная энциклопедия Русского Зарубежья, 1918–1940 : в 3 томах / РАН. ИНИОН ; [главный редактор А. Н. Николюкин]. Москва : РОССПЭН, 1997-.
13. *Лотарев И. В. (Игорь Северянин)* Тост безответный. Санкт-Петербург : Лань, 2014. 54 с. Текст : электронный // Лань : электронно-библиотечная система. URL: <https://e.lanbook.com/book/47977>
14. *Лотман Ю. М.* Литературная биография в историко-культурном контексте // О русской литературе. Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 2005.
15. Любимые фильмы о войне [Электронный ресурс] // ВЦИОМ : [сайт]. 8 мая 2019 года. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/lyubimye-filmy-o-vojne>
16. *Прокофьев С. С.* Дневник. Часть 1. 1907–1918. Paris : Diakom, 2002. URL: <https://avidreaders.ru/book/dnevnik-chast-1-1907-1918.html>
17. Россияне рассказали, чьи автобиографии хотели бы прочитать [Электронный ресурс] // ТАСС : [сайт]. 16 декабря 2020 года. URL: <https://tass.ru/obschestvo/10271985>
18. Сергей Прокофьев. Деревянная книга. URL: https://vitanova.ru/katalog/tirazhnie_izdaniya/otdelnie_izdaniya/sergeyprokofevderevyannayakniga_732
19. *Смирнова А. И.* Литература русского зарубежья (1920–1990) : учебное пособие. 2-е издание, стереотипное. Москва : ФЛИНТА, 2012. 640 с. ISBN 978-5-89349-674-1. Текст : электронный // Лань : электронно-библиотечная система. URL: <https://e.lanbook.com/book/3395>
20. *Тэффи Н. А.* На скале Гергесинской // Аверченко А. Т. Рассказы ; Тэффи Н. А. Рассказы. Москва : Молодая гвардия, 1990. С. 450–454.
21. *Тэффи Н. А.* Сырье // Аверченко А. Т. Рассказы ; Тэффи Н. А. Рассказы. Москва : Молодая гвардия, 1990. С. 457.
22. Фильмы о войне: классика против современности [Электронный ресурс] // ВЦИОМ : [сайт]. 18 июня 2015 года. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/filmy-o-vojne-klassika-protiv-sovremennosti>
23. *Эренбург И.* Люди, годы, жизнь. Книга III [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=125380&p=1>
24. *Эткинд А.* Содом и Психея : Очерки интеллектуальной истории Серебряного века. Москва : ИЦ-Гарант, 1996. 413 с.

References

1. *7 secrets of "Denis's Tales"*. Available at: <https://arzasmas.academy/mag/477-deniska> (In Russ.).
2. Adamovich G. *Block's legacy. The impossibility of poetry. Selected essays of the 50th*. Available at: <http://blok.lit-info.ru/blok/about/adamovich-nevozmognost-poezii/nasledstvo-bloka.htm> (In Russ.).
3. Bakhtin M. M. To the processing of books about Dostoevskii. In: Bakhtin M. M. *Aesthetics of verbal creativity*. Moscow, Art Publishing House, 1979. (In Russ.).
4. Bisk A. *Russian Paris, 1906–1908 years*. Available at: <https://gumilev.ru/biography/63/> (In Russ.).
5. Borovskii A. Sekret Sokov. In: Borovskii A. *Silhouettes of contemporary artists*. St. Petersburg, Ivan Limbach Publishing House, 2003. (In Russ.).
6. Vygotskii L. S. The tragedy of Hamlet, Prince of Denmark. Chapter 8. In: Vygotskii L. S. *Psychology of art*. Moscow, Labirint Press publishers, 2008. (In Russ.).
7. Gul R. Art House. In: Sorokina V. V., comp. *Russian Berlin*. Moscow, Publishing House of Lomonosov Moscow State University, 2003. (In Russ.).
8. Dvoskina E. A. *Will Sasha come out? Soviet childhood in stories and pictures*. St. Petersburg, Moscow, Publishing House "Russian Language", 2020. 224 p. (In Russ.).
9. *Diary from childhood. Historical reconstruction*. Moscow, Publishing House "Delfin", 2016. (In Russ.).
10. Dragunskii V. *Knights and 60 more stories: ["Denis's Stories" with a biographical sketch of Marina Shchukina, illustrations by Alexei Kapninskii]. A collection of Denis's stories with comments by Olga Mikhailova, Denis Dragunskii, Ilya Bernstein*. Moscow, Publishing House "A and B", 2017. 431 p. (In Russ.).
11. Ivanov Vyach. Vs. Russian diaspora: language and culture. In: Ivanov Vyach. Vs. *Selected works on semiotics and cultural history. Volume 2. Russian literature articles*. Moscow, LRC Publishing House, 2000. (In Russ.).
12. *Literary encyclopedia of the Russian diaspora, 1918–1940*. Moscow, ROSSPEN Publishers, 1997. (In Russ.).
13. Lotarev I. V. (Igor Severyanin) *Unrequited toast*. St. Petersburg, Publishing house "Lan", 2014. 54 p. (In Russ.).
14. Lotman Yu. M. Literary biography in historical and cultural context. In: Lotman Yu. M. *About Russian literature*. St. Petersburg, Art Publishing House, 2005. (In Russ.).
15. *Favorite war films*. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/lyubimye-filmy-o-vojne> (In Russ.).
16. Prokofiev S. S. *Diary. Part 1. 1907–1918*. Paris, Diakom, 2002. Available at: <https://avidreaders.ru/book/dnevnik-chast-1-1907-1918.html> (In Russ.).
17. *Russians told whose autobiographies they would like to read*. Available at: <https://tass.ru/obshchestvo/10271985> (In Russ.).
18. *Sergei Prokofiev. Wooden book*. Available at: https://vitanova.ru/katalog/tirazhnie_izdaniya/otdelnie_izdaniya/sergeyprokofevderevyannayakniga_732 (In Russ.).
19. Smirnova A. I. *Literature of the Russian diaspora (1920–1990)*. 2nd edition. Moscow, FLINTA Publishing House, 2012. 640 p. Available at: <https://e.lanbook.com/book/3395> (In Russ.).
20. Teffi N. A. On the Heresince rock. In: *Averchenko A. T. Stories; Teffi N. A. Stories*. Moscow, Publishing House "Molodaya gvardiya", 1990. Pp. 450–454. (In Russ.).
21. Teffi N. A. Raw. In: *Averchenko A. T. Stories; Teffi N. A. Stories*. Moscow, Publishing House "Molodaya gvardiya", 1990. P. 457. (In Russ.).
22. *War films: classics versus modernity*. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/filmy-o-vojne-klassika-protiv-sovremennosti> (In Russ.).
23. Ehrenburg I. *People, years, life. Book III*. Available at: <https://www.litmir.me/br/?b=125380&p=1> (In Russ.).
24. Etkind A. *Sodom and Psyche: Essays on the intellectual history of the Silver Age*. Moscow, Publishing Centre "Garant", 1996. 413 p. (In Russ.).

ЭСТЕТИКА

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ СЮРРЕАЛИЗМА КАК ИМПУЛЬС РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРАКТИК

УДК 7.037

<https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-597-44-50>

А. П. Краснопольская

Московский государственный институт культуры, Химки, Российская Федерация, e-mail: krasnopolska@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена исследованию коммуникативных стратегий сюрреализма как художественного направления и интеллектуальной позиции и их влияния на современные художественные практики. В статье осмысливается трансформация таких эстетических категорий и коммуникативных приёмов, как экфрасис, мимесис культуры, агональный диалог, доведение до крайности, парадокс, которые разрабатывались ещё в контексте древнегреческой софистики, актуализировались в контексте искусства модернизма и не теряют своей гносеологической и коммуникативной ценности в современном искусстве.

Ключевые слова: арт-практики, коммуникация, экфрасис, парадокс, мимесис, сюрреализм, софистика, неософистика.

Для цитирования: Краснопольская А. П. Коммуникативные стратегии сюрреализма как импульс развития современных художественных практик // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 5 (97). С. 44–50. <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-597-44-50>

THE COMMUNICATIVE STRATEGIES OF SURREALISM AS A IMPETUS FOR DEVELOPMENT OF THE CONTEMPORARY ARTISTIC PRACTICES

Anna P. Krasnopolskaya

Moscow State Institute of Culture, Khimki City, Moscow Region, Russian Federation, e-mail: krasnopolska@mail.ru

Abstract: The article is devoted to the study of the communicative strategies of surrealism as an artistic direction and intellectual position and their impact on contemporary artistic practices. The article comprehends the transformation of such aesthetic categories and communicative techniques as “ecphrasis”, “mimesis of culture”, agonal dialogue, taking to the extreme, a paradox, which were developed in the context of ancient Greek sophistry, were actualized in the context of modern art and do not lose their productivity in contemporary art.

Keywords: art practices, communication, ecphrasis, paradox, mimesis, surrealism, sophistry, neosophistry.

КРАСНОПОЛЬСКАЯ АННА ПЕТРОВНА – кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии факультета государственной культурной политики Московского государственного института культуры

KRASNOPOLSKAYA ANNA PETROVNA – PhD in Philosophy, Associate Professor at the Department of Culturology, the Faculty of State Cultural Policy, the Moscow State Institute of Culture

© Краснопольская А. П., 2020

For citation: Krasnopolskaya A. P. The communicative strategies of surrealism as a impetus for development of the contemporary artistic practices. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2020, no. 5 (97), pp. 44–50. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-597-44-50>

В современной социокультурной ситуации на фоне естественным образом сдвигающихся границ мира, ускоряющихся темпов жизни, смены культурных паттернов и форм социализации проблема поиска релевантных новым социокультурным порядкам коммуникативных стратегий становится центральной темой гуманитарного дискурса. Современные художественные практики в этом контексте оказываются экспериментальным полем, в котором ведётся поиск актуальных форм взаимодействия, трансформируются традиционные эстетические категории, формируются и утверждаются новые концепты и коммуникативные приёмы. Не случайно именно проблема понимания современного искусства становится не только главной темой художественной критики и интеллектуальной культуры, но и частью повседневной жизни [7].

Сюрреализм как художественное направление и интеллектуальная позиция стал новаторским и продуктивным движением, в котором отрабатывались новые коммуникативные стратегии. И несмотря на то, что сюрреализм как художественное направление возник в начале XX века и стал одним из направлений модернизма, его коммуникативные приёмы и композиции образных систем не теряют своей актуальности и широко используются в пространстве современных художественных практик.

Близкий к группе французских сюрреалистов испанский кинорежиссёр Луис Бунюэль в книге воспоминаний говорит, что,

когда его спрашивают о том, что такое сюрреализм, он неизменно отвечает, что сюрреализм – это поэтическое, моральное и революционное действие [2]. Этот тезис сам по себе является примером новой коммуникативной стратегии современного искусства. Ведь мы сделаем ошибку, если за этими словами будем искать прозрачные и ясные смыслы: когда Бунюэль говорит о поэзии, революции и моральном действии, он переворачивает привычные значения.

Слово «революция» в начале XX века имело достаточно конкретный смысл и обозначало прежде всего активное социальное действие и реальную классовую борьбу за социальное изменение реальности. Если говорить о революционном движении этого времени языком метафоры, то это было массовое «движение снизу вверх»: массы боролись с буржуазным образом жизни. Однако сюрреалистическая революция «идёт сверху вниз». Молодые буржуа своими художественными акциями вторгались в пространство массовой культуры, эпатировали рабочий класс и «взрывали» традиционные социальные и культурные порядки. Бунюэль вспоминает: «как и другие члены группы, я бредил мыслью о революции. Не считавшие себя террористами, вооружёнными налётчиками, сюрреалисты боролись против общества, которое они ненавидели, используя в качестве главного оружия скандалы» [2].

Ярким примером такой «перевернутой революции», революции социального скандала, является выход в широкий массовый прокат фильма «Андалузский пёс». Фильм

был популярен и одновременно шокировал публику настолько, что зрители ходили в полицию и просили убрать его из широкого проката. Такая стратегия разрушения привычных схем восприятия и размывания границ между элитарной и массовой культурой, эпатажем и работой с актуальными смыслами стала общим местом современного искусства.

Той же интенцией преворачивания привычных смыслов заряжено и отношение сюрреалистов к морали. Сам Бунюэль в книге воспоминаний «Мой последний вздох» описывает своё потрясение от встречи с этической позицией группы сюрреалистов. Он характеризует её как парадоксальную по отношению к классической этике, но наделённую живым экзистенциальным смыслом и логикой. «Прозорливому моральному действию» сюрреалистов, по выражению Бунюэля, сопутствовала языковая агрессия, демонстративность и перформативность, которая часто «вступала в противоречие с обычной моралью, казавшейся нам отвратительной. Мы огульно отвергали все устоявшиеся ценности. Наша мораль опиралась на другие критерии, она воспевала страсти, мистификации, оскорбления, чёрный юмор. Но в пределах новой области действий, границы которой с каждым днём всё более размывались, наши поступки, рефлекс, убеждения казались нам совершенно оправданными. Не вызывали и тени сомнения. Наша мораль становилась более требовательной, опасной, но также и более твёрдой и органичной, более логичной, чем всякая другая мораль» [2].

В том, что сюрреалисты называли моральным действием, содержался мощный посыл к свободному отношению к морали, раскрепощению телесного, которое тоже связано с революцией, но не столько соци-

альной, сколько с революцией, которую осуществил психоанализ. В психоаналитической концепции культуры артикулировались парадокс «тела и сознания» и противоречия, связанные с подавлением телесного в классическом рациональном дискурсе. Вслед за сюрреализмом одной из центральных проблем современных арт-практик станет поиск путей вовлечения в пространство эстетического телесного переживания, «реабилитация телесного». Идея взрыва старой морали как затвердевшего конструкта актуальна для сюрреализма. Причём сюрреалисты ищут нестандартные пути визуализации этой идеи.

И наконец, говоря о поэтическом, Бунюэль, скорее, имеет в виду полный отказ от того, что мы ждём от классической поэзии. В поэтическом языке сюрреалистов нет классической гармонии, красоты и традиционного поэтического ритма, а на место метафоры как соположения близких по смыслу образов, рождающих чувство узнавания и понимания, приходит игра с чрезмерными сравнениями и «непрозрачными» и субъективными ассоциациями.

А. Бретон в 1924 году в «Манифесте сюрреализма» разработал принципы психического автоматизма, основанного на самопроизвольном, не контролируемом разумом творческом акте. Основой поэтического языка, базирующегося на автоматическом письме, станет иррационализм и обращение к интуитивным формам восприятия художественного образа. Этот принцип перевернул классическое понимание поэзии, которая была основана на сознательно найденной метафоре. Бунюэль, говоря о сюрреализме как поэтическом действии, конечно же хорошо знал этот манифест и вкладывал в своё определение коннотации новое отношение к поэзии.

Было бы большим искушением признать манифест сюрреализма за новаторскую интеллектуальную позицию в культуре, но это не так. На заре формирования европейской цивилизации существовало очень схожее интеллектуальное движение, в котором осмыслились и отработывались на практике новые коммуникативные стратегии.

Античность даёт нам классическую философию, логику, рационализм, классические эстетические категории, но наряду с этим в античной культуре существовало эпатирующее (прежде всего торговлей истиной, красотой, знанием как разменной монетой) софистическое движение. Деятельность софистов очень схожа с процессами, которые мы наблюдаем в современном искусстве, с его релятивностью базовых эстетических установок и этических принципов. Таким образом, обращение к опыту античной софистики является продуктивным. Не случайно, описывая современные арт-практики и интеллектуальные игры, исследователи и арт-критики используют понятие «неософистика». Стремительно множась направления современного искусства действительно создают «софистический гул» неопределённости и разрушают привычные границы классического искусства. Однако, если отвлечься от крайне негативных коннотаций, связанных с образом софистики, можно различить в этом гуле ценные гносеологические аспекты, которые отражают внимание современных художественных практик к идентификационной и коммуникативной функциям искусства.

Аристотель реагировал на коммуникативные игры софистов и посвящал «разоблачению» софистики целые трактаты. В работе «О софистических опровержениях» он говорит, что софисты плохие поэ-

ты, так как «их речь перегружена, темна, хаотична», «им не хватает ясности», их метафоры приходят из «слишком дальних стран» [1, с. 661].

Подлинное познание мира для классической философии, эстетики и коммуникации немислимо без ясности, прозрачности и осмысленности. Софисты же вместо поиска истины предлагают речевой поединок, в котором все средства хороши, а вместо метафоры – экфрасис.

Классическая коммуникация и риторический стиль подчинены требованию ясности, ориентированная на классическую традицию речь помогает феномену обнаружить себя. Это верно и для современных классических коммуникативных стратегий. Аристотель считает, что для того, чтобы речь была наиболее разнообразна и легко воспринималась, необходимо использовать метафоры, которые позволяют соединить в речи два главных принципа: ясность и разнообразие. Ясность метафоры проистекает из возможности её узнавания, метафора помогает раскрыть сущность вещей через отдалённое сходство. Продуктивность использования метафоры в классической поэтике зависит от того, насколько она порождает узнавание образа, не превращается в омонимию и не создаёт путаницу. Удачной будет та метафора, в которой будет соблюдена мера между ясностью и украшением речи.

Во многом неприятие софистов Аристотелем было связано с тем, что они своими речами как раз размывали чистоту и прозрачность метафоры, сдвигали границы между вымыслом и реальностью, знанием и мнением.

Действительно, у Аристотеля есть повод нападать на «чересчур поэтический» стиль софистов, ведь их перегруженная перфор-

мативными эффектами речь покусается на главную характеристику метафоры – прозрачность. Софистический стиль упорствует в избыточности, в нём отрабатывается противоположный метафоре новый приём – экфрасис (ἔκ-φράσις). Обратимся к этимологическому анализу. Слово «экфрасис» происходит от соединения приставки ἔκ, которая обозначает завершение процесса, высокую степень явления, и слова φράσις, которое можно перевести как способ выражения, стиль, слог.

Умберто Эко в работе «Сказать почти то же самое. Опыт о переводе» посвящает экфрасису как художественному приёму отдельную главу. Он определяет экфрасис как приём, в котором зрительный текст переводится в вербальный текст, и разделяет экфрасис на два типа: явный и скрытый.

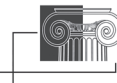
Софистика использует прежде всего скрытый экфрасис, поэтому главное свойство софистического экфрасиса – чрезмерность по отношению к возможности ясного узнавания и понимания. Путаная речь софистов исключает прямое сравнение, но усиливает свой эффект такими приёмами, как доведение до абсурда, избыточность сравнений, парадоксальность в соположении образов, нагромождение метафор, использование тропов ради тропов, означающего без означаемого, ироническое переворачивание. С точки зрения классических коммуникативных стратегий чрезмерное употребление подобных приёмов препятствует естественному пониманию, но с точки зрения софистической практики обладает особой ценностью – провоцирует к вымыслу.

Важным моментом является и то, что экфрасис чаще всего используется для описания вымышленного предмета. Классический мимесис, понимаемый как реализация принципа подобия и соответствия художе-

ственного образа существующим в природе вещам, не актуален для коммуникативных практик, использующих экфрасис как приём. Однако в случае использования экфрасиса можно говорить о мимесисе культуры. Проблема мимесиса культуры станет одной из самых актуальных тем неклассической философии и современного искусства, в котором принцип художественной аллюзии, цитирования, диалога с предшествующей традицией будет доведён до предела.

В этом контексте важно проанализировать ещё одно древнегреческое понятия *plazma*. Б. Кассен в работе «Эффект софистики» пишет о том, что этот глагол является ключом к пониманию гносеологической ценности софистических приёмов. Интересно, что Аристотель и Платон данное слово практически не используют, но мы встречаем его в других античных текстах. Этимологически оно означает творить нечто несуществующее из ила, «ни в чём не подражая никакому образцу» [5, с. 1006]. Таким образом, деятельность, которая характеризуется этим глаголом, содержит коннотации удовольствия от творческой игры, оно используется в том случае, когда нужно указать на процесс творения, связанный с пластическим созданием чего-то принципиально нового, не имеющего аналогов в природе. Барбара Кассен, изучая софистические коммуникативные стратегии, пишет, что именно «удовольствие от словесной игры, которое получает как говорящий, так и интерпретирующий, захваченный, а иногда и буквально соблазнённый речью», софисты особенно выделяли [6, с. 209].

Классическая коммуникация ориентирована на истину, гармонию, поиск и отражение сущности вещей, софистическая же аргументация нацелена на плазму, творчество как удовольствие и от свободной игры

и вымысла. Отсюда и свобода в экспериментах с языком, замена метафоры экфрасисом, игра на парадоксах, двусмысленностях, изощрённое конструирование языка.

Умберто Эко также подчёркивает этот коммуникативный потенциал экфрасиса, который не столько самоценен как просто словесное построение, сколько стимулирует воображение и актуализирует сложный переход от визуализации к вербализации художественного образа [8]. Именно этот процесс будет центральным для интерпретации и понимания концептуализма как направления современного искусства.

Всё сказанное о софистической стратегии аргументации правомерно и для характеристики коммуникативной стратегии сюрреалистов. Ведь именно реальность как пространство субъективно конституируемого мира, перевёрнутая по отношению к устойчивым схемам восприятия, волнует сюрреалистов. Они безразличны к традиционной истине, красоте и добру, но для них ценен человеческий порыв и прорыв к невозможному, высвобождение творческой плазмы, освобождение от запрета на неясность, нечёткость смысла. Их коммуникативные стратегии ориентированы на поиск путей вовлечения в диалог.

Тема получения эстетического и гносеологического удовольствия от случайно найденных смыслов и хаотических образов проходит через всю практику сюрреализма и не теряет своей актуальности в пространстве современного искусства. Сюрреалисты не ищут совершенных (гармоничных) форм, а сосредоточены на поиске эффектного и чрезмерного. Как ни парадоксально, но практическое подтверждение получает тезис о том, что изощрённая и перегруженная образами речь оказывается наиболее действенной. Эстетический поиск для сюр-

реализма – пространство свободы творчества, то есть человек, получая эстетическое удовольствие, не руководствуется единой системой оценки. Подлинное эстетическое удовольствие связано не с процессом узнавания художественного образа, а с его избранием и субъективной интерпретацией.

Красота – неустойчивый канон, найденная мера и гармония, а следовательно, суждения вкуса конституируются индивидуально и связаны с нелинейным процессом восприятия художественного произведения. Таким образом, главной целью художественной коммуникации оказывается актуализация воображения и поиск конвенции.

Если модернизировать проблему, то можно сказать, что софисты в своей коммуникативной деятельности, так же как и сюрреалисты, отталкивались от принципа переворачивания привычных смыслов как основы мышления. Человек не знает того, что есть «на самом деле», но он может что-то высказывать, и правила, по которым он может высказывать что-либо, общие, их можно изучить. Бытие может конституироваться только как эффект языка, следовательно, заниматься тем, что есть «на самом деле», можно лишь опосредованно, через язык. Иначе истина для нас недостижима и неактуальна. Таким образом, если не было бы тех, кто говорит о существующих вещах так, как будто они есть, их бы и не было. Коммуникативные практики становятся свободной игрой, интерпретацией.

Не случайно идеи неклассической философии XX века, в которых так ошутимо сопротивление классической метафизике, перекликаются с вышеизложенными идеями софистов и коммуникативными практиками современного искусства.

Понимание как результат коммуникации для сюрреалистов, а вслед за ними

и для многих современных художников, не является тождественным прямому уяснению смысла, а иногда, напротив, понимание начинается со столкновения с непониманием, почти как у Платона – с фиксации «знания о незнании», со способности порвать с привычным пониманием слов. Сюрреализм впервые чётко сформулировал, что одним из важных принципов продуктивной коммуникации является возможность удержаться от простых и быстрых выводов. Этот принцип наглядно реализует и Рене Магритт в своих работах, противоречиво подписывая их и выбивая зрителя из устоявшихся моделей понимания.

Стратегии современных художественных практик созвучны и софистике, и сюр-

реализму в том, что делают акцент на поиске путей того, как «растревожить человека», «забросить» его в спор, где все средства хороши. Но, сделаем важное уточнение, речь идёт только о дискурсивных и ограниченных пространством языка и текста средствах.

Современные арт-практики увлекают в мир войны. Но это особая война: в ней нет физического насилия, но используются лишь речи. Такие коммуникативные стратегии втягивают в агональную игру, но игра эта подконтрольная, добровольная и глубоко терапевтическая. Выходя на арену состязания с Другим, в этом состязании позволено использовать только речевые средства.

Список литературы

1. Аристотель. О софистических опровержениях // Сочинения : в 4 томах. Москва : Мысль, 1975- [Том 76] : Том 2 / [редактор и автор предисловия З. Н. Микеладзе]. 1978.
2. Бунюэль Л. Мой последний вздох [Электронный ресурс] / перевод с французского А. Брагинского. URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-124803.html?page=9>
3. Вальков Д. Ю., Краснопольская А. П. Коммуникативный потенциал современных художественных арт-практик // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 1 (81). С. 102–109.
4. Вейсман А. Д. Греческо-русский словарь / Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина. Репринт 5-го издания 1899 года. Москва : ГЛК, 1991. VIII с., 1370 стб.
5. Кассен Б. Эффект софистики / перевод с французского А. Россиуса. Москва ; Санкт-Петербург : Московский Философский Фонд, 2000. 238 с.
6. Леонова Г. Ю. Трансформация художественной коммуникации в искусстве XX века // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 1 (57). С. 228–232.
7. Эко У. Сказать почти то же самое : опыты о переводе / перевод с итальянского и прочих Андрея Ковалева. Санкт-Петербург : Symposium, 2006. 568, [4] с. : табл.

References

1. Aristotle. On Sophistic refutations. In: Aristotle. *Works, in 4 volumes, volume 2*. Moscow, Mysl Publishers, 1978. (In Russ.).
2. Bunuel L. *My last breath*. Available at: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-124803.html?page=9> (In Russ.).
3. Valkov D. Yu. The communicative potential of contemporary artistic practices. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv = Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts*. 2018, no. 1 (81), pp. 102–109. (In Russ.).
4. Weisman A. D. *Greek-Russian dictionary*. Reprint of the 5th edition of 1899. Moscow, 1991. (In Russ.).
5. Cassen B. *The Sophistry effect*. Moscow, St. Petersburg, Published by Moscow Philosophical Foundation, 2000. 238 p. (In Russ.).
6. Leonova G. Yu. Transformation of Twentieth Century's Art Communication. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv = Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts*. 2014, no. 1 (57), pp. 228–232. (In Russ.).
7. Eco Umberto *To say much the same: experiences about translation*. St. Petersburg, Symposium Publishing House, 2006. 568 p. (In Russ.).

*

ЗРЕЛИЩНО-ИГРОВАЯ КУЛЬТУРА СЕВЕРА В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ Й. ХЕЙЗИНГИ

УДК 7.01:394.2

<https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-597-51-63>

Е. Н. Романова¹, С. В. Расторгуев²

¹Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера, Якутск, Республика Саха (Якутия), Российская Федерация, ORCID: 0000-0001-6973-0608 SPIN 4987-0431, e-mail: e_romanova@mail.ru

²Арктический государственный институт культуры и искусств, Якутск, Республика Саха (Якутия), Российская Федерация, e-mail: rastorguev.ser@yandex.ru

Аннотация: Настоящая статья посвящена феномену северного цирка как инновационному ресурсу развития этнокультурного наследия коренных народов Севера. В рамках игровой концепции Й. Хейзинги раскрываются истоки цирковой культуры холодного мира, восходящей к аутентичной «культуре зрелищ» как адаптивной стратегии. Авторы статьи раскрывают ядерные структуры протоцирковой культуры Севера как сакральных игрищ, выполнявших культуросозидающую роль в пересотворении бытийного пространства Арктики. Продуктивное применение концепции Й. Хейзинги к игровой культуре Севера позволило впервые представить этнокультурный ландшафт Севера и Арктики как многослойный текст «священнодействий», направленных на активацию творческой деятельности, торжество победы духа, преодоление природных и социальных кризисов. На основе семиотического анализа традиционных игр как коллективных развлечений на Севере был сделан важный вывод о символической природе игры и её сюжетном построении в форме мифологической первоситуации. Воспроизводство механизма культуры в экстремальных условиях Арктики реализовывалось путём синтеза и взаимопроникновения всех «жанров» в единое информационное пространство сакральных игрищ как транслятора культурной памяти.

Ключевые слова: этнокультурное наследие, зрелищная культура народов Севера, сакральные игрища, опыт адаптации, игровая концепция Й. Хейзинги, протоцирковая культура Севера, ресурсы памяти, якутский цирк.

Для цитирования: Романова Е. Н., Расторгуев С. В. Зрелищно-игровая культура Севера в контексте концепции Й. Хейзинги // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 5 (97). С. 51–63. <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-597-51-63>

РОМАНОВА ЕКАТЕРИНА НАЗАРОВНА – доктор исторических наук, главный научный сотрудник
Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера

ROMANOVA EKATERINA NAZAROVNA – D.Sc. in Historical Sciences, Senior Researcher, the Institute for
Humanities Research and Indigenous Studies of the North

РАСТОРГУЕВ СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ – аспирант Арктического государственного института
культуры и искусств

RASTORGUEV SERGEI VASILIEVICH – PhD student, the Arctic State Institute of Culture and Art

© Романова Е. Н., Расторгуев С. В., 2020

THE SPECTACULAR AND GAME CULTURE OF THE NORTH IN THE CONTEXT OF THE J. HUIZINGA' CONCEPT

Ekaterina N. Romanova¹, Sergei V. Rastorguev²

¹Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North,
Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia), Russian Federation,

ORCID: 0000-0001-6973-0608 SPIN 4987-0431, e-mail: e_romanova@mail.ru

²Arctic State Institute of Culture and Art, Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia), Russian Federation,
e-mail: rastorguev.ser@yandex.ru

Abstract: This article is devoted to the phenomenon of the Northern circus as an innovative resource for the development of the ethno-cultural heritage of the indigenous peoples of the North. Within the framework of the game concept by J. Huizinga, the origins of the circus culture of the cold world are revealed, which goes back to the authentic “culture of spectacles” as an adaptive strategy. The authors of the article reveal the nuclear structures of the protocircular culture of the North as sacred games that played a culture-creating role in the re-creation of the Arctic being space. The productive application of J. Huizinga’s concept to the game culture of the North made it possible for the first time to present the ethno-cultural landscape of the North and the Arctic as a multi-layered text of “sacred rites” aimed at activating creative activity, celebrating the victory of the spirit, and overcoming natural and social crises. Based on the semiotic analysis of traditional games as collective entertainment in the North, an important conclusion was made about the symbolic nature of the game and its plot structure in the form of a mythological first situation. Reproduction of the mechanism of culture in the extreme conditions of the Arctic was realized through the synthesis and interpenetration of all “genres” in a single information space of sacred games as a translator of cultural memory.

Keywords: ethno-cultural heritage, spectacular culture of the peoples of the North, sacred games, game concept of J. Heizingi, protocircular culture of the North, memory resources, Yakut circus.

For citation: Romanova E. N., Rastorguev S. V. The spectacular and game culture of the North in the context of the J. Huizinga’ concept. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2020, no. 5 (97), pp. 51–63. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-597-51-63>

Для меня цирк – зашифрованная версия
старинных ритуалов выживания,
поэтому он вызывает такие сильные эмоции.
Доминик Жандо

В 2019 году цирк Якутии отпраздновал свой 25-летний юбилей. Очевидно, что культурологическая перспектива нового синтетического жанра с его яркой этнокультурной идентичностью в единстве с инновационными стратегиями мировых цирковых программ даёт возможность рассмотреть этот многомерный феномен с разных исследовательских позиций. «Цирк как элемент культуры общества в каждую эпоху при-

обретает свойственные ей специфическую окраску и направление собственного развития. Поэтому цирк как наиболее яркий феномен культуры представляет собой игровое и зрелищное воспроизведение жизненных противоборствующих сил, коллизий современности...» [2, с. 186].

Цирковая культура Севера – особый культурный метатекст, уходящий своими истоками в мифопоэтическое пространство

традиционных культур коренных народов Арктики. И в то же время это современное актуальное искусство, поскольку якутский цирк соединил в себе визуальный опыт моделирования пространства народа саха, богатый мировоззренческий фонд и самобытную игровую культуру. Символично, что цирковое искусство Якутии возникло в 90-х годах XX века, в период культурного «ренессанса», возрождения этнической культуры и развития национальной идентичности, наряду с другим синтетическим видом искусства – якутским кино. Эти зрелищные формы культуры совершили «прорыв» в презентации этнокультурного наследия как ресурса развития национального профессионального искусства как на региональном, так и мировом уровне.

Исследования, посвящённые роли цирка в социокультурном пространстве России, режиссуре, истории мирового цирка были опубликованы О. С. Клепацкой [10], М. И. Немчинским [13], В. А. Бариновым [2], О. В. Пятаевой [15] и другими авторами. Следует отметить, что в российском цирковедении работ, рассматривающих культуuroгенез циркового искусства Якутии, этапы его развития, до сих пор нет. В этом контексте настоящая статья является первой попыткой осмысления цирковой культуры Севера в рамках игровой концепции И. Хёйзинги. При разработке теоретических вопросов архаической природы циркового искусства Севера авторы развивают концептуальные положения о сакральных источках происхождения цирка российского учёного С. А. Макарова [12].

Интерес к игровому пространству культуры как важнейшему способу организации культурной и общественной жизни объясняется самим феноменом игры. Обращение к игровой концепции И. Хёйзин-

ги, представленной в труде «Homo Ludens» – «Человек играющий» (1938), позволяет раскрыть игровое начало культуры. Культура – это игра, а игра – ядро нашей деятельности. В подзаголовке «Опыт определения игрового элемента культуры», где опыт означает обращение к огромному историческому материалу, а игра «анализируется средствами культурологического мышления», Хёйзинга выделяет в качестве главных признаков игры свободу и место действия внутри определённого пространства, продолжительность, начало и конец действия, устойчивость и повторяемость игровых форм, сообщество и партнёрство, ценность и честность, использование ритуалов и церемоний, эстетическое оформление в виде костюмов и символики, а также состязательный характер, ориентированный на победу, радость и восхищение. И. Хёйзинга делает вывод, что «человеческая культура возникает и развёртывается в игре, как игра» [21]. Исследователь манифестирует игру как особое пространство бытия культуры, что онтологически «переводит» зрелищную игровую культуру народов Севера к первозданной мифологической ситуации первотворения. Иными словами, согласно Хёйзинге, именно обращение к мифу есть «образное претворение бытия», где игра и состязание выполняют культуросозидающие функции. В этом плане «разыгрывание» ритуальных действий на календарном празднике Ысыах у якутов, Празднике Кита у чукчей и эскимосов, Медвежьем празднике у хантов и манси, празднике Чистого чума у нганасан, празднике Возвращения солнца у коряков было своего рода мифологической репликой создания микро- и макрокосма.

Этнографические исследования традиционных игр у народов Севера показыва-

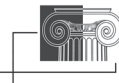

ют, что важнейшей характеристикой, определяющей игровую культуру северян, является *сакральность*. В якутской традиции слово «игра» – «оонньуу» – образовано от тюркского слова «oına» – «играть». Значение термина «играть» вводит нас в сакральный мир традиционной культуры так: обозначение якутского шамана «ойуун» в своей основе восходит к древнетюркскому «ойун» – «игра, состязание» [9, с. 366]. В сочетании со словом «оонньу – кёр, оонньу – кёрюлюю», где, слово «кёр» производно от глагола «видеть», «прозревать», данное словосочетание обозначает «веселье», «зрелище», «пиршество» [16, с. 420]. Следовательно, в архаичной культуре народа саха игра была сопряжена со зрелищной культурой как состязание, веселье, праздник, торжество.

Игра как состязание было частью коллективных развлечений на Севере. Пространство игр закреплялось как на открытых сакральных ландшафтах в весенне-летний период, так и внутри замкнутых помещений в период зимних холодов. Коммуникативный характер игры объединял детей, подростков, молодёжь, взрослых, стариков и, таким образом, выступал механизмом передачи культурных традиций из поколения в поколение. Хёйзинга в своём исследовании отмечал, что повторяемость, как одно из существенных свойств игры, закрепляется в памяти в форме духовной ценности [21, с. 24]. Если обратиться к пространственному континууму праздничной культуры народа саха, то можно отметить существование специально организованных «открытых площадей» для проведения народных представлений и игровых состязаний. Главной «площадью» праздничных зрелищ выступал сакральный ландшафт календарного праздника Ысыах, особой территории, связанной с культурой «воспоми-

наний» о степном Юге. По мнению исследователей, цирковая архитектура, несущая солнечную символику, ведёт своё происхождение от сакральных центров (святилищ) кругообразной формы [12, с. 10].

Традиционный праздник Ысыах – наследие степной культуры. Как известно, этногенез и культурогенез народа саха происходил на пограничье Юга и Севера [16, с. 40–63]. Динамичное взаимодействие предков якутов с разнообразными природными и культурными ландшафтами на Севере, их хозяйственное и ментальное освоение, согласно принципам северного нómадизма, сформировали оригинальный тип коневодческой культуры *Степной Арктики*. Обращение к этнокультурному наследию праздника Ысыах, к его традиционным духовным ценностям демонстрирует уникальную культуру северных всадников и скотоводов на вечной мерзлоте. Яркая культура нómадов Евразии отразилась в проведении в долине реки Лены конных состязаний как неотъемлемой части народных развлечений. В якутской мифологии сохранился сюжет о том, что вначале бог сотворил коня, от него произошёл полуконь-получеловек, а уж от последнего родился человек. Почитание «солнечной» лошади как предка народа саха проецировалось в мифах, разыгрываемых на Ысыахе. Так, сценарные особенности праздника актуализировали мифологическую тему сотворения Вселенной из частей лошади. Лошадь белой масти в праздничном убранстве, специальные культовые сооружения – коновязи, кумыс и жертвенное мясо, многодневные конные бега на празднике торжества Солнца означали новое рождение [17, с. 87.]. Ритуальное пространство праздника – *широкое поле* – огораживали молодыми берёзками – чэчир, с правой и левой стороны сооружали

резные ритуальные столбы – коновязи. Такое очерченное овальное пространство считалось священным местом преобразования бытия созидательной деятельностью людей и божеств. Ысыях как календарный ритуал был связан с креативным, творческим началом, многие разыгрываемые на нём обрядовые действия как действия противостояния силам Хаоса воспринимались как состязания светлых и тёмных сил.

Согласно игровой концепции Хэйзинги, в ходе священных празднеств, возвращающихся с очередным временем года, люди сообщая отмечали великие события в жизни природы, устраивая посвящённые им представления. «Переживание» этого космического события и поддержание мирового порядка разыгрывались в священной игре [21, с. 29]. Ритуальные игры народа саха как священнодействие отличались продолжительностью состязаний, строгими границами места и времени и были сопряжены с мифологической концепцией творения Вселенной и Человека.

Игрища празднеств Арктики. Характерной чертой зрелищных представлений на Севере являлась их «многожанровость», проявляющаяся в разных формах состязаний. Игровой характер праздничной культуры народов Севера соединял элементы театра, спортивных, музыкальных, поэтических, танцевальных состязаний. В действиях, разыгрываемых на Ысыяхе, сохранились отголоски символической борьбы между зимой и летом. Так, якуты устраивали театрализованное представление, где двое юношей, наряженных один в шкуру белого жеребёнка, а другой – в шкуру чёрного, изображали «лето» и «зиму». Их заставляли бороться. Это называлось состязанием на первенство [17, с. 88–89]. Главный годовой праздник береговых чукчей

и эскимосов Праздник Кита сопровождался ритуальными танцами, включающими музыку, пантомиму, акробатические номера. Сезонный Медвежий праздник состоял из обрядового комплекса, в котором были представлены все жанры народного творчества хантов: песни, танцы, театр (пантомимические сценки, диалоги масок, кукольные представления) [19]. Медвежий праздник обских угров, по удачному определению Т. Молданова – «медвежьи игрища», был связан со сферой священной игры, а также с культивированием веселья и пародийного начала, созданием ритуально-смехового контекста праздничного нарратива [6, с. 111]. Следует отметить, что все эти сакральные игры-состязания транслировали сюжеты мифологических предков и священных деяний и проводились в течение нескольких дней в присутствии большего количества зрителей. Профанный мир праздника, повествующий о жизни людей, был представлен, как правило, комедийными розыгрышами.

Традиция проведения многодневных игрищ в период календарных установлений как протяжённой памяти моделировала сокровенные пространства прошлого, настоящего и воображаемого будущего. Всё это позволяет говорить о *Логосе игрища* как одной из форм социальной и психологической рефлексии, где «игра представляет активный деятельный поиск и применение средств и приёмов гармонизации человеческого существования» [4, с. 12]. Игра как опыт поведения в экстремальных ситуациях, преодоление непреодолимых препятствий, гимн человеческому телу и духу, стремление к эстетическому идеалу, рождение творческой фантазии – всё это и есть слагаемые древнейшей игровой формы искусства – цирка. Именно во всеохватном

феномене игры можно увидеть развитие цирковой культуры.

Ядерные структуры протоцирковой культуры народов Севера. Жизнь коренных народов Якутии связана с холодным климатом, зима продолжается 6–7 месяцев, температура достигает -40 – -60°C . Экстремальные климатические условия формировали этнически жизнестойкую материальную и духовную культуру, способствовали выработке особого характера северных народов (хорошая физическая подготовка, выносливость, закалка, стрессоустойчивая психика). Так, с малых лет детям прививали необходимые физические навыки – силу, быстроту, выносливость, ловкость, координацию, обращали внимание на развитие творческих качеств – чувство красоты и гармонии, богатое воображение и фантазию, способность к поэтической импровизации. Всё это выражалось в игровой культуре народов Севера, выступавшей своеобразным адаптивным ресурсом в экстремальных условиях Арктики.

Следует признать, что в традиционной картине мира аборигенных сообществ, проживающих на Севере, природная составляющая выдвигается в центр преобразования пространства. Осевыми регистрами культуры якутов, его главными «хронокомпонентами» выступают именно эпос Олонхо (зимний календарный ритуал) и Ысыах (весенне-летний ритуал первотворения) [18, с. 255–263]. У казымских хантов в календарных обрядах особую роль занимают песни богов хантыйских рек как хранителей Земли.

Мир эпического пространства. Якуты, как и тюрки, в самые холодные зимние ночи приглашали в дом сказителя, чтобы слушать сказание о победе богатыря солнечной стороны (символ света и добра) над бо-

гатырём нижней, северной стороны – абаасы (символ тьмы и зла). Визуальный мир эпоса с его красочными описаниями родной земли, яркими путешествиями по трём мирам, состязаниями богатырей с фантастическими животными, встречей с небесными божествами – покровителями людей, чудесными превращениями героев и волшебными предметами создавал в ночное время эффект фантазмагии, иллюзию магии и таинственности. Олонхо как форма зрелищной культуры народа саха стала первым опытом визуальной проекции духовного наследия северных тюрков.

Модели воображения и переживания. В зрелищных формах искусства народов Севера – поэзии, музыке, танцах – выражено одухотворение всех элементов окружающего мира, наделение их человеческими качествами. В этом плане показательна эстетическая составляющая этнокультурного ландшафта Арктики. Записанные в конце XIX века на Колыме рассказы о видениях у чукотских шаманов до сих пор впечатляют созданием «живых» образов обыденных предметов и наделением их своим «мирочувствованием». В качестве примера можно привести текст поэтического видения/воображения чукотского шамана: «Всё существующее живёт, и лампа ходит, и стены дома имеют свой голос, даже ночной горшок имеет страну и шатёр, жену и детей. Шкуры, лежащие в мешках для торговли, разговаривают по ночам. Рога на могилах встают и ходят обозом вокруг могил, и покойники тоже встают и приходят к живущим» [5, с. 48.]. Мифологическая модель антропоморфизации мира была характерна для традиционных культур Севера, где границы «живого» и «неживого» были проницаемы. Такая со-пространственность мира природного и мира людей создавала определённые

эстетические и эмоциональные переживания в воображаемом «сакральном». Всё это кодировало свои символические традиции воображения и переживания Севера, выработанные на протяжении веков аборигенными сообществами Севера и Арктики. Отсюда можно предположить, что ментальное генерирование долгосрочных «текстов культуры» (согласно Хёйзинге, такова игра как «священнодействие») способствовало *формированию эмотивной культуры* народов Севера как витальной основы Арктики.

Шаманские мистерии как часть зрелищной культуры занимали важное место в культурной жизни северян. Исследователи шаманской культуры отмечали театрализованный характер шаманских «спектаклей», а фигуру шамана, прекрасно владеющего различными приёмами «перевоплощения», сравнивали с игрой актёра [7; 11]. Описывая фигуру якутского шамана, Г. В. Ксенофонов отмечает его «спасительную миссию» изгонять злое, воскрешать мёртвых, обновлять жизнь, прорицать будущее. В этом священнодействии ему помогают шаманские духи-защитники, с помощью которых шаман «совершает показательные мистерии полётов вверх и вниз, ведёт диалоги, поёт священные гимны» [11, с. 116–117]. Большой интерес вызывает ритуальное одеяние шамана, его шаманский костюм, который в визуальном плане обозначал сакральный экотопос холодного мира. Так, на шаманских костюмах народов Севера можно было встретить изображения ночного неба, звёзд, неполной луны, животных, птиц (мамонт, олень, гагара, собака, медведь, волк). Покрой шаманского костюма символизировал образ птицы-орла, близкой к Небу, Солнцу (прилёт орла у якутов был сопряжён с небесным, Верхним миром, теплом и приходом Весны).

Семиотический анализ космических и зооморфных объектов на шаманском костюме даёт возможность предположить, *что шаманский костюм у якутов – как воображаемая пространственная телесность, манифестировал неразрывную целостность Восприятия Космоса-Природы и Человека* [11, с. 261–262]. В данном аспекте речь идёт об экологической гармонии не только народной философии, но и жизненной стратегии северян. Проводником такой стратегии выступал именно шаман, который уже на стадиях обучения получал священные знания и обретал способность к оборотничеству, то есть к превращению в животных, птиц, разных растений и предметов. Шаман имел своего защитника в образе «мать-зверя», который приходил к нему в момент его избранничества, в середине его жизни и в момент его смерти. Якутские фольклорные тексты сохранили упоминания о состязаниях враждующих шаманов в виде своего «мать-зверя» (оленья, лося, медведя). По мнению Г. В. Ксенофопова, в этом состояла некая духовная субстанция, воплощение пророческого дара шамана, силы его прозрения, проникновения в прошлое и будущее [11, с. 69]. Это ценное замечание учёного наводит на мысль о важной психологической функции шамана. Так, осознавая зависимость человека от природных стихий, он использовал оригинальные психотехники, обращённые к глубинным структурам человеческого сознания, а также к космическим и природным силам. «Раствориться» в природной стихии, стать её двойником – одна из ключевых шаманских практик. В качестве иллюстрации обратимся к описанию шаманского представления, записанного Г. В. Ксенофоновым в полярной Якутии: «Зимой 1924 года в селе Булуне, когда тунгусский шаман Кубача вошёл в юрту,

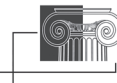
поддерживаемый сзади двумя мужчинами, чтобы начать свою мистерию, с глухим медвежьим рычанием, для меня было не совсем ясно, что в эти моменты он сохраняет нормальное сознание, ибо даже опытному актёру было бы трудно так натурально *разыграть* зверя. Все собравшиеся зрители замерли и с напряжённым вниманием следили за каждым движением шамана, как если бы ввели в цирк дрессированного льва или тигра, сидящий около меня грамотный якут Конанов, вызвавшийся быть истолкователем шаманских обрядов, то и дело шептал “не бойся, не бойся” ...» [11, с. 262]. Погружение зрителей в необузданную природную стихию (свист ветра, подражание звукам птиц и зверей) заставляет переживать и воспринимать всё «со священной серьёзностью» (характеристика Хёйзинги). Особую значимость в разыгрываемых сценах играет эффект энергии впечатления. Показательно, что такие мистерии проходили в определённое время, а именно – ночью, при свете мерцающих углей камелька. Мистическое воображение в разыгрываемом шаманом звере демонстрирует разные контексты памяти: встреча с медведем, охота на зверя, медвежьи обряды. Шаман как представитель северной культуры, прекрасно разбирающийся в повадках и поведении зверей, разыграет ситуацию «возвращения мифа», когда человек и животное были равными партнёрами, культурными героями преобразования мира.

Суммируя вышесказанное, подчеркнём, что экологическая культура как ценность выступала организующим ядром традиционной культуры народов Севера.

Опыт иллюзии. Одним из ярких «номеров» шаманских представлений на Севере были шаманские фокусы. У якутов сохранился специальный термин, опреде-

ляющий этот вид магической практики. В якутском языке слово «хомусун» имеет значение «волшебство, колдовство, чары, шаманский фокус» [20, стб. 3477]. В шаманской лексике это означает способность показывать сверхъестественные фокусы силой своих духов [11, с. 107], например, протыкание себя ножом, исчезновение и появление предметов, передвижение предметов по воздуху, глотание углей, чрево вещание и т.д.

В материалах этнографа В. Г. Богораза приведены описания фокусов у арктических шаманов. Заметим, что обычно фокусы проводились по окончании шаманского сеанса или могли быть воспроизведены шаманами в обычной обстановке. Исследователь зафиксировал сеанс с фокусами у эскимосской шаманки из селения Унисак. Первый из них был связан с камнями. Шаманка, овладев духами, взяла большой круглый камень и стала его тереть со всех сторон. Скоро из камня посыпались мелкие камушки. «Это продолжалось минут пять. Насыпалась целая горка, но камень в руках шаманки, разумеется, такой же целый и круглый, как прежде. Предполагая, что всё это заранее подстроено, я неожиданно попросил её повторить опыт. Она повторила его без всяких затруднений, несмотря на тщательное наблюдение, я не сумел открыть секреты этого фокуса» [5, с. 43]. Другой фокус был связан с разрезанием ножом живота мальчика лет двенадцати. По описанию, «шаманка, взяв нож, сделала продольный разрез и тотчас же вставила в его концы свои пальцы. Кровь хлынула и залила пол, шаманка стала зализывать рану и через некоторое время на животе мальчика уже не было никаких следов» [5, с. 43]. Очевидно, что в основе шаманских «чудес» лежит многовековой багаж знаний об окружаю-

щем мире и резервах человеческой психики. Г. В. Ксенофонов в своих работах, посвящённых северным шаманским камланиям, определил их как драматические мистерии, а шамана – как талантливого актёра, творящего духов из ничего [11, с. 124].

Культура чабыргахсыта – «человека смеющегося». В зрелищной культуре якутов особняком стоит фигура чабыргахсыта – остроумного забавника, произносящего нелепицы, носителя смеховой традиции, замещающего образ русского скомороха и шута. Сакральность этого якутского персонажа связана с особым «иноговорением», произнесением в быстром темпе кратких скороговорок и считалок – перечислений, загадок, шуточных заклинаний на мифологические темы «тайным» языком, с участием в словесных состязаниях на скорость произнесения текста. Якутский чабыргах представляет собой игру слов, поэзию с зашифрованным текстом, осмысляемую посредством смеховой культуры. Следует отметить, что у северных и вилюйских якутов такая поэзия обозначалась словом «лабыаха», что обозначало «скороговорка», «трещотка». Безусловно, такая инаковость поведения при чтении поэтического текста указывает на «двумерность» восприятия фигуры чабыргахсыта. В рамках концепции карнавала М. Бахтина в якутской традиции чабыргахы – сакральные тексты с тайным смыслом, обладали свойством инверсии и перекодирования в «сообщения», передающие темы «непристойного содержания», иносказательные описания и осмеяние персонажей «низовой» культуры [3]. При этом десакрализация таких текстов в мифологическом плане была связана с хаотной ситуацией перед новым со-творением Природы и Человека. На главном празднике Ысыах в ритуальных поединках на темы космо-

гии чабыргахсыты вновь рождали Слово и Вселенную.

Приход чабыргахсыта в деревню воспринимался как народный праздник и всегда сопровождался радостью и смехом, поэт-скороговор, несущий всякую «заумь» и «бессмыслицу», выступал в роли своеобразного шута-балагура. В памяти народа саха до сих пор сохранились рассказы о легендарном чабыргахсыте Дьулээй Буэкээне (Глухом Петре), странствующем «артисте», который совершал обходы по деревням и сказывал скороговорки «об увиденном и услышанном» детям и взрослым. Его складки передавались «из уст в уста». Культура чабыргахсыта – «человека смеющегося» – представляла особую обрядово-зрелищную форму якутской традиции.

Таким образом, возвращаясь к концепции Хёйзинги, можно сделать важный вывод о сакральной игровой природе зрелищных форм культуры народов Севера. Развитие оригинальной эмотивной культуры северян как витальной энергии арктического пространства, безусловно, является условием для создания самого северного цирка в мире.

Якутский цирк (от традиций игровой культуры народов Якутии к концепции самого северного цирка в мире). Сегодня одним из важных теоретических вопросов гуманитарного знания является проблема функционирования и закрепления этнокультурных традиций в современной духовной жизни. В связи с этим весьма актуальной становится теория культурной памяти Яна Ассмана, где «культура есть объективизированная память общества, сохраняющая свою идентичность и передающая её по цепочке поколений. Формы, в которых общество организует передачу информации, необходимой для сохранения этой

идентичности, и институты, заботящиеся о передаче такой информации, раскрывают своеобразие и неповторимый стиль той или иной культуры» [1, с. 27]. Показательно, что «северность» как стиль жизни проявлялась в самой жизненной стратегии, обусловленной холодом и вечной мерзлотой. Трансляция и актуализация культурных смыслов, связанных с этнокультурным наследием народов Севера, в XX веке привела к переформатированию и обновлению знаковой системы в сфере профессионального национального искусства.

Этнокультурный ландшафт Севера и Арктики как информационная система сохранил уникальные ресурсы культурной памяти:

- фольклорное наследие;
- празднично-обрядовую культуру;
- игровые зрелища;
- традиционную музыку;
- танцевально-пластическое искусство;
- шаманскую культуру.

Символическая зрелищная культура северян, сопряжённая с традиционными играми народов Севера, ритуалом, праздником, шаманскими мистериями, визуальной культурой, искусством иллюзии и смеховой традицией, даёт возможность не только проанализировать внутренние механизмы развития цирковой культуры Арктики, но и представить новые контексты и образы игрового начала сакральной культуры народов Севера в современном цирковом пространстве. По утверждению известного циркового деятеля и теоретика циркового искусства И. С. Макарова, именно символизм действий в цирке означает «бесконечный переворот жизни-смерти, верха-низа, единый круговорот бессмертия, соединяющий земное с космическим, физическое с духовным ... символизм по-

зволяет дать художественную интерпретацию древнейшему цирковому творчеству. Изучение символических значений, закодированных в акробатических, жонглёрских, гимнастических, иллюзионных действиях и трансформациях, поможет понять и объяснить глубинную связь телесного и нематериального, увидеть смысловую стереоскопичность и содержательность творческих поисков, ведущихся на цирковых аренах в наши дни» [12, с. 262]. В этом отношении якутский цирк представляет собой инновационную модель сохранения культурной памяти, кодов и символов народов Арктики.

Показательно, что свою историю цирк на вечной мерзлоте начал в 1990 году с организации группы синтез-театра «Ойуун» (Шаман). Главными отличительными чертами труппы стали самобытность, многожанровость и универсальность в исполнении номеров. Помимо циркового искусства, артисты владели мастерством вокала, танца, разговорного жанра, играли на национальных музыкальных инструментах (хомус, дьяба, купюр, табык). Поэтому направление труппы было изменено на этно-синтез-театр «Ойуун», на базе которого и был создан в 1994 году Государственный цирк Якутии [14]. Инициаторами его создания, а позднее организаторами и руководителями цирка стали заслуженная артистка Российской Федерации, народная артистка Республики Саха (Якутия) Марфа Расторгуева и заслуженный артист Российской Федерации и Республики Саха (Якутия), член Европейской цирковой ассоциации и член Союза цирковых деятелей России Сергей Расторгуев [8].

При этом фигура шамана, спасителя мира, обладающего способностью к разным перевоплощениям (пантомима, пение, гип-

ноз, фокус как магический ритуал, иллюзия, оригинальные психотехники, связь с природным миром), стала главной проекцией якутского цирка и ключевой идеей первых сценических номеров якутской цирковой группы. Сценарная структура цирковых представлений с самого начала была нацелена на сакральность коллективного действия и традиционного миропонимания. Синтез аудиовизуального искусства и традиционной культуры народов Севера в формате новой стилистики национального цирка России стал магистральным направлением развития северной цирковой культуры. Важно, что «северность» как образ переживания холодного мира выдвигается в центр идентификации якутского цирка.

Якутский цирк – один из немногих цирков России, который отличается своим национальным колоритом, богатым культурным наследием и вековыми традициями. Уникальность и значение якутского цирка заключается в сохранении бытийного кода коренных народов Арктики в миро-

вом культурном процессе. Подчеркнём, что введение фольклорно-этнографического контекста, праздничных и ритуальных игр аутентичных культур Севера в художественную ткань циркового зрелища создаёт новое направление – северный цирк, где происходит синтез этнокультурной идентичности, мемориальной культуры народов Севера и новых зрелищных культурных практик.

Одной из плодотворных идей игровой концепции Й. Хёйзинги в сфере культуры является «заряженность» на совершенство и «творческую фантазию» как реплики «соперничества». Специфика северного цирка раскрывается в оригинальном жанре визуальной мифоиллюзии, кодируемой аутентичной культурой воображения и преобразования (символизации) окружающего мира. Миссия северного цирка состоит в жизнеутверждающем и созидающем начале человеческого бытия, в противостоянии силам Хаоса, глобальным природным и социальным вызовам.

Список литературы

1. Ассман Я. Культурная память : письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / перевод с немецкого М. М. Сокольской. Москва : Языки славянской культуры, 2004. 363 с. : ил., табл. (Studia Historica).
2. Баринов В. А. Цирк в системе культуры общества // Современные исследования социальных проблем. 2011. № 2 (06). С. 186–191.
3. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. Москва : Художественная литература, 1990. 543 с.
4. Бгажноков Б. Х. Черкесское игрище : Сюжет, семантика, мантика / Кабардино-Балкарское отделение Всероссийского фонда культуры, Культурный центр «Адыгская энциклопедия». Нальчик : Б. и., 1991. 188 с. : ил.
5. Богораз В. Н. Феномен шаманства // Шаманизм народов Сибири. Этнографические материалы XVIII–XX веков : хрестоматия / составитель Т. Ю. Сем. Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ, 2006. С. 25–48.
6. Василенко О. В. Музыка медвежьего праздника казымских хантов как звучащий ландшафт сакрального пространства Арктики // Звучащие ландшафты Арктики / О. В. Василенко, О. Э. Добжанская, В. Е. Дьяконова и др. ; под общей редакцией О. Э. Добжанской, Т. И. Игнатъевой. Новосибирск : Наука, 2019. С. 99–119.
7. Виташевский Н. В. ... Из наблюдений над якутскими шаманскими действиями / с примечаниями В. М. Ионова ; Н. А. Виташевский. Петроград : Типография Императорской Академии наук, 1917. С. 165–188.

8. Государственному цирку Якутии 25 лет / авторы-составители М. В. Расторгуева, Р. Н. Алексеева, А. А. Тимофеева. Якутск, 2019. 232 с.
9. Древнетюркский словарь / [редакторы В. М. Надеяев и др.] ; АН СССР. Институт языкознания. Ленинград : Наука. Ленинградское отделение, 1969. 676 с.
10. Клепацкая О. С. Цирк как феномен русской культуры первой трети XX века : специальность 24.00.01 «Теория и история культуры» : автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата культурологии / Клепацкая Ольга Сергеевна ; [Вятский государственный гуманитарный университет]. Киров, 2009. 19 с.
11. Ксенофонов Г. В. Шаманизм. Избранные труды. Якутск : Север-Юг, 1992. 320 с.
12. Макаров С. А. Шаманы, масоны, цирк : Сакральные истоки циркового искусства. 2-е издание. Москва : URSS, 2009. 280 с.
13. Немчинский М. И. Опыт анализа постановочной работы советского цирка : (Модели циркового спектакля. 1920–1984 гг.) : специальность 17.00.01 «Театральное искусство» : автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора искусствоведения / Немчинский Максимилиан Изяславович ; Государственный институт театра, музыки и кинематографии. Санкт-Петербург, 1991. 40 с.
14. О создании Государственного цирка Республики Саха (Якутия) : указ Главы Республики Саха (Якутия) № 848 от 05 сентября 1994 года. URL: <http://docs.cntd.ru/document/445041732>
15. Пятаева О. В. Многонациональный цирк России XX столетия : специальность 17.00.01 «Театральное искусство» : диссертация на соискание учёной степени кандидата искусствоведения / Пятаева Ольга Викторовна ; Санкт-Петербургская государственная академия театрального искусства. Санкт-Петербург, 2009. 197 с.
16. Романова Е. Н. Игры и игровая культура // Якуты Саха : [коллективная монография] / [Е. Н. Романова и др.] ; ответственные редакторы : Н. А. Алексеев, Е. Н. Романова, З. П. Соколова. Москва : Наука, 2012. С. 419–428.
17. Романова Е. Н. Якутский праздник «Ысыах» : Истоки и представления / ответственный редактор Ю. Б. Симченко ; Российская академия наук, Сибирское отделение, Якутский институт языка, литературы и истории. Новосибирск : Наука : Сибирская издательская фирма, 1994. 159, [1] с. : ил.
18. Романова Е. Н., Добжанская О. Э. Антропология холода: методология, концепты, образы (на примере культурных традиций коренных народов Севера и Арктики) // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2019. № 35. С. 255–263.
19. Сакральные песни медвежьего праздника казымских хантов / составитель Т. А. Молданов ; научный редактор О. В. Василенко ; ответственный редактор О. Э. Добжанская. Якутск : ИЦ АГИКИ, 2016. 157 с. (Письмена на снегу; Вып. 1).
20. Словарь якутского языка : в 3 томах / Э. К. Пекарский ; Российская академия наук. 3-е издание, исправленное и дополненное. Санкт-Петербург : Наука, 2008-. Том 3, выпуски 10–13. 1280 с.
21. Хэйзинга Й. Homo Ludens. Человек играющий : Статьи по истории культуры / составитель и переводчик Д. В. Сильвестров. Москва : Айрис-Пресс, 2003. 488 с.

References

1. Assman Ya. *Cultural memory: writing, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity*. Moscow, LRC Publishing House, 2004. 363 p. (In Russ.).
2. Barinov V. A. Circus in the system of culture of society. *Russian Journal of Education and Psychology*, 2011, no. 2 (06), pp. 186–191. (In Russ.).
3. Bakhtin M. M. *Creativity of Francois Rabelais and folk culture of the Middle Ages and Renaissance*. Moscow, Publishing House “Hudozestvennaya literatura”, 1990. 543 p. (In Russ.).
4. Bgzhnokov B. Kh. *Circassian game: plot, semantics, mantics*. Nalchik, 1991. 188 p. (In Russ.).
5. Bogoraz V. N. The phenomenon of shamanism. In: Sem T. Yu., comp. *Ethnographic materials of the 18th – 20th centuries: a reader*. St. Petersburg, Published by Faculty of Philology at the St. Petersburg State University, 2006. Pp. 25–48. (In Russ.).

6. Vasilenko O. V. Music of the Kazym Khanty Bear festival as a sounding landscape of the sacred space of the Arctic. In: Dobzhanskaya O. E., Ignatieva T. I., eds. *Sounding landscapes of Arctic*. Novosibirsk, Akademizdatcenter "Nauka" RAS, 2019. (In Russ.).
7. Vitashevskii N. V. ... *From observations of the Yakut shamanic actions*. Petrograd, Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1917. Pp. 165–188. (In Russ.).
8. Rastorgueva M. V., Alekseeva R. N., Timofeeva A. A. *The State Circus of Yakutia is 25 years old*. Yakutsk, 2019. 232 p. (In Russ.).
9. Nadelyaev V. M., et al. *Ancient Turkic dictionary*. Leningrad, 1969. 676 p. (In Russ.).
10. Klepatskaya O. S. *Circus as a phenomenon of Russian culture in the first third of the XX century*. *Synopsis Cand. cult. st. diss.* Kirov, 2009. 19 p. (In Russ.).
11. Ksenofontov G. V. *Shamanism. Selected works*. Yakutsk, Publishing House "North-South", 1992. 320 p. (In Russ.).
12. Makarov S. A. *Shamans, freemasons, circus : The sacred origins of circus art*. 2nd edition. Moscow, Editorial URSS, 2009. 280 p. (In Russ.).
13. Nemchinskii M. I. *Experience in the analysis of the staging work of the Soviet circus: (Models of a circus performance. 1920–1984)*. *Synopsis Dr. History of Arts Sci. diss.* St. Petersburg, 1991. 40 p. (In Russ.).
14. *On the creation of the State Circus of the Republic of Sakha (Yakutia): Decree of the Head of the Republic of Sakha (Yakutia) No. 848 of September 05, 1994*. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/445041732> (In Russ.).
15. Pyataeva O. V. *Multinational circus of Russia of the XX century*. *Cand. History of Arts Sci. diss.* St. Petersburg, 2009. 197 p. (In Russ.).
16. Romanova E. N. Games and game culture. In: Romanova E. N. et al. *Yakuts Sakha*. Moscow, Akademizdatcenter "Nauka" RAS, 2012. Pp. 419–428. (In Russ.).
17. Romanova E. N. *Yakut holiday "Ysyakh": Origins and ideas*. Novosibirsk, Akademizdatcenter "Nauka" RAS, 1994. 159 p. (In Russ.).
18. Romanova E. N., Dobzhanskaya O. E. Anthropology of the cold: methodology, concepts, images (on the materials of cultural traditions of indigenous peoples of the North and the Arctic). *Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 2019, no 35, pp. 255–263. (In Russ.).
19. Moldanov T. A., comp. *Sacred songs of the bear holiday of the Kazym Khanty*. Yakutsk, Publishing House of the Arctic State Institute of Culture and Art, 2016. 157 p. (In Russ.).
20. Pekarskii E. K. *Dictionary of the Yakut language. In 3 volumes, volume 3*. St. Petersburg, Akademizdatcenter "Nauka" RAS, 2008. 1280 p. (In Russ.).
21. Huizinga J. *Homo Ludens. Man playing: Articles on the history of culture*. Moscow, Publishing House "Airis-Press", 2003. 488 p. (In Russ.).

*

ЗРЕЛИЩНАЯ КУЛЬТУРА СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА КАК ПРЕДМЕТ ЭСТЕТИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

УДК 008

<https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-597-64-70>

Е. В. Верхотуров

Московский государственный институт культуры, Химки, Российская Федерация, e-mail: wew89@mail.ru

Аннотация: Содержание статьи отражает проблемный характер использования зрелищных форм культуры в пространстве современного города. В связи с заметным возрастанием потребности гуманизации урбанистической среды в реалиях техногенной цивилизации повышается значимость эстетических факторов совершенствования публичного пространства, и одним из них являются арт-практики зрелищного вида. В статье раскрыт ряд специфических черт современной зрелищной культуры в разнообразии её форм. В качестве одной из зрелищных форм рассматривается уличный театр, обладающий спектром художественных средств воздействия на эмоциональный настрой горожан, на атмосферу коммуникативного арт-пространства. На примере этого типа зрелищной культуры раскрывается социально-культурная перспективность актуализации в театральной форме принципа эстетического разнообразия. В статье показано, как важно учитывать тенденции трансформации зрелища как культурной универсалии и давать им адекватную оценку с позиций культурологической эстетики и проективно-творческого подхода к задачам совершенствования культурных характеристик городского образа и стиля жизни.

Ключевые слова: зрелищная культура, урбанистическая среда, принцип эстетического разнообразия, уличный театр, коммуникативное арт-пространство.

Для цитирования: Верхотуров Е. В. Зрелищная культура современного города как предмет эстетического осмысления // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 5 (97). С. 64–70. <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-597-64-70>

ENTERTAINING CULTURE OF A MODERN CITY AS A SUBJECT OF AESTHETIC COMPREHENSION

Evgenii V. Verkhoturov

Moscow State Institute of Culture, Khimki City, Moscow Region, Russian Federation, e-mail: wew89@mail.ru

Abstract: The content of this article reflects the problematic questions of the entertaining culture forms implementation in the space of a modern city. According to a noticeable increase in the need for humanization of the urban environment in the technogenic civilization realities, the aesthetic factors importance for improving public space is increasing, and one of them is the art practice of an entertaining form. The article reveals a number of modern entertainment culture specific features in the variety of its forms. Street theater is considered as one of the spectacular forms, which has artistic means range of influencing the citizens emotional mood, a communicative art space atmosphere. As an

---

ВЕРХОТУРОВ ЕВГЕНИЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ – аспирант кафедры культурологии факультета государственной культурной политики Московского государственного института культуры
VERKHOTUROV EVGENIY VALERYEVICH – PhD student at the Department of Culturology, the Faculty of State Cultural Policy, the Moscow State Institute of Culture

© Верхотуров Е. В., 2020

example of this entertainment culture type, the socio-cultural perspective of actualizing the principle of aesthetic diversity in theatrical form is revealed. The article reveals the importance of taking into account a number of trends in the transformation of the spectacle as a cultural universal and of giving them an adequate assessment from the culturological aesthetics standpoint and a projective-creative approach to the tasks of improving the cultural characteristics of the urban image and lifestyle.

Keywords: entertaining culture; urban environment; aesthetic diversity principle street theatre; communicative art-space.

For citation: Verkhoturov Evgenii V. Entertaining culture of a modern city as a subject of aesthetic comprehension. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2020, no. 5 (97), pp. 64–70. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-597-64-70>

Одним из существенных параметров городского пространства является, как известно, его «организация на основе эстетических принципов» [7, с. 181]. Актуализация данных принципов предполагает динамичную взаимосвязь процессов эстетизации городской среды, трансляции учреждениями культуры художественных ценностей и креативизации досуга различных страт.

Возрастание исследовательского интереса к эстетической компоненте современного городского пространства обусловлено рядом причин: во-первых, расширением границ культурного пространства за счёт информационного «взрыва»; во-вторых, бурным развитием арт-практик, обновляющих спектр зрелищных форм и проявлений экспериментального «художественного активизма»; в-третьих, неоднозначным характером воздействия современного арт-рынка на ценностно-смысловые аспекты культурной среды в целом. В результате установки на эстетизацию современного культурного пространства в значительной мере оказываются под давлением интересов «индустрии развлечений» и шоу-бизнеса.

Проблема зрелищного аспекта феномена арт-практик в определённой степени вытекает из реалий «смесительного упрощения культуры» (Н. А. Хренов), с одной стороны, и в связи с бурным развитием индустрии развлекательных форм досуга – с другой. Транс-

формация зрелищного фактора эстетизации культурной среды современного города связана также с явным возрастанием массового спроса на эстетическое как «услугу» в сфере потребления в виде наслаждения объектами чувственного восприятия. В реалиях массовой культуры и распространения пародийно-игрового стиля в отношении к культурным нормам, ценностям и образцам «поиски новых форм отношения с миром, новое мировидение породили и особые формы художественной деятельности» [2, с. 5].

Наряду с использованием разнообразных способов эстетической визуализации городского пространства, всё большую популярность обретают зрелищные формы презентации ценностей жизни и культуры. Полифункциональность данных форм даёт основание рассматривать зрелище и как художественно-образное явление, и как привлекательный для жителей и гостей города способ их насыщения эстетическими впечатлениями, и как эмоциональный настрой субъектов межкультурной коммуникации. Тем самым подтверждается тезис одного из видных исследователей Я. В. Ратнера о том, что «именно зрелище становится социально-эстетическим феноменом широчайшего диапазона, следовательно, нуждается в глубоком осмыслении, изучении его природы, форм и функций, уточнении эстетических характеристик» [8, с. 3].

Некоторые исследователи зрелищной культуры обращают внимание на её несводимость только к эстетической ценности, как к «чувству удовольствия» (И. Кант): функциональный ряд данного явления гораздо шире и значительнее. Стоит в этой связи обратить внимание на смысловые отличия используемых в гуманитарных исследованиях понятий «зрелище» и «зрелищность». По утверждению Н. А. Хисматулиной, «зрелищность, или спектакулярность, как эстетическая категория отсылает к визуально масштабному, монументальному, тотальному – тому, чья величина и пространственное превосходство поражают воспринимающего» [12, с. 164]. Данная черта зрелища в немалой степени обуславливает его социально-культурную значимость. Не случайно итальянский исследователь Антонио Банфи связывал социально-культурную значимость зрелища с такими его атрибутивными особенностями, как «символ действенности» и «коллективное участие». Эти особенности придают особый оттенок коммуникативной «энергетике» массового зрелища. Введя в оборот современной эстетики понятие «зрелищное общение», Н. А. Хренов подчёркивал: «Коллективное взаимодействие и эмоциональный контакт вступающих в зрелищное общение людей не менее важны, чем содержание передаваемой с его помощью информации» [13, с. 9].

Именно поэтому сущность зрелища, при несомненном наличии многих эстетических характеристик, по мнению ряда отечественных культурологов, не есть искусство. Так, согласно Е. В. Сальниковой, «зрелище не подразумевает обязательной декларации авторами и исполнителями факта создания завершённой художественной формы» [9, с. 31]. В статье «Феномен зрели-

ща» она утверждает необходимость «выйти за пределы понимания зрелища как искусства и попытаться осознать именно феномен зрелищной культуры» [9, с. 31]. При этом следует учитывать, что «социокультурная история человечества доказывает, что сам статус зрелища в социальной практике являлся весьма важным её компонентом, обладал в разные времена разными нормативами, подвергаясь трансформациям» [9, с. 46]. Этот вывод современного исследователя демонстрирует многогранность и динамику зрелищного фактора культурной жизни социума.

Действительно, с древности до настоящего времени зрелищная культура представляет собой динамичное художественно-эстетическое явление, обладающее мощным потенциалом воздействия на массовое сознание и его креативизацию. Одним из эмпирических подтверждений значимости зрелищного фактора эстетизации урбанистической среды является, на наш взгляд, её *спортивный сегмент*.

Теоретическому анализу данного сегмента городского образа посвящена докторская диссертация М. Я. Сарафа [10]. Ряд положений его исследования убеждает в том, что в длительной истории своего развития спорт прошёл «путь от утилитаризма потребительской зрелищности к свободной творческой деятельности. Он оказался способным к этому, поскольку в основе его лежало именно эстетическое чувство и эстетическая потребность. Так что с той же необходимостью, с которой цирк стал полноправным видом искусства, спорт занимает и своё особое место в эстетической культуре современного общества» [10, с. 206].

Длительный путь содержательно-формотворческих трансформаций характерен для зрелищной культуры в целом. Эстети-

ческим результатом её динамики является следующий момент, отмеченный американским культурологом Альбертом Модем: «Массовое зрелище синтезирует различные художественные аспекты, приёмы и структуры» [5, с. 259]. Важно и то, что трансформация зрелищной культуры тесно связана с изменениями городского пространства, на что обращено внимание в статье Э. А. Орловой «Городская среда как культурно-эстетическое явление», где утверждается, что «... ценностная неоднородность современной городской культуры нашла отражение в искусстве как принцип полистилистики» [7, с. 193].

Это утверждение проецируется и на такой тип зрелищной культуры, как *уличное искусство* в его различных видах. Один из них – уличный театр. Поскольку ядром зрелища любого типа является реализация «инстинкта театральности», уместно процитировать автора концепции «театрализации жизни» Н. Н. Евреинова. Ещё в начале XX века он утверждал, что «уличные шествия, карнавалы, представления, спектакли – всё это существует приоритетным образом для того, чтобы побудить к творческому отношению к жизни» [3, с. 104].

Привлекательность уличного театра как традиционного и оригинального вида зрелищной культуры фиксируется и в научных публикациях специалистов, и в художественных произведениях, и самой публикой. Общим моментом оценки уличных театров является признание в них образца «яркой и притягательной культурной формы, которая устанавливает новые приоритеты социального и личного поведения, новые образы престижности, даёт возможность для культурной самоидентификации и самореализации личности» [14, с. 112–122].

В уличном спектакле могут создаваться любые, в том числе и фантастические миры, ярко использоваться знаково-символическая заданность маски и эстетика костюмов персонажей, различные цветосветовые эффекты и разнообразные приёмы музыкального сопровождения актёрской игры, которая носит характер импровизаций. Участвовать в уличных представлениях могут актёры различных специализаций и уровней подготовки: как отдельные уличные музыканты, так и хорошо организованные театральные компании или группы, которые экспериментируют с новыми пространствами, а также продвигают новые художественные направления и идеи.

Определение границ уличного театра и ответственность перед зрителями полностью лежат на организаторах и режиссёрах этих уличных постановок. Кроме того, на таких представлениях уличных театров можно увидеть акробатов, клоунов, жонглёров, уличных магов и музыкантов, которые не только демонстрируют своё мастерство, но и виртуозно проявляют коммуникативно-импровизационные способности в ситуациях зрелищного общения.

В связи с этим стоит напомнить, что в первую треть XX века в молодом советском государстве уделялось большое внимание проблеме включения креативно-художественных форм в культурное пространство. Как писал П. М. Керженцев, «... появятся спектакли под деревьями парка, на тихом перекрёстке, на передвижной эстраде. Любимые отрывки трагических или оперных постановок будут повторяться случайно собравшейся праздничной толпой, где-нибудь под открытым небом. Возродятся публичные игры, танцы, новые хороводы, связывающие сотни участвующих единой целью. Творческое искусство будет

жить яркой жизнью на площадях и улицах ...» [4, с. 45–46].

Склонность к импровизациям и сиюминутность актёрских реакций на поведение зрителей, случайно оказавшихся на «территории» уличного представления, придают особую привлекательность этой театрализованной форме зрелищной культуры. В зависимости от типа драматургической основы и жанровой определённости уличного представления в нём оказываются «задействованы» самые разные традиции актёрского исполнения и музыкально-пластические элементы спектакля. Как отмечает Н. С. Московских, «в уличном театре слышатся отклики кампаний первобытных шаманов, древнегреческих празднеств-дионисий, народных игрищ и обрядов, средневековых религиозных мистерий и площадных представлений, карнавалов, народных гуляний на масленичной и пасхальной неделях, балаганов, представлений скоморохов ...» [6, с. 38–39].

Перечисленные типы традиций театрализации и её форм свидетельствуют не только о механизме преемственности в зрелищной культуре, но и о том, что в ней актуализируется ряд творческих принципов, эстетического разнообразия. В последние годы заметна активизация взаимодействия визуальных и процессуальных способов эстетизации городской среды: архитектуры, скульптуры, граффити, зелёных насаждений, дизайна и рекламы с арт-практиками в виде процессуального искусства и театрализованных форм. Наряду с визуальными формами выражения креативного отношения к миру, зрелище всё в большей мере вписывается в культурно-эстетическую среду. При этом следует иметь в виду культурную значимость экспериментирования «с различными моделями теа-

трального пространства, каждая из которых по-разному формировала отношения между актёрами и зрителями, движение и восприятие» [11, с. 201].

С этой точки зрения стоит отметить как факт массовой культуры тенденцию возрастания удельного веса уличного искусства (граффити, групповых и индивидуальных выступлений музыкантов, театрализованных акций) в социально-культурном пространстве современного города. Рост популярности различных видов арт-практик и взаимодействие визуального и зрелищного способов эстетизации урбанизированной среды дают основание для интерпретации её «как коллективного произведения искусства, как вечного хеппинга» [1, с. 142]. В то же время при оценке трансформации художественно-креативных способов эстетизации культурной среды важно соотносить содержательно-стилистические особенности современных арт-практик с критерием гуманизации городского образа жизни.

Значимость критерия гуманизации обусловлена рядом проблем техногенной цивилизации, которые присущи социально-культурным аспектам современного урбанизма. Отсюда возникает задача гармонизации технологических и художественно-творческих форм городского пространства. Решению данной задачи способствует зрелищно-процессуальный фактор расширения спектра эмоциональных впечатлений горожан, который, наряду с визуальными формами преобразования урбанистического пространства, эффективно влияет на процессы гуманизации городского стиля жизни. Креативно-развлекательные формы вовлечения разных слоёв городского населения в арт-практики различного типа активизируют эстетическое отношение к миру.

Список литературы

1. Глазычев В. Л. Поэтика городской среды // Эстетическая выразительность города : [сборник статей] / АН СССР, ВНИИ искусствознания Министерства культуры СССР ; ответственный редактор О. А. Швидковский. Москва : Наука, 1986. С. 130–156.
2. Дианова В. М. Постмодернистская философия искусства: истоки и современность. Санкт-Петербург : Петрополис, 1999. 240 с.
3. Евреинов Н. Н. Театр для себя. Часть II. Петроград, 1916.
4. Керженцев П. М. [Лебедев П. М.] Творческий театр. 5-е изданик, пересм. И доп. Москва ; Петроград : Государственное издательство, 1923. 234 с.
5. Моль А. Социодинамика культуры : перевод с французского / вступительная статья, редакция и примечания Б. В. Бирюкова [и др.]. Москва : Прогресс, 1973. 405 с. : ил.
6. Московских Н. С. Уличный театр как форма урбанизации зрелищного искусства // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2015. № 1 (22). С. 38–43.
7. Орлова Э. А. Городская среда как культурно-эстетическое явление // Эстетическая культура : [сборник статей] / Российская академия наук, Институт философии ; [ответственный редактор И. А. Конилов]. Москва : ИФРАН, 1996. С. 179–200.
8. Ратнер Я. В. Эстетические проблемы зрелищных искусств. Москва : Искусство, 1980. 135 с.
9. Сальникова Е. В. Феномен зрелища // Ракурсы. Выпуск 8 / редактор-составитель Ю. В. Боров (кандидат философских наук), А. С. Вартанов (доктор филологических наук). Москва : Государственный институт искусствознания, 2011. С. 30–59
10. Сараф М. Я. Эстетические компоненты спортивной деятельности : диссертация на соискание учёной степени доктора философских наук : 09.00.04 / Сараф Михаил Яковлевич. Москва, 1981. 316 с.
11. Фишер-Лихте Э. Эстетика перформативности / [перевод с немецкого Н. Кандинской] ; под общей редакцией Д. В. Трубочкина. Москва : Play&Play : Канон-плюс, 2015. 375 с.
12. Хисматулина Н. А. Зрелищность и участие: антагонистические категории анализа современных художественных практик // Известия Уральского федерального университета. Серия 3. Общественные науки. 2015. № 2 (140). С. 162–170.
13. Хренов Н. А. Социально-психологические аспекты взаимодействия искусства и публики / [предисловие Б. Д. Парыгина]. Москва : Наука, 1981. 304 с.
14. Ярошенко Н. Н. Индустрия развлечений в пространстве современных культурных практик // Международный журнал исследований культуры. 2017. № 1 (26). С. 112–122.

References

1. Glazychev V. L. Poetics of urban environment. In: Shvidkovsky O. A., ed. *Aesthetic expressiveness of city*. Moscow, Akademizdatcenter "Nauka" RAS, 1986. Pp. 130–156. (In Russ.).
2. Dianova V. M. *Postmodern philosophy of arts: origins and contemporaneity*. St. Petersburg, Publishing House "Petropolis" Ltd, 1999. 240 p. (In Russ.).
3. Evreinov N. N. *Theater for yourself. Part II*. Petrograd, 1916. (In Russ.).
4. Kerzhentsev P. M. [Lebedev P. M.] *Creative theater*. 5th edition. Moscow, Petrograd, State Publishing House, 1923. 234 p. (In Russ.).
5. Moles A. *Sociodynamics of culture*. Moscow, Progress Publishers, 1973. 405 p. (In Russ.).
6. Moskovskikh N. S. The street theatre as a form of urbanization of spectacular arts. *Bulletin of St. Petersburg State University of Culture*. 2015, no. 1 (22), pp. 38–43. (In Russ.).
7. Orlova E. A. Urban environment as a cultural and aesthetic phenomenon. In: *Aesthetic culture*. Moscow, Publishing House of the Institute of Philosophy RAS, 1996. Pp. 179–200. (In Russ.).
8. Ratner Ya. V. *Aesthetic problems in performing arts*. Moscow, Art Publishing House, 1980. 135 p. (In Russ.).
9. Salmnikova E. V. Spectator Phenomenon. In: Borev Yu. V., Vartanov A. S., eds. *Angles. Issue 8*. Moscow, Publishing House of the State Institute of Art Studies, 2011. Pp. 30–59. (In Russ.).
10. Saraf M. Ya. *Aesthetic components of sports activity. Dr. philos. sci. diss*. Moscow, 1981. 316 p. (In Russ.).

11. Fischer-Lichte E. *The Aesthetics of performativity*. Moscow, Publishing House “Kanon+”, 2015. 375 p. (In Russ.).
12. Khismatulina N. A. Spectacle and participation: antagonistic categories for analysis of contemporary art practices. *Izvestia Ural Federal University Journal. Series 3: Social Sciences*. 2015, no. 2 (140), pp. 162–170. (In Russ.).
13. Khrenov N. A. *Social and psychological aspects of interaction between art and the public*. Moscow, Akademizdatcenter “Nauka” RAS, 1981. 304 p. (In Russ.).
14. Yaroshenko N. N. The entertainment industry in the field of contemporary cultural practices. *International Journal of Cultural Research*. 2017, no. 1 (26), pp. 112–122. (In Russ.).

*

РЕЦЕПЦИИ ОБРАЗА ГОСЛУЖАЩЕГО В СОВРЕМЕННОМ ЛИТЕРАТУРНО- ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

УДК 7.011

<https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-597-71-80>

В. К. Егоров

Российская академия народного хозяйства и госслужбы при Президенте РФ,
Москва, Российская Федерация, e-mail: vk.egorov@igsu.ru

Аннотация: В статье рассматривается образ госслужащего в культуре. Прослеживается как объективная тенденция, отражающая разрыв между государственной службой и гражданским обществом, так и те возможные позитивные образы, которые рождаются в искусстве. Размышления о госслужащем и о герое нашего времени проводятся через призму литературной критики и медиаинтерпретаций. В статье приводится статистика, подкрепляющая отношение населения к госслужбе, к чиновнику. Автор, на основе опыта работы в госслужбе в качестве министра культуры РФ, руководителя РАГС, РГБ, делится своим экспертным мнением о том, как законодательно в разных странах трактуется термин «государственный служащий», каким видится новое поколение, в том числе и в постпандемийный период.

Ключевые слова: государственный служащий, образ чиновника в культуре, культурный менеджмент.

Для цитирования: Егоров В. К. Рецепции образа госслужащего в современном литературно-художественном дискурсе // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 5 (97). С. 71–80. <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-597-71-80>

RECEPTIONS OF THE IMAGE OF A CIVIL SERVANT IN MODERN LITERARY AND ARTISTIC DISCOURSE

Vladimir K. Egorov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPА),
Moscow, Russian Federation, e-mail: vk.egorov@igsu.ru

Abstract: The article examines the image of a civil servant in culture. There is an objective trend that reflects the gap between the civil service and civil society, as well as the possible positive images that are born in art. Reflections on the civil servant and the hero of our time are considered through the prism of literary criticism and media interpretations. The article provides statistics that support the attitude

---

ЕГОРОВ ВЛАДИМИР КОНСТАНТИНОВИЧ – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой ЮНЕСКО ИГСУ Российской академии народного хозяйства и госслужбы при Президенте РФ

EGOROV VLADIMIR KONSTANTINOVICH – DPhil, Full Professor, Head of the UNESCO Department, the Institute of State Service and Management, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPА)

© Егоров В. К., 2020

of the population to the civil service, to the official. The author, who worked in the civil service as the Minister of culture of the Russian Federation, the head of the rags, the RSL, shares his expert opinion on how the term “civil servant” is interpreted legally in different countries, how the new generation is seen, including in the post-pandemic period.

Keywords: civil society and public administration, image of the servant in culture, cultural management.

For citation: Egorov V. K. Receptions of the image of a civil servant in modern literary and artistic discourse. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2020, no. 5 (97), pp. 71–80. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-597-71-80>

Обращение к образу государственных служащих в литературе и искусстве неизбежно связано с осмыслением тенденций в текущем художественном процессе, в кино, литературе и т.д. Что отмечают современные критики ведущих журналов – «Вопросы литературы», «Театр», «Искусство кино»? Один из самых популярных современных писателей Р. Сенчин, размышляя о прозе, в 2019 году заметил, что сейчас время не для положительных героев [16]. Поскольку же разговор всё-таки не о времени, хотя и о нём, сфокусируемся сначала на вопросе о героях. В статье О. Свириденковой с примечательным заглавием «Антикризисные книги Романа Сенчина. Почему сегодня хочется читать о героях-неудачниках» есть весьма любопытное, достаточно многозначительное суждение: «Читать ... книги, у героев которых всё хуже, чем у тебя, или, по крайней мере, не лучше, как минимум приятно, а то и утешительно ... Полагаю, и произведения Романа Сенчина способны кому-то помочь обрести “мужество отчаяния”, побудить шевелиться ради того, чтобы не завязнуть в болоте и не повторить судьбу некоторых его героев» [14].

Е. Сафонова обратилась к творчеству писателей так называемого нового реализма, к которому причисляют таких известных прозаиков, как З. Прилепин, Г. Садулаев, Р. Сенчин, С. Шаргунов. Она, с одной стороны, отмечает, что герои их про-

изведений, как правило, «бездуховные маргиналы, наркоманы, бомжи, проститутки, люди с интеллектом не выше табуретки» [13]. С другой – предлагает посмотреть на всё это под таким углом зрения: «... великая русская классика суперположительными героями тоже небогата. Какую фигуру ни возьми – то “лишний человек”, то нигилист, то террорист, то забитый бессловесный мужик, то аферист, охотник за мёртвыми душами, а то студент с топором ... Это наш золотой фонд (литературный, а не стабилизационный). Это герои наших лучших писателей!» [13].

Молодой учёный, задавшись вопросом о престиже государственной службы у молодёжи, провёл опрос студентов 4-го курса одного из престижных уральских вузов. На вопрос: «Хотите ли пойти на госслужбу?», «да» ответила 1/3 опрошенных, что позволило сделать вывод: это «не утешительно и является ярким проявлением остроты проблемы» [1].

Нацеленность на служение государству, обществу, людям, то есть народу, совсем не обязательно должна быть связана с обсуждаемым видом деятельности в «принятом» её толковании.

Разделяются же чиновники по нынешней классификации на руководителей, помощников, специалистов и обеспечивающих специалистов. Кроме того, в России три вида госслужбы – гражданская, воен-

ная и правоохранительная. И что касается государственной гражданской службы, то её законодательства ряда стран «ранжируют» по-разному. Например, в Великобритании, где к государственным служащим относятся все работники так называемого публичного сектора, включая органы власти, публичных корпораций, здравоохранения и образования. Похожая ситуация в ФРГ, США. В России эти категории населения именуются «бюджетниками». Тех, кого у нас называют государственными гражданскими служащими, следовало бы именовать работниками органов государственного (и муниципального) управления и государственных услуг населению. При таком «разъяснении» каждому изначально будет понятнее значение этих видов, типов деятельности, примерное соотношение в них начальствующих и выполняющих работу с непосредственным выходом на человека, гражданина, то есть контактирующих с гражданами. Важно это и для ориентации при выборе профессии: «кем хочешь быть», «кем, вероятнее всего, будешь» и т.д. Следует изначально растолковывать, что престижность работы связана с авторитетом, достоинством служения людям, а не с иными, внешне и утилитарно более или менее «сладкими» представлениями о «месте под солнцем». С попаданием на подобные места, как правило, и связывается успех, «успешность». Не только в СМИ, но и на различных курсах, семинарах по повышению квалификации, в ходе учебного процесса в вузах, готовящих специалистов по ГМУ, менеджеров, немало внимания уделяется вопросам карьеры, карьерного роста. Чуть ли не повсеместно идёт овладение «премудростями» всяческих карьерограмм, и это оказывает, не может не оказывать, влияние на психологию, социопрофессио-

нальную, нравственную ориентацию людей, прежде всего, конечно, слушателей, семинаристов, студентов. Только правильнее было бы вести всё это карьероведение на основе, на фоне серьёзного и профессионального разговора о том, что же такое успешность, каковы критерии успешности учёного или спортсмена, учителя или инженера, врача или актёра. Во всех этих видах деятельности на первом месте в понимании успеха стоит стремление к более убедительной, наглядной реализации таланта, способностей, к росту личного профессионализма, а отнюдь не занятие какой-то должности, хоть на ступеньку выше. В контексте такого разговора и тот же прекрасный фильм «Доживём до понедельника» будет не лишне ещё раз упомянуть.

Вернуться надо бы и к вопросу о традициях в отечественной литературе, искусстве. Помимо отмеченного критиком, желательно не забывать о том, что наша страна строилась, жила, иногда просто выживала и существует поныне, развивается потому, что служили ей ещё и Штольцы, Каренины, и «маленькие люди», не заметные в жизни и не замеченные литературой. И не все служащие были Акакиями Акакиевичами, хотя таковых, если угодно, по закону больших чисел, предостаточно всегда. И не все мы, в том числе управленцы российские, «вышли из гоголевской шинели». Интересно, что принято считать: так утверждал Достоевский, а уж если Фёдор Михайлович сказал, стало быть так и есть. Однако ничего подобного великий писатель не говорил. Ему, а иногда и И. С. Тургеневу эти слова приписываются «с лёгкой руки» то ли Б. М. Марковича, то ли Э. де Вогюэ. Сам же Достоевский узнал об этом из статьи последнего, опубликованной в 1885 году. Французскому исследователю был важен

акцент на внимании русской литературы к проблемам «маленького человека», и ничто иное в давно уже «крылатое выражение» не вкладывалось [6]. Потому, видимо, и великий писатель на это никак не среагировал. Это к вопросу о ценностных акцентах в отечественной литературе, искусстве.

Но сегодня «музыку заказывают» в общественном мнении не литература и искусство, а медиа. Конечно, и в печатных СМИ, на телевидении, радио, а теперь ещё и в Интернете художественные произведения представлены, достаточно вроде бы широко. Но рождаются, живут в них, ассоциируются с литературой, искусством носители ценностей, исповедующие свои законы, зачастую своеобразные. Р. Сенчин, отвечая на вопрос о книгах-событиях за последние год-два, написал: «Такого события, кажется, не было. Много хороших книг, но не более. А потрясающая книга может быть ужасной, даже плохо написанной. Важен резонанс пусть не в обществе целиком, но хоть в литературной среде» [11]. Само интервью было преподнесено под заголовком: «Пусть соловьи поют бесплатно».

Рейтинг качеств, по частоте упоминаний в средствах массовой информации слова «чиновник», выглядит, по одному из исследований, следующим образом: 1. Формализм, волокита. 2. Несправедливость по отношению к гражданам. 3. Коррупция, взятки, казнокрадство. 4. Злоупотребление служебным положением. 5. Высокие доходы, большие деньги. 6. Связь с преступным миром – «крыша», «крышевание». 7. Связь с бизнесом – «кормушка». И далее – некомпетентность, чванство и т.п. [9].

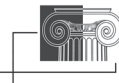
А писатели, режиссёры и сценаристы, композиторы, художники, актёры, которые и творят образы героев в своих произведениях, живут во вполне конкретном мире,

питаются импульсам, исходящими от общества. И замечательно, когда они «черпают материал в гуще жизни», но желательно, чтобы преимущественно не в препарированном виде.

По данным ВЦИОМа, 80% опрошенных, которые знают чиновников, знакомы с ними, положительно относятся к их работе. И что наиболее любопытно: лучше всего к знакомым чиновникам относятся молодые люди в возрасте до 35 лет, хуже всего в возрастной группе от 45 до 60 лет.

Согласно оценкам по 5-балльной системе (опросы 2010 и 2016 годов), наиболее заметная положительная динамика оценок у полицейских (с 2,39 до 3,09) и работников госорганов (с 2,47 до 2,97); у учителей (соответственно 3,79 и 3,96), военнослужащих (3,67 и 3,95), журналистов (2,95 и 3,16), предпринимателей (2,58 и 2,84). Больше всего россияне доверяют рабочим (средний балл 4,05), учителям (3,96) и военнослужащим (3,95), а меньше всего – политикам (2,74), предпринимателям (2,84) и чиновникам (2,97) [7].

Представляя сравнительное исследование, авторитетная социологическая служба с сожалением отметила, что в опросе 2010 года не было рабочих и инженеров. Это, впрочем, примечательное упущение. Следует подчеркнуть и то, что данные по врачам 3–4-летней «давности» также наверняка устарели, серьёзным образом изменились в связи с отношением к медикам в ходе борьбы с коронавирусом. Памятуя же о проблеме «образ государственных служащих в литературе и искусстве», необходимо исходить из того, что художники мыслят не категориями репрезентативности в исследовании, представительности социальных слоёв или профессиональных групп в каких-то там выбороч-

ных совокупностях, а, как уже говорилось, тем, что они видят в жизни. И обращаются прежде всего к тому, что ярче, интенсивнее, болезненнее всего пульсирует в общественных настроениях. Внимание творцов концентрируется зачастую исключительно на тех сферах жизни, деятельности, на тех героях, персонажах, которые наполнены, по крайней мере, не лишены напряжённости, а лучше – конфликтности. Потому и неизмеримо чаще в творческих произведениях присутствуют госслужащие из «силовых структур», в тех же телесериалах, которые больше всего «на слуху», «на виду». В них, понятно, есть место и гражданским госслужащим, но преимущественно в качестве «берущих», «крышующих», в лучшем случае – равнодушных. «Картина маслом», как подытожил бы ситуацию государственный служащий Гоцман в «Ликвидации». «За державу обидно» – констатировал бы, диагностировал госслужащий Верещагин из киноклассики. Очевидно, что для осмысления обычной жизни, проникновения в характеры неброских людей (прежде всего работающих на государственной гражданской службе) уповать приходится только на приход Таланта, который сможет рассмотреть в буднях интересное и существенное для людей.

Конечно, как бы само собой напрашивается и «пресловутый» вопрос о социальном заказе. Да нет, не на положительного, «глянцевого» героя, а на реального человека, совсем не обязательно совершающего подвиг. Не мешало бы напомнить в связи с этим о том, как настойчиво звучало в среде творческой интеллигенции в адрес официальной советской пропаганды, критики: перестаньте к подвигам призывать, давайте жить нормальной жизнью и писать, снимать о ней. Так вот в рамках служебной

деятельности без экстремальных привходящих обстоятельств, «сюрпризов» на государственной гражданской службе места, того, что подвигами называется, не найти. При этом нельзя забывать, что «по жизни» понятие «социальный заказ» в его истинном понимании, исполнении трансформируется в заказ от госструктур, бизнес-структур, от групп поддержки тех или иных интересов.

Обществу необходимо осмысление повседневной работы чиновничества, от которого слишком много зависит в жизни миллионов. В том числе художественное осмысление того, кто же они, нынешние слуги народа, общества, государства? Это проблема непростая, какой бы она кому-либо ни представлялась – надуманной, искусственной, устаревшей, совковой.

А. Т. Твардовский писал о смысле солдатской повседневности, о цене и самооценке в ратной обыденной работе: «Богатырь не тот, что в сказке – / Беззаботный великан, / А в походной запоязке, / Человек простой закваски... / В муках твёрд и в горе горд...». И как сопряжение приземлённого и высокого: «Мне не надо братцы ордена, / Мне слава не нужна, / А нужна, больна мне Родина, / Родная сторона!».

Кто-то скажет, что сравнения подобные некорректны. И это так, но только в том случае, если сознательно или по недопониманию исключать из «проблематики чиновничества», по сути, принципиальное, если угодно, по-настоящему высокое: простые люди не «витают в облаках», с общения с бюрократией в жизни и начинается общение с властью, режимом, государством, во многом формируется отношение к госслужбе.

В данной теме можно отметить два аспекта: о патерналистских началах в на-

шем национальном характере, в русской, российской культуре и об интеллигенции, её месте в нашей истории и современности.

Говорить о глубине патерналистских настроений в народе можно, но только с большими оговорками. Вернее, даже только тогда, когда из поля зрения не исчезает понимание двуликости этого феномена. Н. А. Бердяев, много, плодотворно разрабатывавший эти проблемы, акцентировал внимание на том, что русский народ одновременно и «государственный», и «анархически-свободолюбивый», что эта «противоречивость создана всей русской историей и вечным конфликтом инстинкта государственного могущества с инстинктом свободолюбия и правдолюбия народа» [2, с. 15]. При этом он убедительно выводил эти заключения и их значение для отечественной истории на вопросы об особенностях русской интеллигенции, на её роль в подготовке наших революций [2, с. 17–20]. В данном заключении невольно возникают зримые параллели между тектоническими разломами начала и конца XX века, включая схожесть причин забвения государственных начал и возвышения социально разрушительных.

Вопрос о том, что есть «интеллигенция» как явление, интересный, большой, но отдельный. Его поднял В. Д. Боборыкин, который, как утверждают, ввёл этот термин в далёком 1866 году [12, с. 207].

М. О. Гершензон в знаменитом, не потерявшем значения сборнике «Вехи» более века назад писал: «Казалось бы, ясно, что ... самопознание и самовоспитание личности – не какой-нибудь моральный долг, а просто закон человеческой природы, обусловленный самим фактом наличия сознания в человеке. Оно – такой же естественный процесс в духовном организме чело-

века, как прорезание зубов или половое созревание в физическом. Но физическое созревание человека не подлежит его вмешательству, в духовном же он – не только объект, но и свободный участник. Зубы мудрости непременно прорежутся в своё время, а нормальный ход духовного развития может быть бесконечно искажён историческими условиями, общественными предрассудками и личным заблуждением людей. Такое печальное искажение – духовная жизнь русской интеллигенции» [4, с. 210]. И ещё одно наблюдение В. М. Межуева относительно темы «интеллигенция и власть»: «На государственных постах любой грамотный чиновник в тысячу раз полезнее и нужнее красноречивого и идеологически ангажированного интеллигента. Придя к власти, последний будет руководствоваться не обязательными для всех нормами и правилами, а всё теми же идеологическими эмоциями и привязанностями, перенеся, например, свою нелюбовь к прежней власти на тех, кто теперь недоволен его собственной властью» [15, с. 719].

Предлагаемые ракурсы подхода к основной теме оттеняют, высвечивают важные вопросы, в том числе стоящие за огромной проблемой – диалог, взаимоотношения власти и художественной интеллигенции, причём с «расшифровкой»: власть людьми воспринимается не через философско-политологические и прочие абстракции, а через отношение к её представителям. Власть воспринимается в условиях рыночной экономики, демократического государства через отношение и к тем бизнес- и общественным структурам, их представителям, которые, «по правилам игры», создаваемым государством, выступают в качестве работодателей для людей, и к тем, кто предоставляет им услуги. Через них в нема-

лой степени формируется и отношение активных участников того же информационного и художественного процесса. Можно при этом предположить, что при положительной оценке их работы реакция доминирует примерно такая: «Ну, понятно, в бизнесе, у частника порядка больше», а при отрицательном – приблизительно следующая: «Что же поделаешь, в нашей стране, в государстве таком, по-другому и быть не может».

Не обойтись в дискуссии и без акцентов на проблемах (в той или иной степени уже затрагивавшихся), которые стоят за синонимами самого понятия «чиновник» в русском языке, а значит, в нашей культуре. Их, если следовать развёрнутой информации в Интернете, 85(!). Вот чаще всего употребляемые из них: служащий, слуга народа, бюрократ, клерк, функционер, чинуша, чиноврал, бумажная душа, буквоед, канцелярская крыса... Обращаясь к этим проблемам, конечно, в первую очередь надо заострять вопросы борьбы с бюрократизмом. Однако необходимо прямо ставить вопрос и об объективности той картины, которая предстаёт в медийном пространстве. Разумеется, совсем не для того, чтобы «рты затыкать» пишущим, говорящим, кричащим о безобразиях, а для огромной общественной потребности в адекватной диагностике состояния государственной (и не только) «машины управления». Чтобы ритмичнее, без сбоев, эффективно работали. Для борьбы же с реально существующими проблемами, недостатками, изъянами необходимы системные меры. Понятно при этом, что если казнокрадству, мошенничеству, взяточничеству и прочим должны противостоять прежде всего государственно-правовые меры, то бездушию, хамству и т.п. – преимущественно обществен-

но-нравственные. В то же время в практике госстроительства, в организации управленческой деятельности это нередко «подзабывается». А ведь давно стало аксиомой утверждение самых авторитетных учёных-правоведов, что, несмотря на «функционирование огромной массы регуляторов», многие явления общественной жизни неподвластны сугубо правовому регулированию [8, с. 769]. В связи с этим можно говорить о самых различных подходах к решению имеющихся проблем. По-прежнему актуальны вопросы этики власти, властвующих, работающих во властных структурах, а также вопросы педагогические, в первую очередь относящиеся к качеству подготовки и переподготовки управленческих кадров.

Известно, что, по меньшей мере, со времён М. Вебера идёт поиск «идеального типа» управления, совершенных форм его организации. Конечно, специалисты (и учёные, и практики) отдают себе отчёт в том, что без бюрократии невозможно. Она была, есть, будет и необходимой, и профессиональной, хорошей, и плохой, непрофессиональной и подверженной всяческому правовым и моральным изъянам. Рассматривая различные, разного уровня «плюсы и минусы» бюрократии, самого явления «бюрократизм», авторы содержательного тематического сборника Института философии РАН постулируют: двойственная природа бюрократии – это не её недостаток, это её природа [3]. В связи с этим логично исходить из этого, готовить кадры, организуя работу органов и организаций управления и обслуживания. Хотелось бы, чтобы это осознавали и те, кто создаёт образы наших героев, тиражирует их, распространяет в общественном пространстве. Действуем же все мы в этой жизни не по привыч-

ной, утвердившейся, даже расхожей диаде «сознание – поведение», а по триаде «сознание – культура – поведение», которую сформулировал почти век назад советский учёный-психолог, основатель концепции развития высших психических функций Л. С. Выготский. И все наши герои (обычные, положительные, отрицательные) – только часть тех, кто, работая на государство, состоит на службе у общества и народа, наряду с несущими военную, правоохранительную службу, лечащими, учащими, производящими, открывающими новые научные горизонты, создающими художественно-эстетическое пространство нашего времени. Таков, если серьёзно, а не узко, не «инструментально», масштаб, уровень, пафос обсуждаемой темы.

Отдельного внимания требуют особенности политической деятельности в контексте вопросов об общем и отличном в политике и управлении. При этом неплохо бы не забывать хорошую «нюансировку» Г. П. Щедровицкого: политика – это почти всегда и «борьба организационно-управленческих решений» [10, с. 133]. Есть свои проблемы, отличительные черты, как уже было замечено, в управлении и предоставлении услуг гражданам бизнес-структурами.

К рассуждениям о менеджменте, менеджерах, качестве управления, услуг

в этой сфере и о том, что качество работы в ней отражается и на оценках эффективности государства, его структур, добавим: последовательный рыночник, известный экономист С. М. Гуриев считает необходимым прямо говорить о «заблуждениях и стереотипах, распространяемых СМИ и политиками», относительно свойств «невидимой руки» рынка и о том, когда и где сам рынок нуждается в «защите и поддержке» государства [5, с. 41].

Современность выдвигает и ещё недавно казавшиеся отвлечёнными, а то и фантастическими научные и вполне практические вопросы, связанные с возможностями новых, прежде всего цифровых, технологий. Качественные изменения в работе тех же МФЦ. В принципе предполагавшееся, но коронавирусом невероятно ускоренное распространение и новое качество работы в режиме «удалёнки» – это только начальные этапы своего рода революции в управлении. Причём, поскольку с ними уже сталкиваются тысячи и тысячи граждан, по-своему те же госслужащие, предстоит по-новому отвечать и на многие вызовы. Здесь и различные последствия многоликого феномена цифрового неравенства, и проблемы диапазона, доступности, качества услуг в современных форматах, и то новое, что возникает в работе социальных лифтов.

Список литературы

1. Алимгафарова А. Р. Повышение престижа и социальной привлекательности государственной гражданской службы в российском обществе // Молодой учёный. 2016. № 1 (105). С. 784–786.
2. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма / АН СССР, Научный совет по проблемам культуры. Репринтное воспроизведение. Москва : Наука, 1990. 220, [2] с.
3. Бюрократия в современном мире: теория и реалии жизни : [монография] / [В. И. Спиридонова и др. ; ответственный редактор В. Н. Шевченко] ; Российская академия наук, Институт философии. Москва : ИФ РАН, 2008. 193, [2] с.
4. Гершензон М. О. Творческое самопознание // Вехи : [сборник статей о русской интеллигенции] ; Из глубины : [сборник статей о русской революции / журнал «Вопросы философии» и др. ;

- составление и подготовка текста А. А. Яковлева ; примечания М. А. Колерова и др. Москва : Правда, 1991.
5. Гурьев С. М. Мифы экономики : заблуждения и стереотипы, которые распространяют СМИ и политики. Москва : Альпина Бизнес Бук, 2006.
  6. Долинин А. А. Кто же сказал «Все мы вышли из «Шинели» Гоголя»? . [Электронный ресурс] // Русская литература. 2018. № 3. С. 163–170. URL: <http://ras.jes.su/rusliter/s207987840000774-0-1>
  7. Елкина М. Больше всего россияне доверяют рабочим, учителям и военным [Электронный ресурс] // Известия : [сайт]. 11 января 2016 года. URL: <https://iz.ru/news/601289>
  8. Мальцев Г. В. Социальные основания права. Москва : Норма : Инфра-М, 2011. 799 с.
  9. Михайлов А. П. Образ чиновника в современной картине мира (на материале дискурса СМИ) // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2009. № 2. С. 186–188.
  10. Рац М. В. Политика и управление // Полис. Политические исследования. 2010. № 3. С. 132–143.
  11. Роман Сенчин: «Пусть соловьи поют бесплатно. Я против этого» [Электронный ресурс] // Ревизор.ru : [сайт]. 2 ноября 2019 года. URL: <https://rewizor.ru/literature/interviews/roman-senchin-pust-solovi-pout-besplatno-ya-protiv-etogo/>
  12. Сакулин П. Н. Социологический метод в литературоведении. Москва : Мир, 1925. 240 с.
  13. Сафронова Е. Литература без героя [Электронный ресурс] // Ревизор.ru : [веб-сайт]. Электронные данные. 6 июля 2018 года. URL: <https://rewizor.ru/literature/reviews/literatura-bez-geroya/>
  14. Свириденкова О. Антикризисные книги Романа Сенчина. Почему сегодня хочется читать о героях-неудачниках [Электронный ресурс] // Свободная Пресса : [сайт]. URL: <https://svpressa.ru/blogs/article/145324/>
  15. Свободное слово : Интеллектуальная хроника десятилетия / редакторы-составители А. А. Гусейнов, В. И. Толстых. Москва : Школа культурной политики, 1996.
  16. Сенчин Р., Константинова Е. Время не для положительных героев // Вопросы литературы. 2019. № 5. С. 75–90.

References

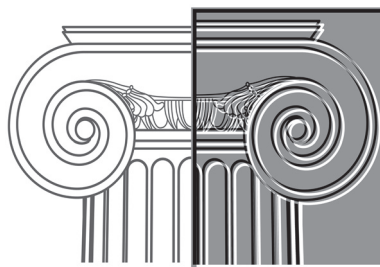
1. Alimgafarova A. R. Increasing the prestige and social attractiveness of the state civil service in Russian society. *Molodoi uchenyi*. 2016, no. 1 (105), pp. 784–786. (In Russ.).
2. Berdyayev N. A. *The origins and meaning of Russian communism*. Moscow, Akademizdatcenter “Nauka” RAS, 1990. 220 p. (In Russ.).
3. Spiridonova V. I., et al. *Bureaucracy in the modern world: theory and realities of life*. Moscow, Publishing house of Institute of Philosophy RAS, 2008. 193 p. (In Russ.).
4. Gershenson M. O. Creative self-knowledge. In: Yakovlev A. A. et al., comp. *Milestones. A collection of articles on the Russian intelligentsia; From the depths. A collection of articles about the Russian revolution*. Moscow, Publishing house “Pravda”, 1991. (In Russ.).
5. Guriev S. M. *Myths of economics: misconceptions and stereotypes spread by mass media and politicians*. Moscow, Publishing House “Alpina Book”, 2006. (In Russ.).
6. Dolinin A. Who was the one to say we have all come from Gogol’s «Overcoat»? . *Russkaia literatura*. 2018, no. 3, pp. 163–170. (In Russ.).
7. Elkina M. *Most of all Russians trust workers, teachers and the military*. Available at: <https://iz.ru/news/601289> (In Russ.).
8. Maltsev G. V. *Social foundations of law*. Moscow, Publishing house “Infra-M”, 2011. 799 p. (In Russ.).
9. Mikhailov A. P. The image of an official in the modern picture of the world (based on the material of the media discourse). *Actual problems of the humanities and natural sciences*. 2009, no. 2, pp. 186–188. (In Russ.).
10. Rats M. V. Politic and management. *Polis. Political Studies*. 2010, no. 3, pp. 132–143. (In Russ.).
11. Roman Senchin: “Let the nightingales sing for free. I’m against it”. Available at: <https://rewizor.ru/literature/interviews/roman-senchin-pust-solovi-pout-besplatno-ya-protiv-etogo/> (In Russ.).

12. Sakulin P. N. *Sociological method in literary criticism*. Moscow, 1925. 240 p. (In Russ.).
13. Safronova E. *Literature without a hero*. Available at: <https://rewizor.ru/literature/reviews/literatura-bez-geroya/> (In Russ.).
14. Sviridenkova O. *Anti-crisis books by Roman Senchin. Why you want to read about failed heroes today*. Available at: <https://svpressa.ru/blogs/article/145324/> (In Russ.).
15. Guseynov A. A., Tostykh V. I., eds. *Free speech: an intellectual chronicle of the decade*. Moscow, Published by School of Cultural Policy, 1996. (In Russ.).
16. Senchin R. V., Konstantinova E. I. Not a good time for positive heroes. *Voprosy Literatury [Problems of Literature]*. 2019, no. 5, pp. 75–90. (In Russ.).

*

СОВРЕМЕННЫЕ
КУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ
И ПРОЦЕССЫ

Культурная политика как отражение норм социального взаимодействия

УДК 304.4

<https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-597-82-89>

С. Б. Синецкий

Челябинский государственный институт культуры, Челябинск, Российская Федерация, e-mail: sbs62@mail.ru

Аннотация: В статье описаны методологически полярные управленческие процессы, построенные на конкурирующих традициях: манипулирование и диалог. Продемонстрирована специфика указанных традиций, их истоки, хронология появления, современный потенциал. Дан критический анализ использования метода манипуляции в политике с учётом современных коммуникативных технологий, развития систем образования, ослабления влияния сословности на управленческую практику. Зафиксирована традиция противопоставления в российском научном дискурсе государственных и общественных институтов, являющихся субъектами политики. Охарактеризованы пять типов имманентной современному обществу социальной активности, захватывающей в том числе представителей управленческого аппарата публичной власти. Показана принципиальная диффузность современного социума, существенно затрудняющая его институциональную формализацию. Поддерживается идея диалога как основного метода культурной политики. Выдвинута гипотеза об условии эффективности культурной политики в XXI веке: замена институциональной парадигмы культурной политики прямой межличностной коммуникацией осуществляющих её субъектов.

Ключевые слова: культурная политика, социальное взаимодействие, межличностная коммуникация, манипулирование, диалог, общественность.

Для цитирования: Синецкий С. Б. Культурная политика как отражение норм социального взаимодействия // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 5 (97). С. 82–89. <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-597-82-89>

CULTURAL POLICY AS A REFLECTION OF THE SOCIAL INTERACTION STANDARDS

Sergey B. Sinetskii

Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts, Chelyabinsk, Russian Federation, e-mail: sbs62@mail.ru

Abstract: The article describes methodologically polar managing processes based on competing traditions: manipulation and dialogue. The author demonstrates the specificity of these traditions, their origins, chronology of appearance and current potential. The author critically analyzes the use of manipulation method in politics, taking into account modern communicative technologies, education systems development, and decline in influence of social division into estates on management

---

СИНЕЦКИЙ СЕРГЕЙ БОРИСОВИЧ – доктор культурологии, профессор, проректор по научно-исследовательской и инновационной работе Челябинского государственного института культуры
SINETSKII SERGEY BORISOVICH – D.Sc. in Cultural Studies, Full Professor, Vice rector for Research and Innovation of the Chelyabinsk State Institute of Culture

© Синецкий С. Б., 2020

practice. The author traces the tradition to oppose (in Russian scientific discourse) state institutions that are subject of politics to public ones. The article characterizes five types of immanent in modern society social activity that involves, among others, including representatives of public authorities' administrative apparatus. The fundamental diffuseness of modern society is shown, which significantly complicates its institutional formalization. The author supports the idea of dialogue as a major cultural policy method. The author puts forward a hypothesis about the condition of cultural policy effectiveness in the 21st century: replacement of cultural policy's institutional paradigm by direct interpersonal communication between subjects implementing it.

Keywords: cultural policy, social interaction, interpersonal communication, manipulation, dialogue, society.

For citation: Sinetskii S. B. Cultural policy as a reflection of the social interaction standards. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2020, no. 5 (97), pp. 82–89. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-597-82-89>

Принято считать, что социальные взаимодействия (и коммуникации в целом) в значительной степени формируются под воздействием проводимой культурной политики. Это, безусловно, так. Однако и сама культурная политика является производной от сложившихся социальных взаимодействий. В данной статье будут рассмотрены два аспекта социальных взаимодействий, оказывающих влияние на культурную политику.

Первый аспект. Актуальность заявленной темы определяется традиционным противостоянием двух управленческих традиций, имеющих противоположные методологические основания. В основе первой лежит методология манипулирования, скрытого воздействия на социальные объекты со стороны субъекта управления. Вторая основана на методологии полисубъектности: соучастия и открытого диалога максимального количества заинтересованных субъектов, репрезентирующих интересы различных социальных групп. В настоящей статье мы воздержимся от нравственных оценок данных методологий, остановившись исключительно на их эффективности и уместности использования в конкретных исторических условиях.

Очевидно, что традиция манипулирования имеет существенно более длинную историю. К настоящему времени теория манипуляции хорошо разработана. Её основоположниками принято считать Никколо Макиавелли (1469–1527) и Игнатия де Лойолу (1491–1556), хотя сам термин в его современном управленческом значении стал использоваться примерно в середине XX века [2, с. 4].

Изначально данная традиция была объективирована такими условиями жизни, как:

- неразвитые, медленные коммуникации;
- предписанная сословность, формально закреплённое неравенство социальных групп в отношении участия в управлении;
- институциональная образовательная сегрегация, обеспечивающая элитам существенное преимущество в управлении и администрировании.

По сути, манипулирование являлось неизбежным в ситуации неинституализированности диалога элит и социума, с одной стороны, и невозможности постоянного использования методов принуждения в отношении социума – с другой. При этом в современном профессиональном научном

дискурсе данный метод влияния устойчиво ассоциируется с неравным положением коммуницирующих сторон. Так, Ю. В. Пую говорит о манипуляции как о «специфической форме социальной репрессии, актуализирующейся в пространстве организационно-управленческой деятельности в виде многообразия коммуникативных технико-технологических практик ...» [9, с. 16]. О. В. Ланге считает, что «манипулирование ... обусловлено асимметричным характером авторитетно-властных отношений ... Политическое манипулирование ... является результатом эволюции таких явлений, как господство, эксплуатация, насилие» [3, с. 11]. Л. Г. Навасаратян, описывая речевые средства и приёмы манипуляции, подтверждает её генетическую парадигматику, основанную на дихотомии «свой – чужой» [6, с. 6]. А. А. Мачина обращает внимание на «необходимость проведения профилактических мероприятий по предотвращению манипулятивного порабощения человеческого сознания» [4, с. 7]. Основываясь на анализе имманентных манипуляции паттернах неравенства сторон взаимоотношений, О. Б. Негодаева относит манипулятивные отношения к факторам риска в российском обществе [7].

Мы намеренно обратились к современным российским исследованиям диссертационного уровня, ибо сделанные в них выводы основаны на обстоятельном анализе идей и мнений отечественных и зарубежных авторов. На основе проведённого краткого анализа манипуляции как метода культурной политики можно констатировать:

- во-первых, её однонаправленный целевой вектор, субъектно-объектную парадигматику отношений;
- во-вторых, скрытность воздействия субъекта на объект;

- в-третьих, укрепление (воспроизводство) при использовании данного метода социальной конфронтации, основанной на паттерне превосходства (образовательного, знаниевого, интеллектуального и других) субъекта влияния над объектом;

- в-четвёртых, игнорирование разнообразных потенциалов объекта влияния (как правило, это существенная часть общества) при формировании образов культуры будущего, целей культурной политики и способов её реализации;

- в-пятых, ресурсоёмкость метода, определяемую необходимостью постоянного усиления манипулятивного влияния в силу привыкания и снижения чувствительности объекта к ранее использованным средствам воздействия.

Что касается объективных социокультурных оснований манипуляции, перечисленных выше, то можно констатировать их отсутствие в развитых обществах XXI века.

1. Современные коммуникации настолько развиты по своим скоростным и инструментальным параметрам, что позволяют передавать информацию в любых её формах неограниченному количеству людей одновременно с возможностью интерактива и разноформатной обратной связи. Это позволяет не только принципиально интенсифицировать управленческую деятельность, но и лишить её какой-либо тайны (скрытность имманентна манипуляции). Критическое большинство замыслов субъектов политики становится известно до их воплощения (открытые обсуждения, «прогнозы», «сливы», «утечки» и т.п.).

2. Сословность если и сохранилась, то в декоративной форме, как формальная дань традиции, национальный колорит. Ни-

какого влияния на реальную управленческую практику развитых стран сословность не оказывает.

3. Образовательная сегрегация практически перестала существовать с ростом количества вузов во всём мире (с появлением образовательных технологий), в результате интернационализации образования и появления онлайн-образования (соответствующая тенденция активно набирает скорость). На основе образовательного и культурного выравнивания современные общества развиваются в парадигме сменяемости элит и общественного диалога.

Таким образом, манипулирование как норма социального взаимодействия в развитых обществах принципиально смещается в область частных межличностных отношений. Оно фрагментарно сохраняется в государственной и корпоративной управленческой практике как рудимент архаичных эпох.

Ключевыми условиями эффективности культурной политики на современном этапе являются:

- выход из конфронтационной управленческой парадигмы «свой – чужой» и переход в парадигму со-участия и открытого диалога, представляющего собой устойчивую связь «между личностным, регионально-этническим и планетарным уровнями взаимодействия» [8, с. 9];

- агрегирование разнообразия (идей, проектов, сюжетов, оценок и других): создание системы «участвующего управления» (Н. И. Миронова);

- обеспечение процессности (как принципа) культурной политики через создание постоянно действующей (открытой) диалоговой среды, позволяющей многократно корректировать ранее согласованные цели и действия, реагируя на изменение обстоя-

тельств реализации культурной политики [10, с. 26–27].

Второй аспект. В научном российском дискурсе сформировалась традиция противопоставления (зачастую неявного, латентного) государственных и общественных институтов как субъектов политики (и в целом деятельности). Поисковые системы выдают десятки ссылок на диссертационные исследования, посвящённые «государственному управлению», «государственной политике» или «гражданскому обществу», «общественным организациям». Нам представляется, что подобное институциональное противопоставление применительно к политической установке на «культурную идентичность», «социальную солидарность» и т.п. не имеет консолидирующего потенциала. С одной стороны, присутствует государство как набор формально-бюрократических структур, деятельность которых обеспечивается временным персоналом¹: выборными органами, наёмным аппаратом, ситуативно привлекаемыми экспертами. С другой стороны – общество как конгломерат естественных форм бытования социальности. В этом смысле существующие проблемы диалога «государства» и «общества» могут быть конкретизированы на объективных противоречиях коммуника-

¹ Существует, в том числе в отечественной драматургии разных исторических периодов, устойчивое представление о чиновнике как «бездушной функции», «формалисте», «бюрократе», «винтике в машине» и т.п. Более того, культурологами и искусствоведами отмечается падение интереса к фигуре чиновника со стороны современных деятелей художественной культуры и искусства в силу «простоты» образа и невостребованности его интерпретации у зрителя [1].

ции между «временным» и «постоянным», «искусственным» и «естественным», «неизменным» и «изменчивым», «статичным» и «динамичным» и т.п. Объективным фактором, детерминирующим само наличие проблемы такого диалога, выступает ролевая конвенциональность. Даже временное исполнение предзаданной функции, сопряжённое с определённым ролевым статусом, искажает как представление исполнителя роли о себе, так и воспринимаемый с позиции роли мир. Здесь уместно вспомнить высказывание Макса Вебера о том, что «нет абсолютно “объективного” научного анализа культуры – или, более узко, – “социальных явлений”, независимых от специальных и “односторонних” точек зрения, в соответствии с которыми – явно или молчаливо, сознательно или бессознательно – они отбираются, анализируются и организуются для объяснения целей» [11, с. 72]. Снятие (смягчение) указанного противоречия возможно:

- во-первых, при переходе к участвующему управлению, предполагающему, что лидером изменений является гражданский социум, а властвующая элита (государство) преобразуется в антикризисный менеджмент [5, с. 56–57];

- во-вторых, через преодоление (в том числе через изменение отражения ситуации в научном дискурсе) субъектами культурной политики, вступающими в диалог, личной статусно-ролевой парадигмы, уравнивание их конвенционального статуса. Иными словами, представитель государства должен быть в первую очередь одним из членов сообщества, а лишь потом – функционером или законодателем.

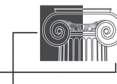
Если структура государственной машины достаточно чётко регламентирована нормативными документами и публично

представлена (например, любой государственный орган управления легко определяется в рамках общей системы управления, имеет подробное описание своей структуры, полномочий, кадров, мероприятий и т.д.), то структура современной общественности, в силу многих объективных причин, зачастую представляется размытой и неопределённой. Однако, вступая в диалог, важно понимать, как минимум, организационно-функциональный статус партнёра (ценностные и иные содержательные позиции согласовываются). Взяв за основу критерий «способ организации» можно выделить следующие типы объединения общественности в первой четверти XXI века [10, с. 122–126].

Первый тип – традиционные общественные объединения, организация которых соответствует той, что описана в действующем Федеральном законе «Об общественных объединениях» от 19 мая 1995 года № 82-ФЗ. Исходя из данного закона можно предположить, что общественность – это граждане:

- вступившие в непосредственный личный контакт;
- создавшие некие нормативные документы, регулирующие их взаимоотношения (устав, протоколы собраний и т.д.);
- имеющие не просто общие, но зафиксированные в уставе цели;
- обязанные провести специальное организационное мероприятие (съезд, конференцию, общее собрание);
- сформировавшие руководящие и контрольно-ревизионные органы.

Очевидно, что выполнять перечисленные требования готово существенное меньшинство дееспособного населения, причём не только по объективным причинам (отдалённое проживание, например), но и в силу

отсутствия необходимости всего перечисленного для своей деятельности.

Во-первых, группы или сообщества, образующиеся в условиях информационного общества, более не предполагают обязательного непосредственного межличностного контакта её участников. Существуют весьма устойчивые интернет-сообщества, члены которых никогда друг друга не видели в реальной жизни.

Во-вторых, для эффективного существования таких виртуальных групп-сообществ не обязательно создавать уставы, вести протоколы собраний и вообще как-то формализовать свою деятельность. Тем более что вся переписка не просто автоматически сохраняется на серверах, но и идентифицируется по дате, времени, тематике и иным необходимым параметрам.

В-третьих, у участников виртуальных сообществ может не быть общих целей, но могут существовать общие интересы (или проблемы), причём временно.

В-четвёртых, для организации интернет-сообщества не нужно никаких специальных мероприятий типа конференций и съездов. Любой желающий может явочным порядком присоединиться к таким сообществам (если они носят открытый характер), заявлять свою позицию, обсуждать общие вопросы, в любой момент устранившись от коммуникации и вновь вступить в неё.

В-пятых, какие-либо руководящие и контрольно-ревизионные органы в виртуальных сообществах, как правило, отсутствуют (за исключением, конечно, модераторов). Такие сообщества принципиально самоорганизуются.

Но и это ещё не всё. Огромное количество индивидуумов вообще не нуждается в стабильном сообществе для включения в любые интересующие их коммуникации.

Зачастую они создают собственные поводы для общения или вовсе не требуют общения, лишь вбрасывая свои мысли и идеи в Сеть, обогащая её смысловое наполнение.

Второй тип – устойчивые виртуальные сообщества, представленные людьми, систематически вступающими в коммуникацию по интересующим их вопросам (социальные сети, тематические форумы и т.п.), рассматривающими такую коммуникацию как часть образа жизни.

Третий тип – временные виртуальные сообщества, представленные людьми, вступающими в коммуникацию по каким-либо особым поводам (например, обсуждающими какое-либо конкретное решение или действие властей, событие, ситуацию).

Четвёртый тип – временные виртуальные сообщества, состоящие из представителей определённой типологической группы, нуждающихся в совете, помощи или готовых поделиться своим опытом. Группируются вокруг тематических сайтов, групп в социальных сетях и т.п. (сайты для будущих мам, например).

Пятый тип – индивидуальные участники виртуальной коммуникации, не требующие обязательной реакции на своё присутствие в Сети, но периодически вбрасывающие в неё информацию, которая им представляется важной для других и просто для самореализации.

подавляющее большинство населения, за исключением его пассивной (или лишённой доступа в Интернет) части, распределяется в рамках представленной типологии. Одни и те же люди в разных ситуациях могут попадать в организованности разных типов. Внутри данной типологии находятся в том числе и представители государственных структур, имеющие активную жизненную позицию (многие из депу-

татов и чиновников ведут свои блоги, страницы в социальных сетях, пишут в Твиттер и т.д.). Всё это объективно способствует межсекторной и межличностной диалогичности при обращении к общим темам и проблемам.

В качестве общего вывода предлагается гипотеза о том, что эффективная культурная политика в XXI веке возможна при условии дополнения (а в пределе – замены) её институциональной парадигмы прямой межличностной коммуникацией субъ-

ектов, претендующих на осуществление культурной политики. Интересы институтов, конкретизированные в интересах ведомств и организаций, программируют бюрократизацию коммуникаций, искусственную конкуренцию, попытки доминирования, социальный диссонанс. Открытый же диалог личностей, вынесенный за рамки частных отношений, осуществляемый в целерациональном формате, может стать основой выработки современной культурной политики.

Список литературы

1. Государственный служащий в современной культуре и искусстве : образ, концепты и конструкты : круглый стол в рамках научно-методологического семинара «Культура и культурная политика» (Москва, 16 июня 2020 г.) / Институт государственной службы и управления РАНХиГС. URL: https://www.youtube.com/watch?time_continue=23&v=JFNz1wIxy4I&feature=emb_logo
2. Князева И. В. Манипуляция общественным сознанием: сущность, исторические формы, трансформация : социально-философский анализ : специальность 09.00.11 «Социальная философия» : автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата философских наук / Князева Ирина Васильевна ; Воронежский государственный архитектурно-строительный университет. Воронеж, 2011. 24 с.
3. Ланге О. В. Современные манипулятивные технологии : вопросы теории и методологии : специальность 23.00.01 «Теория и философия политики, история и методология политической науки» : диссертация на соискание учёной степени кандидата политических наук / Ланге Ольга Владимировна ; Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, 2015. 173 с.
4. Мачина А. А. Манипулирование сознанием посредством информационной системы : специальность 22.00.01 : автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата социологических наук / Мачина Анна Александровна ; Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. Москва, 2003. 22 с.
5. Миронова Н. И. Социальная динамика: метаморфозы самоорганизации и управления : [монография]. Челябинск : Челябинский Дом печати, 2005. 171, [1] с. : ил., табл., цв. ил.
6. Навасартян Л. Г. Языковые средства и речевые приёмы манипуляции информацией в СМИ : на материале российских газет : специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Навасартян Лариса Гагиковна ; Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. Саратов, 2017. 22 с.
7. Негодаева О. Б. Манипуляция сознанием как фактор риска в российском обществе : специальность 09.00.11 «Социальная философия» : автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата философских наук / Негодаева Ольга Борисовна ; Донской государственный технический университет. Ростов-на-Дону, 2007. 21 с.
8. Попов Е. Н. Онтологические аспекты диалога и диалогических отношений в современном мире : специальность 09.00.11 «Онтология и теория познания» : диссертация на соискание учёной степени кандидата философских наук / Попов Евгений Николаевич ; Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова. Якутск, 2012. 179 с.
9. Пую Ю. В. Социально-философские основания антропологии манипулирования : специальность 09.00.11 «Социальная философия» : диссертация на соискание учёной степени доктора

философских наук / Пую Юлия Валерьевна ; Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена. Санкт-Петербург, 2010. 372 с.

10. Синецкий С. Б. Культурная политика XXI века: теоретико-методологические основания и условия осуществления : специальность 24.00.01 «Теория и история культуры» : диссертация на соискание учёной степени доктора культурологии / Синецкий Сергей Борисович ; Челябинская государственная академия культуры и искусств. Челябинск, 2012. 357 с.
11. Weber M. *The methodology of the social sciences*. Glencoe, Illinois: Free Press, 1949. 216 p.

References

1. *Civil servant in contemporary culture and art: image, concepts and constructs*. Available at: https://www.youtube.com/watch?time_continue=23&v=JFNz1wIxY4I&feature=emb_logo (In Russ.).
2. Knyazeva I. V. *Manipulation of public consciousness: essence, historical forms, transformation: socio-philosophical analysis. Synopsis cand. philos. sci. diss.* Voronezh, 2011. 24 p. (In Russ.).
3. Lange O. V. *Modern manipulative technologies: questions of theory and methodology. Synopsis cand. polit. sci. diss.* St. Petersburg, 2015. 173 p. (In Russ.).
4. Machina A. A. *Manipulation of consciousness through an information system. Synopsis cand. sociolog. sci. diss.* Moscow, 2003. 22 p. (In Russ.).
5. Mironova N. I. *Social dynamics: metamorphoses of self-organization and management*. Chelyabinsk: Published by Chelyabinskiy Dom pechati, 2005. 171, [1] p. ISBN 5-87184-376-X. (In Russ.).
6. Navasartyan L. G. *Language means and speech techniques for manipulating information in the media: on the material of Russian newspapers. Synopsis cand. filol. sci. diss.* Saratov, 2017. 22 p. (In Russ.).
7. Negodaeva O. B. *Consciousness manipulation as a risk factor in Russian society. Synopsis cand. philos. sci. diss.* Rostov on Don, 2007. 21 p. (In Russ.).
8. Popov E. N. *Ontological aspects of dialogue and dialogical relations in the modern world. Cand. philos. sci. diss.* Yakutsk, 2012. 179 p. (In Russ.).
9. Puyu Yu. V. *Socio-philosophical foundations of the anthropology of manipulation. Dr. philos. sci. diss.* St. Petersburg, 2010. 372 p. (In Russ.).
10. Sinetskii S. B. *Cultural policy of the XXI century: theoretical and methodological foundations and conditions for implementation. Dr. cultural studies diss.* Chelyabinsk, 2012. 357 p. (In Russ.).
11. Weber M. *The methodology of the social sciences*. Glencoe, Illinois: Free Press, 1949. 216 p.

*

ГОРОД В КОНТЕКСТЕ ЭКОНОМИКИ ВПЕЧАТЛЕНИЙ

УДК 008:338.467.6

<https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-597-90-96>

Т. Н. Суминова

Московский государственный институт культуры, Химки, Российская Федерация, e-mail: tsuminova@yandex.ru

Аннотация: В статье в контексте рыночной экономики впечатлений рассматривается город как уникальный социокультурный феномен, особый институт и «зеркало» исторических контекстов, симулякр пространства гиперреальности и потребления, объект междисциплинарных исследований и кинематографа. Выявляется сущность современного постмодернистского города и обозначаются проблемы пребывания человека в таковом. Город представлен как спектр «стимулов» (возможности/впечатления/жесты/товары/образы/звуки), генерирующих пёстрый, безграничный и непостигаемый хаос, формирующий «обесцвечивание» человека как песчинки лавины толпы, его сосредоточенность/фокусировку на личных интересах, игнорирование социальных проблем, отвердевание души, одичание, разобщённость и в результате приводящий к суициду. Раскрывается влияние социального капитала, креативных индустрий, творческого предпринимательства, арт-менеджмента и проектного менеджмента на реализацию концепций «устойчивого города», зелёного, умного, здорового и конкурентоспособного города. Подчёркивается значимость символической экономики, антропоцентризма и креатива для формирования культуры городов как синергии сообщений/смыслов/кодов в генерируемом маркетинговом коммуникативном информационном пространстве. В условиях культуры повседневности города оказывают существенное влияние на «образы мира» и стиль жизни горожан – объекты государственной культурной политики.

Ключевые слова: город, креативная экономика впечатлений, социальный капитал, арт-менеджмент, символическая экономика, государственная культурная политика, маркетинговое коммуникативное информационное пространство, культура повседневности, проектный менеджмент.

Для цитирования: Суминова Т. Н. Город в контексте экономики впечатлений // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 5 (97). С. 90–96. <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-597-90-96>

THE CITY IN THE CONTEXT OF THE ECONOMY OF IMPRESSIONS

Tatyana N. Suminova

Moscow State Institute of Culture, Khimki City, Moscow Region, Russian Federation, e-mail: tsuminova@yandex.ru

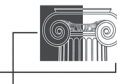
Abstract: In the article in the context of a market economy of impressions, the city is considered as a unique sociocultural phenomenon, a special institution and a “mirror” of historical contexts,

СУМИНОВА ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА – доктор философских наук, профессор кафедры социально-культурной деятельности факультета государственной культурной политики Московского государственного института культуры

SUMINOVA TATYANA NIKOLAEVNA – DPhil, Professor at the Department of Social and Cultural Activity, the Faculty of State Cultural Policy, the Moscow State Institute of Culture

© Суминова Т. Н., 2020

a simulacrum of the space of hyperreality and consumption, an object of interdisciplinary research and cinema. The essence of the modern postmodern city is revealed and the problems of a person's stay in it are identified. The city as a spectrum of "incentives" (opportunities/impressions/gestures /goods/images /sounds) that generate colorful, limitless and incomprehensible chaos that forms the "discoloration" of a person like a grain of sand from an avalanche of the crowd, his focus /focus on personal interests, ignoring social problems, hardening of the soul, run wild, disunity, and as a result leading to suicide.

The influence of social capital, creative industries, creative entrepreneurship, art management and project management on the implementation of the concepts of a "sustainable city", a green, smart, healthy and competitive city is revealed. The importance of symbolic economy, anthropocentrism and creativity for the formation of urban culture as a synergy of messages/meanings/codes in the generated marketing communicative information space is emphasized. In a culture of everyday life, cities have a significant impact on the "images of the world" and the lifestyle of citizens – objects of state cultural policy.

Keywords: city, creative economy of impressions, social capital, art management, symbolic economy, state cultural policy, marketing communicative information space, everyday culture, project management.

For citation: Suminova T. N. The city in the context of the economy of impressions. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2020, no. 5 (97), pp. 90–96. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-597-90-96>

Современная рыночная экономика впечатлений, или экономика символического обмена, или креативная экономика, оказывает влияние на все сферы жизнедеятельности, в том числе находит яркое проявление в таком уникальном объекте теории и практики социокультурной реальности, как город.

Город как особый институт и «зеркало» исторических контекстов «препарируется» представителями различных наук, например, проблемы урбанизации – это антропология, экономика, география, история, социология; вопросы урбанизма как образа/пути жизни города – это антропология, история, политология, социология; морфология города как физического образа архитектурного пространства (улицы, дворы, парки), формирующего облик такового (городской ландшафт) изучается географией, историей, социологией.

В исследованиях зарубежных учёных (философов, культурологов, социологов, психологов и других) город трактуется по-разному, например, как организм

(Герберт Спенсер), социальный организм (Освальд Шпенглер), социальный институт (Макс Вебер), сексуальная лаборатория (Эдвард Франклин Фрейзер, Луис Вирт, Чарльз Селигман Бернхаймер, Фредерик Милтон Трэшер, Клиффорд Роуб Шоу), базар, джунгли (Георг Зиммель), машина, используемая различными социальными группами (Анри Лефевр), машина / механизм роста (Харви Ласки Молотч, Джон Логан) с акцентом на коалицию элит, заинтересованных и нацеленных на извлечение прибыли из земли города и из того, что на таковой возведено (дома, учреждения и т.д.), социальная лаборатория/идеальная лаборатория для изучения природы человека и социальных процессов (Роберт Парк), органический город (Патрик Геддес), мировой город/альфа-город/глобальный город/мегаполис (Патрик Геддес, Освальд Шпенглер), мегаполис/метрополис (Дирк Бронджер), экуменополис/«город-как-мир»/пространство культуры (Константинос Доксиадис), лаборатория (пост-) модерна (Сюзанна Франк), соци-

ально-экономический элемент капитализма (Карл Маркс, Фридрих Энгельс), социально-психологическая сфера урбанизации (Эмиль Дюркгейм, Фердинанд Тённис и другие), социокультурный «заряд» системы городской планировки, в том числе как модель «города сада» (Эбенизер Говард), философская и экологическая система социума с механизмами пространственной организации территории (Роберт Парк, Эрнст Бёрджесс, Ричард Маккензи, Луис Вирт), коммуникативная среда, создающая новое мировоззрение (Льюис Мамфорд), модель «лучезарного города» (архитектор Ле Корбюзье), смысл «урбанистической революции» древнего социума (Гордон Чайлд), центральное место с радиусом реализации услуг и товаров, элемент «урбогравитации» (Вальтер Кристаллер), в контексте изучения пространства (Кевин Линч), объект критики американской градостроительной системы (Джейнс Джекобс), «креативный город» (Чарльз Лэндри), в связи с «креативным классом» (Ричард Флорида), система «пространства потоков», «пространства мест» в информационном социуме (Мануэль Кастельс), элемент семиотики (Хельмут Беркинг, Мартина Лёв, Франц Бократ, Рольф Линднер, Ульф Маттизен, Герд Хельд и другие) и т.д.

Российские исследователи «препарируют» города в социально-экономическом, научно-техническом, социально-экологическом аспектах, с точки зрения развития социокультурных процессов (В. Л. Глазычев, Э. С. Демиденко, А. Э. Гутнов, Ю. Л. Пивоваров, В. А. Есаков), как архаические символы (Вяч. Вс. Иванов), объекты семиотики (Ю. М. Лотман), элементы урбосферы как философской категории (С. С. Касаткина) и т.д.

Город является ярчайшим и значимым персонажем многочисленных кино-

фильмов, например, «Метрополис» (немой ч/б х/ф, реж. Фриц Ланг, Германия, 1927), «Москва. Пробег кино-глаза» (ч/б д/ф, реж. Михаил Кауфман, Илья Копалин, СССР, 1927), «Человек с киноаппаратом» (немой ч/б д/ф, реж. Дзига Вертов, СССР, 1927), «Берлин – симфония большого города» (немой ч/б д/ф, реж. Вальтер Руттман, Германия, 1927), «Новые времена» (х/ф, реж. Чарльз Чаплин, США, 1936), «Обнажённый город» (х/ф, реж. Жюль Дассен, США, 1948), «Увольнение в город» (х/ф, реж. Стэнли Донен, Джин Келли, США, 1949), «Невероятные приключения итальянцев в России» (х/ф, реж. Эльдар Рязанов, СССР, Италия, 1973), «Питер FM» (х/ф, реж. Оксана Бычкова, Россия, 2006), «Нью-Йорк, я люблю тебя» (х/ф, США, 2008), «Полночь в Париже» (х/ф, реж. Вуди Аллен, США, Испания, 2011), «Римские приключения» (х/ф, реж. Вуди Аллен, США, Италия, Испания, 2012), «Москва, я терплю тебя» (х/ф, реж. Сергей Аксёнов, Россия, 2016) и другие.

Современный постмодернистский город – это город «региональный», постфордистский, «мировой», «дуальный» (поляризованные сообщества), «дисциплинирующий» (активно контролируемые места, например, «сообщества за воротами», тюрмы), «город-симулякр» (создаётся гиперреальность и главенствует потребление) [5].

Город – это спектр «стимулов» (возможности/впечатления/жесты/товары/образы /звуки), генерирующих пёстрый, безграничный и непостигаемый хаос, формирующий «обесцвечивание» человека как песчинки лавины толпы, его сосредоточенность/фокусировку на личных интересах, игнорирование социальных проблем, отвердевание души, разобщённость сообществ. Объективно и субъективно возник-

шее одиночество человека в потоке себе подобных, в котором никто никому не нужен и не интересен, приводит к суицидальным поступкам [3].

В качестве причин/оснований изменений подходов к современному градостроительству выступают вызовы, угрозы и ожидания горожан, что связано с их здоровьем, благосостоянием, работой, мобильностью и безопасностью. В связи с этим значимой является концепция «устойчивого города» (Sustainable City), требующая решения вопросов экологии, социальных коммуникаций и продолжения идеи гармоничного развития города.

Сегодня важна концепция развития зелёного, умного, здорового и конкурентоспособного города. Этим детерминируется экономический, социальный или экологический порядок формирования комплексного и долгосрочного подхода к планированию городов.

Большие города – это синергия сферы бизнеса и сферы культуры, креативные поля/пространства синтеза экономической и культурной жизни [8].

К городам с концентрацией творческой/креативной энергии можно отнести, например, Париж (1880-е годы – вершина развития импрессионизма), Вены (XIX–XX века – появление атональной музыки, психоанализа Зигмунда Фрейда), Манхэттен (1950-е годы – абстрактный экспрессионизм), Ланкашир (новый эволюционный виток развития текстильной индустрии), города Кремниевой долины (развитие IT), Лос-Анджелес (голливудский кинематограф).

Актуальным в связи с этим является творческое предпринимательство/продюсерство/арт-менеджмент, которые с «человеческой алхимией» [4] отражаются в проектах ряда таких «креативных столиц», как

Москва, Санкт-Петербург, Владивосток, Коломна, Красноярск, Пермь, Петрозаводск, Самара, Ульяновск. Эти города представляют собой генетические коды, задающие векторы развития креативных индустрий/малого бизнеса для создания экономически ценных символических продуктов.

Залогом процветания городов являются процессы привлечения и удержания талантливых специалистов, то есть креативной страты/креативного класса (Ричард Флорида), как привилегированных и доминирующих в ноосферном социуме людей, чьи «образы мира»/вкусы/предпочтения/склонности/знания способствовали трансформациям мегаполисов, генерации современной культуры территорий, культуры повседневности, мышления горожан и социума в целом.

Сущность города заключается не столько в его материальной структуре, сколько в социальной и культурной системе. Это детерминируется тем, что одной из главных функций города как драйвера развития экономики страны и конкретных сфер деятельности является механизм трансляции культурного наследия, образов/стилей/культуры жизни.

Город – это сегодня не столько земля, труд и капитал, сколько физическая единица культуры повседневности, совместной реальной жизни людей, символ их синергичных стремлений/действий/пониманий [7], проекция социальных представлений, в том числе зданий, языка и искусства.

Культура города – это синтез сообщений/смыслов/кодов/энергий в генерируемом и существующем маркетинговом коммуникативном информационном пространстве.

В контексте креативной экономики культура для городов – это бизнес, а эко-

номика сферы культуры и искусства, естественно, представляет собой значимый сектор экономики конкретной территории.

Экономика мегаполиса зависит от экономики символического обмена и производства (рестораны, музеи, креативные индустрии и т.д.).

Формы культуры встраиваются в производственную активность, а культура подвергается воздействию технологий коммодификации и коммерциализации.

Локациями креативной экономики в Москве являются, например, арт-кластеры, новые театры, рестораны, культурные события, яркие стартапы. В экс-промышленных зданиях располагаются дизайн-студии, архитектурные бюро, кафе, клубы, рекламные агентства, арт-центры – Artplay, центр современного искусства «Винзавод», Флакон, «Красная Роза» и т.д.

За рубежом в качестве ярких центров креативных индустрий назовём, например, в Нидерландах – город Эйнховен провинции Северный Брабант, в Германии функционирует 250 тысяч креативных компаний, в частности, в Мангейме как «Городе музыки» (согласно программе Unesco Creative Cities, декабрь, 2014), в Берлине – творческий инкубатор Berlin Creative District (аэропорт Темпельхоф), в Лейпциге – креативные индустрии в заброшенных промышленных комплексах.

Значимым моментом профессиональной проектной деятельности управленцев в условиях экономики восприятий является получение экспрессивного и материализованного результата – всплеска эмоций/впечатлений/энергии потребителя.

Это детерминирует использование менеджерами-дизайнерами/проектировщиками антропоцентричности как одной из концепций креативной экономики и фо-

кусировку на интеллект/креатив как пространства деятельности. В качестве основных средств производства выступают творческие способности. Эксплуатация навыков и талантов конкретного человека – актуальные составляющие экономической успешности и конкурентоспособности современных городов.

Ключевыми «фигурами» для ревитализации/модернизации городского пространства в свободной экономике выступают посредники, то есть менеджеры, целью которых является прибыль и рост капитализации таланта творца (художника, артиста, режиссёра и т.д.), а также создание художественной продукции. Важным объектом для этих «коммерсантов от искусства» является текст произведения (картина, фильм, скульптура и т.д.) и промоушн как технология маркетинга. Продукт сферы культуры и искусства с определённым смыслом как объект символической экономики вынужден подчиняться языку денег/капитала, что нельзя считать чем-то негативным, поскольку каждая работа, в том числе художника, должна быть оплачена.

В основе «символической экономики» [9] находится применение предпринимателями в качестве уникального капитала/актива страны многочисленных символов культуры. Символическая экономика оказывает существенное влияние на рынок труда, образы культуры, социальные и этнические различия.

Городская элита, имеющая гуманистические и рекламные цели, «продвигает» конкретные места/пространства/территории и получает прибыль, манипулируя символами привилегированности и исключительности, что приводит к подъёму и созданию парков, музеев, архитектурных знаков/элементов культуры современности.

Экономика символического обмена [2] – это экономика коммуникаций в сфере культуры и искусства как маркетинговом пространстве, которая существует на пересечении спектра составляющих когитосферы, например, экономической теории информации, теории организации, теории игр, психологии, антропологии, культурологии, философии, теории искусства, бихевиористской экономики, экономической психологии.

Лозунг жителей современной Москвы «Это НАШ город!» адекватен движению нового урбанизма (с начала 1980-х годов в США) Джейн Джекобс, суть которого в том, что именно города имеют возможность предоставить что-то каждому только потому и только тогда, когда они созданы каждым [1], то есть жителем. Канадско-американская писательница, феминистка, теоретик городского планирования делала акцент на развитии компактных городов и районов, а не «автомобильных» пригородов, а также предлагала следовать не абстрактному урбанизму, а принципам удобной повседневной жизни горожан. Не случайно значимой для горожан стала экономика совместного использования (Sharing Economy), предполагающая аренду жилья, райдшеринг (совместные поездки), каршеринг.

Особенно важным для жителей мегаполисов является доверие [6] как значимый

элемент ноосферного социума, детерминирующий успех и прогрессивное развитие человечества.

Один из важнейших инструментов города для взаимодействия с социальным капиталом – это создание пространств для совместных действий и контактов, например, современные пешеходные пространства улиц и парков, обновлённые библиотеки с образовательными циклами, семинарами, культурные центры, стимулирующие создание новых сообществ и работу с уже сформированными.

Генерация стильных, современных образов и культуры городов / мегаполисов – это грамотный и эффективный проектный менеджмент, целью которого как механизма реализации государственной политики, в том числе в сфере культуры и искусства, является быстро и без сверхзатрат, с учётом трендов урбанистики осуществить модернизацию и ревитализацию ландшафтов во благо горожан как ключевых объектов проектировщиков/дизайнеров.

Город – это информационное пространство, в котором в условиях экономики впечатлений генерируется и отражается вихрь эмоций/культур/смыслов/знаков/кодов, значимых для культуры повседневности как собственно города, так и горожан как значимых объектов политики конкретных территорий.

Список литературы

1. *Джекобс Дж.* Смерть и жизнь больших американских городов : перевод с английского. Москва : НЛО, 2011. 460 с.
2. *Долгин А. Б.* Экономика символического обмена. Москва : ИНФРА-М, 2006. 632 с.
3. *Дюркгейм Э.* Самоубийство : Социологический этюд : перевод с французского с сокращением / под редакцией В. А. Базарова. Москва : Мысль, 1994. 399, [1] с.
4. *Мак-Илрой Э.* Культура и бизнес : путеводитель по фандрейзингу / [перевод с английского О. Синицына]. Москва : Классика-XXI, 2005. 155, [1] с. : ил. (Культурные стратегии : Серия / Институт культурной политики).
5. *Сойя Э. У.* Постметрополис. Критические исследования городов и регионов // Логос. 2003. № 6 (40). С. 133–150.

6. Фукуяма Ф. Доверие : социальные добродетели и путь к процветанию / [перевод с английского Д. Павловой, В. Кирющенко, М. Колопотина]. Москва : АСТ : Ермак, 2004. 730, [3] с. (Philosophy).
7. Mumford L. (1938) *The culture of cities : The new role of cities a. reg. in mod. civilization*. New York: Harcourt, Brace a. co. 586 p.
8. Scott A. J. (2000) *The Cultural Economy of Cities: Essays on the Geography of Image-Producing Industries*. London: Sage Publication. 245 p.
9. Zukin Sh. L. (1996) *The Cultures of Cities*. Hoboken: Blackwell. 338 p.

References

1. Dzhokobs Dz. *Death and life of large American cities*. Moscow, New Literary Observer publishing house, 2011. 460 p. (In Russ.).
2. Dolgin A. B. *The economy of symbolic exchange*. Moscow, Publishing House "Infra-M", 2006. 632 p. (In Russ.).
3. Durkheim E. *Suicide: A Sociological Study*. Moscow, Mysl Publishers, 1994. 399 p. (In Russ.).
4. Mak-Ilroy E. *Culture and Business: A Guide to Fundraising*. Moscow, Publishing House "Classica 21", 2005. 155 p. (In Russ.).
5. Soiya E. U. Postmetropolis. Critical studies of cities and regions. *Logos*. 2003, no. 6 (40), pp. 133–150. (In Russ.).
6. Fukuyama F. *Trust: social virtues and the path to prosperity*. Moscow, Publishing House "AST", 2008. 730 p. (In Russ.).
7. Mumford L. (1938) *The culture of cities : The new role of cities a. reg. in mod. civilization*. New York: Harcourt, Brace a. co. 586 p.
8. Scott A. J. (2000) *The Cultural Economy of Cities: Essays on the Geography of Image-Producing Industries*. London: Sage Publication. 245 p.
9. Zukin Sh. L. (1996) *The Cultures of Cities*. Hoboken: Blackwell. 338 p.

*

К

УЛЬТУРА ПОТРЕБЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ ВПЕЧАТЛЕНИЙ

УДК 008:338.467.6

<https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-597-97-105>

И. А. Черников

Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушной академии имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина» Министерства обороны Российской Федерации, Воронеж, Российская Федерация, e-mail: tchernikowivan@yandex.ru

Аннотация: Рассматривается культура потребления как компонент экономики впечатлений, в основе которой лежит новый принцип потребления: культурный опыт превращается в новый товар и при этом наиболее важными становятся эмоционально-чувственные параметры культурных явлений и услуг. Отмечено, что из новых культурных впечатлений и переживаний вырастает новое состояние субъектности человека постиндустриальной эпохи, которое не является побочным продуктом экономики впечатлений, а выступает как генератор новых потребностей, мотивов, стремлений личности. Культура потребления представляет собой универсальную систему отношений, которые обусловлены технологическими особенностями производства и потребления, доминирующими в культуре символическими практиками, моделями деятельности и способами ответов на внешние воздействия. В культуре потребления репрезентируются статусные позиции индивидов и социальных групп, стратегии утверждения их субъектности и самовыражения. Постнеклассический анализ субъектности обнаруживает не только дифференциацию её проявлений (целеориентированность, рефлексия, свободное существование, саморазвитие), но и необходимость целостности и взаимодополнительности этих характеристик. При этом отмечено, что субъектная детерминация потребления приобретает отчётливые черты: преимущественный акцент на аффективно-эмоциональном аспекте в экономике впечатлений приводит к более выраженной субъектной обусловленности выбора товара или услуги для потребления.

Ключевые слова: экономика впечатлений, культура потребления, культурные практики, субъектность в культуре, модели и стили потребления.

Для цитирования: Черников И. А. Культура потребления в современной экономике впечатлений // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 5 (97). С. 97–105. <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-597-97-105>

ЧЕРНИКОВ ИВАН АЛЕКСАНДРОВИЧ – кандидат педагогических наук, старший преподаватель Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушной академии имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина» (г. Воронеж) Министерства обороны Российской Федерации

SHERNIKOV IVAN ALEKSANDROVICH – Ph.D. (Pedagogical Sciences), Senior Lecturer, the Russian Air Force Military Educational and Scientific Center of the Zhukovsky – Gagarin Air Force Academy of the Ministry of Defense of the Russian Federation

© Черников И. А., 2020

CONSUMER CULTURE IN THE MODERN EXPERIENCE ECONOMY

Ivan A. Chernikov

Russian Air Force Military Educational and Scientific Center of the Zhukovsky – Gagarin Air Force Academy, Voronezh, Russian Federation, e-mail: tchernikowivan@yandex.ru

Abstract: The article considers the culture of consumption as a component of the experience economy, which is based on a new principle of consumption: cultural experience becomes a new commodity, and at the same time the most important are the emotional and sensory parameters of cultural phenomena and services. It is noted that from new cultural impressions and experiences, a new state of human subjectivity of the post-industrial era grows, which is not a byproduct of the experience economy, but acts as a generator of new needs, motives, and aspirations of the individual. The culture of consumption is a universal system of relations that are determined by the technological features of production and consumption, the dominant symbolic practices in the culture, models of activity and ways of responding to external influences. In the culture of consumption, the status positions of individuals and social groups, strategies for asserting their subjectivity and self-expression are represented. Post-non-classical analysis of subjectivity reveals not only the differentiation of its manifestations (goal orientation, reflection, free existence, self-development), but also the need for integrity and complementarity of these characteristics. At the same time, it is noted that the subjective determination of consumption acquires distinct features: the predominant emphasis on the affective-emotional aspect in the experience economy, leads to a more pronounced subjective conditionality of the choice of goods or services for consumption.

Keywords: experience economy, culture of consumption, cultural practices, subjectivity in culture, models and styles of consumption.

For citation: Chernikov I. A. Consumer culture in the modern experience economy. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2020, no. 5 (97), pp. 97–105. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-597-97-105>

Изучение культурных и социальных модулов экономики впечатлений [14] позволяет констатировать, что эта модель сегодня становится заметным фактором культурной динамики. Предтечей философско-культурологической концепции экономики впечатлений можно назвать работы одного из наиболее известных авторов концепции постиндустриального общества Э. Тоффлера. Его идеи, высказанные и обоснованные в 1970–1980-х годах, послужили основой для разработки концепта «экономика впечатлений», суть которого заключается в признании возрастающей роли нематериального для экономического развития. Тоффлер, предсказывая в своих трудах новые конфигурации будущего, констатировал, что «выбор технологий решающим об-

разом формирует культурные стили будущего» [12], а также – соответствующую этим стилям культуру потребления.

Экономика впечатлений как концепция, обозначающая новое состояние социально-экономических отношений, возникла в 1990-х годах. В её основе лежит новый принцип потребления, в котором новым товаром, покупаемым и продаваемым, становится культурный опыт. Этот опыт касается прежде всего эмоционально-чувственных параметров культурных явлений и услуг [14, с. 67]. Из новых культурных впечатлений и переживаний вырастает новое состояние субъектности человека постиндустриальной эпохи, которое не является побочным продуктом экономики впечатлений, а выступает как генератор но-

вых потребностей, мотивов, стремлений личности.

Особенности и закономерности того, как впечатление производится и потребляется в современных условиях, с позиции социологии культуры раскрыты в работах Г. Шульца [17], а затем на основе бизнес-ориентированного подхода представлены Джозефом Б. Пайном и Джеймсом Х. Гилмором [10].

Рассмотрим некоторые наиболее важные параметры культуры потребления в новой, формирующейся сегодня экономической реальности.

Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что в экономике впечатлений стимулирование потребительского спроса и дифференциация стилей потребления выстраиваются на принципиально иной основе. Эти процессы определяются не только стремлением потребителя к продуктам и услугам всё более высокого качества. Важнейшим фактором, влияющим на структуру и объём потребления, сегодня становится потребность в получении уникальных, неповторимых впечатлений, сильных переживаний и нового опыта деятельности [10]. Этот новый спрос на яркие и запоминающиеся впечатления требует от фирм начать разработку особой маркетинговой стратегии, которая к продуктам и услугам, уже достигшим требуемого высокого качества, добавляет аффективно-чувственные компоненты. В самом начале XXI века Пайн и Гилмор [10] достаточно справедливо утверждали, что бизнесу необходимо изменить свою парадигму и поэтапно перейти от экономики, которая ориентирована только на высокое качество предложения, к экономике впечатления, которая формирует новый, незабываемый опыт потребления.

Несмотря на то, что процессы производства и экономического развития, в рамках которых традиционно рассматривался феномен потребления, хорошо изучены (К. Маркс, Г. Маркузе и другие), в современных научных исследованиях закономерно ставится вопрос о широкой трактовке феномена «потребление» и формировании комплексного понятия «культура потребления» (например: «понятие “культура потребления” относительно новое, находящееся в стадии институционализации» [9, с. 6]).

Изучение потребления долгое время осуществлялось преимущественно с позиций экономической теории. Этому есть объяснение: потребление является завершающей стадией производственного процесса. Причём потребление – это решающий фактор установления необходимого баланса между спросом и предложением, что определяет его регуляторную функцию.

Феномен потребления экономисты трактуют на основе различных подходов, например, при опоре на экономические модели «абсолютного дохода» (Дж. М. Кейнс); «жизненного цикла» (Ф. Модильяни), «постоянного (перманентного) дохода» (М. Фридмен), «межвременного потребительского выбора» (И. Фишер) и другие. Вместе с тем, как пишет Кристофер Д. Кэрролл, профессор экономики, научный сотрудник Университета Джона Хопкинса, «неоклассические (mainstream) экономисты обычно рассматривают потребление как конечную цель экономической деятельности, и поэтому уровень потребления на душу населения рассматривается как центральная мера производственного успеха экономики» [15].

Но поскольку, как справедливо утверждает видный американский социолог культуры П. Димаджио, «хозяйственные

процессы всегда имеют некую нередуцируемую “культурную” составляющую» [5], необходимо вести речь не только об экономическом измерении производственного процесса, включая его важнейший компонент – потребление. Важно акцентировать его культурную обусловленность, ибо многообразие и уровень развития технологий определяют и соответствующий им уровень потребления, включая его в сложную систему социальных действий (М. Вебер [4]) и социокультурных процессов. Это позволяет рассматривать потребление шире, чем просто фактор экономики, поскольку оно (потребление) – «не пассивное состояние поглощения и присвоения, которое противопоставляют активному состоянию производства» [1, с. 164], а весьма активный «модус отношения» (Ж. Бодрийяр), на котором «зиждется вся система нашей культуры» [1, с. 164–165].

Культура потребления, исходя из её широкого функционального предназначения и глубокой социальной обусловленности, становится инструментом реализации социальных стратегий и предпосылок социального действия, в целом необходима для формирования ощущения социокультурного и экономического благополучия [13].

Изучение культуры потребления современными отечественными исследователями также подтверждает необходимость социокультурной трактовки процесса потребления, который определяется как трансформация субъекта потребления «путём присвоения-усвоения объекта потребления различными способами применения и использования» [9, с. 14]. Такой подход позволяет рассматривать субъекта потребления как «целостную личность с определённым мировоззрением, системой ценностей и ориентациями, позволяет фиксировать изменение

сущностных сил человека, которые реализуются в деятельности» [9, с. 14].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что культура потребления представляет собой универсальную систему отношений, которые обусловлены технологическими особенностями производства и потребления, доминирующими в культуре символическими практиками, моделями деятельности и способами ответов на внешние воздействия. В культуре потребления репрезентируются статусные позиции индивидов и социальных групп, стратегии утверждения их субъектности и самовыражения.

И в этом смысле «культура потребления» является более широким понятием, чем, например, «культурное потребление» [7, с. 148], которое подразумевает процессы освоения человеком культуры, прежде всего включённость в культурные практики, имеющиеся культурные вкусы и предпочтения, а также непосредственный опыт культурного потребления, в том числе опосредованный информационными технологиями [8].

Понятие «культура потребления» генетически связано с понятием «общество потребления», которое с подачи Ж. Бодрийяра, выпустившего в 1970-м году одноимённую социально-философскую работу [2], стало обозначением современной эпохи.

В ней созидательная деятельность уступает главенствующее место потреблению, фиксируя новый этап отчуждения человека от его родовой сущности (Ж. Бодрийяр, Р. Инглхарт, Г. Маркузе, Э. Фромм и другие), замещение её вещами.

Тезис «человек есть мера всех вещей» (Протагор) в обществе потребления формулируется по-новому: «вещь становится мерой человека», она опосредует всю систему

социальных отношений, влияет на решение смысложизненных вопросов, а само существование определяется потреблением.

Анализируя потребление с точки зрения экономической теории, исследователи делают акцент преимущественно на поиске человеком (субъектом) эффективных способов удовлетворения возникающих потребностей в ситуации недостаточности и ограниченности ресурсов. Отметим, что такой подход традиционно атомизирует субъекта и подчёркивает его независимость от связей в обществе. То есть в рамках экономического подхода потребление рассматривается как процесс изолированных друг от друга индивидов, каждый из которых сконцентрирован лишь на собственных потребностях. Социальная изоляция индивидов друг от друга в масштабах целого общества, их индивидуализм – это некоторое теоретическое допущение, которое необходимо для «чисто экономического» понимания процесса потребления.

Этой установке экономической теории противостоит идея социального действия (М. Вебер [4]), разрушающего представление об изолированности потребителя и, наоборот, утверждающего его органичную встроенность в социальную систему и глубокую связь потребления как действия с действиями других людей. В этой модели методологически преодолен индивидуализм субъекта потребления – он видится как активный участник социальных процессов, включённый в сложную систему социальных и культурных отношений. И хотя данная модель в большой степени преодолевает редукцию субъекта к экономическим параметрам потребления, она во многом оставляет за скобками культурную обусловленность потребления и специфику субъективации его участников. Акцентируя эту методоло-

гическую позицию, Бодрийяр делает заключение о том, что при анализе потребления «потребности и функции описывают, в сущности, лишь некий абстрактный уровень, явный дискурс предметов, по отношению к которому фундаментальным является социальный дискурс, остающийся по большей части бессознательным» [3].

Культурная модель потребления, в которой учитываются социокультурные параметры, получающие своё выражение в социальной демонстрации и культурной репрезентации субъекта, сегодня достаточно широко изучается. В этом контексте культура потребления может быть рассмотрена как доминирующая программа потребительского поведения, выражающая смысложизненные ориентации человека и в целом его субъектность. И здесь мы подходим к главному вопросу философско-культурологического анализа экономики впечатлений – насколько она изменяет систему смысложизненных ориентаций человека и его субъектность в контексте новой культуры потребления?

«Быть субъектом» – значит воспроизводить себя, быть причиной своего существования, на философском языке – быть «причиной себя (*causa sui*)» [11, с. 10], а значит, воспроизводить себя, в том числе в процессе потребления. Авторы исследования «Проблемы субъектов в постнеклассической науке» (2007) выделяют четыре характеристики субъекта: «1) субъект – целеустремлённое (то есть целеполагающее и целедостигающее) существо: иначе ни о каком “воспроизводстве” речи нет и не может быть; 2) субъект – рефлекслирующее существо, обладатель образа себя; иное немислимо, так как самовоспроизводство подразумевает наличие образа того, что должно быть воспроизведено; 3) субъект есть

свободное существо (никто, кроме него самого, не отвечает за процесс, не направляет его и не заключает о том, что всё завершилось или должно быть продолжено); 4) субъект – развивающееся существо, ибо ему приходится действовать в изменчивой, непредсказуемой, среде, и по этой причине воспроизводству подлежат новые, обогатившиеся на предшествующем шаге активности условия и способы самовоспроизводства» [11, с. 10]. Постнеклассический анализ субъектности обнаруживает не только дифференциацию её проявлений (целеориентированность, рефлексия, свободное существование, саморазвитие), но и необходимость целостности и взаимодополнительности этих характеристик.

Несомненно, культура потребления, формируемая экономикой впечатлений, опыта, переживаний (Experience Economy), актуализирует субъектные качества потребителя. Особенно активно при этом задействованы качества целеустремлённости и рефлексии. Возможно, в дальнейшем эволюция экономики впечатлений даст импульс для развития потребностей в творческой самореализации, что переведёт культуру потребления в новое состояние, в котором уже будет превалировать стремление к ответственному самосовершенствованию личности, росту субъектности человека. Давая такой прогноз, мы опираемся на оценки отечественных исследователей, согласно которым «в XXI веке завершается многовековой этап преимущественно социоэкономического развития мира и происходит глобальная актуализация его субъектной структуры» [11, с. 86], а доминирующими становятся «онтологические процессы создания новых культурных образцов жизни, процессы субъектообразования и субъектной детерминации реальностей» [11, с. 86]. Одной

из сторон этой реальности является экономика впечатлений, в рамках которой субъектная детерминация потребления приобретает отчётливые черты: преимущественный акцент на аффективно-эмоциональном аспекте в культуре потребления приводит к более выраженной субъектной обусловленности выбора товара или услуги для потребления.

Отказ от излишнего материального потребления также характеризует новый стиль жизни, репрезентирующий ценности и идеалы экономики впечатлений. Вместе с ним складывается и новый строй субъектности, изменяется её роль в культуре, теперь это особый аспект современной культурной динамики.

Субъектность потребителя проявляется в его социальных и культурных предпочтениях, отражает его ментальные, личностные особенности. Человек делает выбор более индивидуализировано, более рефлексивно, осознанно рассчитывая на эмоционально чувственный результат потребления. Субъектная детерминация в культуре потребления ведёт к снижению смысла паттернов «практической целесообразности» и «функциональной эффективности» продуктов и услуг.

В некоторой степени субъектная детерминированность потребления в экономике впечатлений обуславливает широкое предложение рынком разнообразия аффективно-чувственных характеристик и параметров, казалось бы, традиционных продуктов и услуг. И, в свою очередь, индивидуализированный выбор и рефлексивность потребителя как субъекта обеспечивают достижение максимального эмоционального эффекта, впечатления.

Таким образом, анализ культуры потребления, анализируемой в широком фи-

лософско-культурологическом ракурсе, позволяет говорить о ней как о значимом маркере современной социокультурной ситуации. Формирующийся сегодня новый тип культуры потребления, обусловленный становлением экономики впечатлений, необходимо рассматривать как фактор трансформации основных черт российской ментальности, изменений в субъектной детерминации социальных отношений и культурных практик.

Ещё раз подчеркнём, что для понимания понятия «культура потребления» большое значение имеет концепция постиндустриального общества (Э. Тоффлер, Ж. Бодрийяр, Р. Инглхарт и другие), согласно которой основу для создания ценности даёт преимущественно эмоционально-чувственный опыт, а не сами товары или услуги, а они, в свою очередь, находят отражение в структуре потребностей, в ценностных ориентациях (Р. Инглхарт [7; 16]). Ценности, потребности и интересы человека в обществе потребления оказываются зависимыми от сдвигов в предмете потребления (от продукта к впечатлению) и от изменяющихся возможностей в деятельности реализации субъектных качеств современного человека.

Итак, необходимо констатировать, что сегодня задача познания и освоения сферы субъектных детерминант реальности определяется изменениями в системе культуры экономики впечатлений. Необходимо найти место новой культуре потребления в современной картине мира, и без этого вряд ли возможны разработка реальных проектов и получение прогнозируемых результатов социального и культурного развития страны. В связи с этим «актуализируются коммуникативная, репрезентативная, онтологическая и интегративная функции научного знания» [11, с. 86], призванного всесторонне осмыслить новые явления и процессы в современной культуре, в том числе связанные с формированием культурного поля экономики впечатлений и опыта. И соответствующая ей культура потребления – это действенный инструмент реализации социальных стратегий и предпосылок социального действия, в условиях современного состояния экономики и формирования нового культурного контекста экономики впечатлений, который, преодолевая доминирование социальной детерминированности потребления, открывает путь к формированию субъектно-ориентированных моделей культурного поведения, культурных практик.

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. Система вещей : [перевод с французского]. Москва : Рудомино, 1995. 168, [4] с.
2. Бодрийяр Ж. Общество потребления : его мифы и структуры / перевод с французского, послесловие и примечания Е. А. Самарской. Москва : Республика : Культурная революция, 2006. 268 с.
3. Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака [Электронный ресурс] (Jean Baudrillard. Pour une critique de l'économie politique du signe, 1972) / перевод на русский язык под редакцией Василия Кузнецова. Москва, 2007 // Центр гуманитарных технологий : [сайт]. 21.01.2013. URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/5878>
4. Вебер М. Работы М. Вебера по социологии, религии и культуре : [перевод] / АН СССР, ИНИОН. Москва : ИНИОН, 1991. Выпуск 1. 101 с. ; Выпуск 2. 301 с.
5. Димаджио, Пол [Электронный ресурс] // Википедия : [сайт]. [2020]. URL: <https://ru.wikipedia.org/?curid=8103654&oldid=109717170>
6. Инглхарт Р. Постмодерн : меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. Политические исследования. 1997. № 4. С. 6–32.

7. Корсунова В. И. Культурное потребление в социологических исследованиях : обзор подходов к измерению понятия // Экономическая социология. 2019. Том 20. № 1. С. 148–173.
8. Мареева Е. В. Личность в «тисках» информационных технологий // Философские науки. 2017. № 4. С. 89–97.
9. Нархова Е. Н. Культура потребления современных российских студентов : специальность 22.00.0 «Социология культуры» : автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата социологических наук / Нархарова Елена Николаевна ; Уральский государственный технический университет. Екатеринбург, 2006. 23 с.
10. Пайн Д. Б., Гилмор Х. Д. Экономика впечатлений : работа – это театр, а каждый бизнес – сцена / [перевод с английского и редактирование Н. А. Ливинской]. Москва [и др.] : Вильямс, 2005. 299 с. : ил., табл.
11. Проблемы субъектов в постнеклассической науке / [Анисимов О. С. и др. ; под редакцией В. И. Аршинова и В. Е. Лепского] ; Российская академия наук, Институт философии. Препринт. Москва : Когито-Центр, 2007. 173, [1] с. : ил., табл.
12. Тoffler Э. Шок будущего / перевод с английского Е. Руднева и др. Москва : АСТ, 2001. 557 с.
13. Хащенко В. А. Психология экономического благополучия / Российская академия наук, Институт психологии. Москва : Институт психологии РАН, 2012. 424 с.
14. Черников И. А. Экономика впечатлений в динамике современной культуры // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 4 (96). С. 59–68. DOI: 10.24412/1997-0803-2020-10406
15. Carroll C. D. Consumption. *Encyclopædia Britannica*. Available at: <https://www.britannica.com/topic/consumption>
16. Inglehart R. (2000) Globalization and postmodern values. *Washington Quarterly*, vol. 23, no. 1, pp. 215–228.
17. Schulze G. (1992) *Die Erlebnisgesellschaft : Kultursoziologie der Gegenwart*. 2. Aufl. Frankfurt ; New York : Campus. 765 s.

References

1. Baudrillard J. *System of things*. Moscow, RUDOMUNO Publishing House, 1995. 168 p. (In Russ.).
2. Baudrillard J. *The consumer society: its myths and structures*. Moscow, Publishing House “Republik”, Publishing House “Kulturnaya revolyutsiya”, 2006. 268 p. (In Russ.).
3. Baudrillard J. To the criticism of the political economy of the sign. Available at: <https://gtmarket.ru/library/basis/5878> (In Russ.).
4. Weber M. *Works of M. Weber on sociology, religion and culture*. Moscow, Publishing House of the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, 1991. Issue 1, 2. (In Russ.).
5. *Dimadzhio, Pol*. Available at: <https://ru.wikipedia.org/?curid=8103654&oldid=109717170> (In Russ.).
6. Inglehart R. Postmodern: changing values and changing societies. “*Polis. Political Studies*” Journal. 1997, no. 4, pp. 6–32. (In Russ.).
7. Korsynova V. I. Cultural consumption in sociological research: a review of measurement approaches. *Economic Sociology*. 2019, vol. 20, no. 1, pp. 148–173. (In Russ.).
8. Mareeva E. Personality in the “grips” of information technology. *Russian Journal of Philosophical Sciences*. 2017, no. 4, pp. 89–97. (In Russ.).
9. Narkharova E. N. *The culture of consumption of modern Russian students*. *Synopsis cand. sociolog. sci. diss.* Ekaterinburg, 2006. 23 p. (In Russ.).
10. Pine II B. Joseph, Gilmore H. D. *The experience economy: work is a theater, every business is a stage*. Moscow, et al., Williams Publishing, 2005. 299 p. (In Russ.).
11. Anisimov O. S., et al. *Problems of subjects in post-non-classical science*. Moscow, Publishing House “Cogito Centre”, 173 p. (In Russ.).
12. Toffler E. *Shock of the future*. Moscow, Ast Press Publishing House, 2001. 557 p. (In Russ.).

13. Khashchenko V. A. *The psychology of economic well-being*. Moscow. Published by Institute of Psychology RAS, 2012. 424 p. (In Russ.).
14. Chernikov I. A. Economy of experience in the dynamics of modern culture. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv = Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts*. 2020, no. 4 (96), pp. 59–68. DOI: 10.24412/1997-0803-2020-10406 (In Russ.).
15. Carroll C. D. Consumption. *Encyclopædia Britannica*. Available at: <https://www.britannica.com/topic/consumption>
16. Inglehart R. (2000) Globalization and postmodern values. *Washington Quarterly*, vol. 23, no. 1, pp. 215–228.
17. Schulze G. (1992) *Die Erlebnisgesellschaft : Kultursoziologie der Gegenwart*. 2 aufl. Frankfurt ; New York : Campus. 765 s.

*

А АРТ-ИНСТИТУЦИИ НОВОСИБИРСКА КАК РЕСУРСНАЯ БАЗА КУЛЬТУРНОГО ТУРИЗМА

УДК 338.467.6

<https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-597-106-120>

Н. С. Мурашова

Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Российская Федерация,
e-mail: 2107542@mail.ru

Аннотация: В статье исследуются возможности арт-институций в развитии культурного туризма. Термин «арт-институция» трактуется в значении формально организованных локаций, в пространстве которых функционирует искусство: это может быть стационарное учреждение, временно созданная площадка в реальной среде, виртуальная платформа. Система становления и функционирования арт-институций Новосибирска представлена в контексте культурной динамики изучаемой дестинации в диахронном и синхронном срезе. Проанализировано современное состояние ресурсной базы новосибирских театров, концертных организаций, кинотеатров, музеев, галерей, выставочных залов, цирка, национально-культурных центров, многофункциональных арт-кластеров. Определена их роль в формировании социокультурного пространства города и событийных коммуникаций в сфере художественной культуры. Представлен краткий обзор фестивалей, выставок и других художественных акций. Исследование деятельности арт-институций позволило выдвинуть ряд предложений, нацеленных на повышение эффективности их использования в сфере культурного туризма. Следует: 1) расширять ассортимент предлагаемых услуг и продуктов за счёт новых форматов, содержательного разнообразия, инновационных способов функционирования; 2) развивать инфраструктуру, в том числе уделять внимание формированию комфортной рекреационной среды для маломобильных групп населения; 3) использовать региональную специфику в предлагаемых акциях событийного туризма; 4) разрабатывать творческие продукты и услуги для целевых аудиторий, что предполагает изучение потребностей и спроса различных категорий граждан; 5) эффективнее применять интернет-коммуникации для продвижения своих предложений, рекламирования планируемых событий, поиска партнёров. К одному из перспективных направлений относится формат виртуального путешествия. В связи с этим нужно создавать ресурсную базу «цифрового» культурного туризма. Наконец, активизации деятельности арт-институций в отношении позиционирования своих продуктов в сфере социально-культурного сервиса и туризма будет способствовать кластерный подход, заключающийся в налаживании партнёрских отношений с учреждениями туриндустрии.

Ключевые слова: арт-институция, Новосибирск, культурный туризм, культурное событие, театр, концертная организация, кинотеатр, учреждения музейного типа, арт-кластер, фестиваль, выставка.

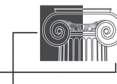
Для цитирования: Мурашова Н. С. Арт-институции Новосибирска как ресурсная база культурного туризма // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 5 (97). С. 106–120. <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-597-106-120>

МУРАШОВА НАТАЛЬЯ СЕРГЕЕВНА – кандидат искусствоведения, доцент, заведующая кафедрой социально-культурной и библиотечной деятельности Новосибирского государственного педагогического университета

MURASHOVA NATALIA SERGEEVNA – PhD in Arts, Associate Professor, Head of the Department of Social-Cultural and Library Activity, the Novosibirsk State Pedagogical University

© Мурашова Н. С., 2020

ART INSTITUTIONS IN NOVOSIBIRSK AS A RESOURCE BASE FOR CULTURAL TOURISM

Natalia S. Murashova

Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation, e-mail: 2107542@mail.ru

Abstract: The article describes the possibilities of using art institutions for cultural tourism development. The term «art institution» is understood as a formally organized locations, where the art performs, for example a permanent institution, a venue temporary organized in real environment, or a virtual platform. The development and functioning system of Novosibirsk art institutions is described in the context of the cultural dynamics of researched destination in diachronic and synchronic sections. A current resource base of theatres, concert halls, cinemas, museums, galleries, exhibition halls, circus, national and cultural centres, and multifunctional art clusters is analysed as well as their role in formation of social and cultural space of the city and event communications in art culture sphere is defined. Festivals, exhibitions and other art events are shortly reviewed. The research of art institutions' activities allows to make several suggestions to improve their efficiency in cultural tourism. First, the range of services and products should be expanded by new forms, thematic diversity and innovative methods of functioning. Second, the infrastructure including a comfortable recreational environment for people with low mobility should be developed. Third, the regional specifications should be used in prospective events. Fourth, the art products and services should be developed for target groups including demand and requirements analysis of different groups of people. Fifth, more efficient internet communications for promotion of the own proposals, advertising the future events and looking for potential partners should be ensured. One of the promising formats is virtual trip. In this regard the resource base for „digital“ cultural tourism should be created. Finally, cluster approach including partnership with tourism institutions increases activities of the art institutions regarding the positioning of their products in social and cultural tourism.

Keywords: art institution, Novosibirsk, cultural tourism, cultural event, theater, concert organization, cinema, museum-type institutions, art cluster, festival, exhibition.

For citation: Murashova N. S. Art institutions in Novosibirsk as a resource base for cultural tourism. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2020, no. 5 (97), pp. 106–120. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-597-106-120>

Культурный туризм обладает разнообразными ресурсами, важнейшими из которых являются арт-институции. Они играют заметную роль в формировании социокультурного пространства, интегрируя уже сложившиеся художественные традиции и распространяя новые событийные коммуникации в сфере художественной культуры.

Не существует единой терминологической трактовки дефиниции «арт-институция». Можно лишь констатировать, что она вошла в лексику недавно и активнее всего употребляется в отношении форм организации и бытования современного искусства, чаще всего – визуального. Мы исполь-

зуем данный термин в более широком смысловом диапазоне – в значении формально организованных локаций, в пространстве которых функционирует искусство. Это может быть стационарное учреждение, временно созданная площадка в реальной среде либо виртуальная платформа. В зависимости от возможностей арт-пространств продукты художественной культуры по-разному представлены, а значит, и осмыслены, они получают различные каналы продвижения, выполняя особую миссию в распространении культурно значимой информации, привлечении внимания к тому или иному событию, создании культурного

бренда, развитии имиджа территории, активизации событийного туризма.

В туриндустрии потенциал арт-институций как особой креативной среды обусловлен в первую очередь тем, что во многом именно они отражают региональное своеобразие как уже сложившихся, так и находящихся в стадии формирования культурных особенностей, определяемых совокупностью условий и факторов конкретной дестинации: природных, исторических, социально-экономических, художественных.

Арт-институции опираются на свои традиционные ресурсы, а также организуют специальные события, которые могут заинтересовать членов арт-сообщества (художников, исследователей-искусствоведов, критиков, экспертов, арт-менеджеров) и «непрофессиональных» посетителей. Как справедливо замечают И. Л. Гольдман и А. А. Козин, «осознание особой миссии специальных событий в культурных институциях важно для эффективного позиционирования, поддержания конкурентоспособности, положительной репутации, узнаваемости, лояльности, доверия» [4, с. 122]. Все эти возможности специальных событий, безусловно, следует использовать в культурном туризме, привлекая с их помощью внимание к отдельным дестинациям, а также развивая «имманентный туризм» (термин О. Ю. Голомидовой [3, с. 7]), то есть путешествия местных жителей по своему городу. Ведь культурное разнообразие регионов определяет интерес туристов, ожидающих в первую очередь от далёких и близких перемещений новых ярких впечатлений. И такие впечатления обеспечивают событийные мероприятия, проводимые арт-институциями, формирующие культурные бренды регионов.

В Новосибирске история арт-институций связана с основными этапами становления динамично развивающегося города, возраст которого – всего 127 лет. На рубеже XIX–XX веков в Новониколаевске (название Новосибирска до 1926 года) были построены архитектурные сооружения, впоследствии получившие статус культурных достопримечательностей, создающих пространство городского ландшафта: Храм во имя Святого Александра Невского, Городской торговый корпус (будущий краеведческий музей), Дом инвалидов (будущий Дом офицеров), памятники деревянного зодчества, включающие Церковь Покрова Пресвятой Богородицы и жилые постройки, каменные купеческие особняки и здания школ.

С 1899 года стали устраиваться представления цирковых балаганов, в начале века были построены многочисленные временные здания цирков. В 1905 году в городском саду «Альгамбра» появился Летний театр, на сцене которого Новониколаевское Товарищество драматических артистов осуществляло свои первые постановки.

В 1920-е годы появились арт-институции нового типа: музеи, клубы, кинотеатры. В 1920 году был открыт Центральный народный музей Новониколаевска, впоследствии преобразованный в Новосибирский краеведческий музей, в его экспозиции искусство не было представлено, однако важен сам факт организации первого выставочного пространства в городе. Самым старым клубом Новосибирска считается Клуб Транспортников, много позже он был модернизирован в Дворец культуры железнодорожников. Тогда же, в 1920-е годы, появляется Клуб Совторгслужащих, в 1934 году переименованный в Клуб имени Сталина (ныне это Дом культуры имени Октябрь-

ской революции). В 1924 году был построен кинотеатр «Первое Совкино», в 1960-е годы на его месте возвели здание кинотеатра имени В. В. Маяковского. В 1926 году был открыт кинотеатр «Пролеткино» (будущий киноцентр «Победа»). Также отметим, что с 1925 года начинается история Центрального парка, ставшего со временем популярной локацией для реализации арт-проектов.

С 1930-х годов разворачивают деятельность новосибирские театры. В 1930 году основывается ТЮЗ, положивший начало молодёжному театру «Глобус»; в 1932 году – драматический театр «Красный факел»; в 1933 году – студия кукольников при ТЮЗе, получившая уже в следующем году статус Новосибирского театра кукол. В 1931 году в городе появляется государственное объединение музыки, эстрады и цирка (ГОМЭЦ). Ещё одна новая арт-институция – филармония – открывается в Новосибирске в 1937 году.

Мощный толчок в развитии художественной жизни города произошёл в годы войны, когда в Новосибирск были эвакуированы коллективы ленинградской филармонии (симфонический оркестр под управлением Е. А. Мравинского, квартет имени А. К. Глазунова), Театр кукол С. В. Образцова, Ленинградский театр драмы имени А. С. Пушкина, Ленинградский ТЮЗ, Белорусский государственный еврейский театр.

В Новосибирск были вывезены на хранение фонды около 20 государственных музеев, в том числе Третьяковской галереи, Музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, Музея восточных культур, Музея музыкальной культуры, Этнографического музея, музеев дворцов Пушкина и Павловска, музеев Новгорода, Калинина, Смоленска, Горького, Севастополя, Харькова.

Работники эвакуированных учреждений осуществляли научную, лекционную и выставочную деятельность. За три года пребывания в Новосибирске сотрудники Третьяковской галереи провели 20 выставок, которые посетило более 500 тысяч человек, прочитали около 1 500 лекций. Музыканты Ленинградской филармонии дали 5 220 концертов; БелГОСЕТ – 300 спектаклей и 500 концертов [6].

Переезд в Сибирь крупных специалистов способствовал появлению в военные годы и открытию уже в послевоенный период ряда культурных и связанных с их деятельностью образовательных учреждений. Так, в 1942 году возникает Сибирское отделение Союза композиторов. К окончанию войны был достроен Новосибирский театр оперы и балета. В 1956 году начали свою деятельность консерватория и хореографическое училище. В 1958 году открылась картинная галерея (в 2004 году её переименовали в Новосибирский государственный художественный музей).

В настоящее время арт-институции Новосибирска представлены театрами, концертными организациями и залами, кинотеатрами, учреждениями музейного типа, цирком, национально-культурными центрами, арт-кластерами (многофункциональными культурными центрами). Кратко охарактеризуем их ресурсные возможности.

В Новосибирске функционирует около 30 профессиональных *театров*: музыкальных, драматических, кукольных; для взрослой, молодёжной и детской аудиторий. Это государственные учреждения (ФГБУК «Новосибирский государственный академический театр оперы и балета» (НОВАТ), ГАУК НСО «Новосибирский музыкальный театр», ГАУК НСО «Новосибирский государственный академический драматиче-

ский театр “Красный факел”, ГАУК НСО «Новосибирский академический молодёжный театр “Глобус”, ГАУК НСО Новосибирский драматический театр “Старый дом”, ГАУК НСО «Новосибирский областной театр кукол», ГАУ НСО «Молодёжный драматический театр “Первый театр”, ГБУК НСО «Молодёжный драматический театр “На окраине”, МБУК «Новосибирский городской драматический театр под руководством Сергея Афанасьева», МБУК «Драматический театр “На левом берегу”) и негосударственные театральные объединения, в том числе антрепризы (Новосибирский классический театр, Театр 54, Камерный театр «13 трамвай», «Заводной Апельсин», Театральный клуб «Пуля» – учебный театр Новосибирского театрального института, Мастерская Крикливого и Панькова, «Артистическое созвездие», Творческое объединение «Дом актёра» Союза театральных деятелей РФ, «Понедельник выходной», Новосибирский художественный театр «Среда», Актёрский цех 1961, Сибирский театр сатиры, Театральная компания «Гамма», Театральная компания Академгородка, Новосибирский музыкальный театр «ОРФЕУМ», Новосибирский городской камерный театр «Куклы смеются», театр кукол КДЦ имени К. С. Станиславского, Театр теней «Пионовый фонарь»). Важно подчеркнуть, что театры сосредоточены не только в центре, но и в других районах города, что значимо для развития культурного туризма, в том числе имманентного.

Следующий тип арт-институций – *концертные организации и концертные залы*. Главным учреждением такого рода является ГАУК НСО «Новосибирская филармония», деятельность которой связана с созданием и показом концертных и театрально-зрелищных программ, проведением фестивалей и

конкурсов профессионального искусства, мастер-классов, выставок, праздничных мероприятий. У филармонии два собственных концертных зала в центре города: *Государственный концертный зал имени А. М. Каца* с тремя локациями (основной зал, рассчитанный на 965 зрителей, круглая сцена для камерных концертов, музыкально-литературных вечеров и театральные постановки, рассчитанная на 200 зрителей, концертный холл на 300 мест) и *Камерный зал филармонии*, расположенный в историческом здании Дома Ленина 1925 года постройки, вместимостью 420 мест, точно так же имеющий три локации (основной зал, музыкальная галерея, музыкальная гостиная). Кроме того, концертные площадки для филармонических коллективов предоставляют учреждения культуры, расположенные в разных районах города: *Концертный зал Дома учёных СО РАН, Дворец культуры имени Горького, Дворец культуры «Сибтекстильмаш»*, другие. В составе филармонии около 20 исполнительских коллективов, представляющих разнообразные музыкальные направления: большой симфонический, камерный, русский академический, концертный духовой, эстрадный оркестры; инструментальные ансамбли (струнный квартет, фортепианный дуэт, ансамбль медных духовых инструментов, ансамбль ранней музыки, биг-бэнд, диксиленд); вокально-хоровые коллективы (хоровая капелла, вокальные ансамбли, фольклорный ансамбль) и другие. Их концертная деятельность организована на основе абонементных и внеабонементных программ. Кроме того, на сценах филармонии выступают артисты-гастролёры.

Активно функционирует ГАУК НСО «Сибирь-концерт» (*Концертно-театральный центр «Евразия»*) на 630 мест – базовая площадка Государственного академическо-

го Сибирского русского народного хора, место проведения фестивалей, праздничных событий.

Концертные залы имеют профильные образовательные учреждения. *Большой зал Новосибирской государственной консерватории имени М. И. Глинки* (470 мест) рассчитан на оркестровые, хоровые, камерные, органные концерты. *Концертный зал «Сибирский» музыкального колледжа имени А. Ф. Муро́ва* проводит концерты академической и джазовой музыки, конкурсы, фестивали, мастер-классы. *Концертно-банкетный зал Новосибирского областного колледжа культуры и искусств* является площадкой для концертных и праздничных программ, фестивалей и конкурсов различной направленности.

Для концертов гастролирующих коллективов, антрепризных спектаклей и других арт-проектов используются *Концертный комплекс имени Владимира Маяковского*, имеющий два зала (большой с экраном на 1 064 места и малый зал-трансформер на 600 мест) и *концертные залы Дворца культуры железнодорожников*. Кроме того, под арт-события различных форматов находят применение пространства *13 учреждений культурно-досугового типа* и *9 парков культуры и отдыха*.

В Новосибирске функционирует более 20 *кинотеатров*, среди которых есть уникальные арт-пространства. В первую очередь в этой связи нужно упомянуть *Центр культуры и отдыха «Победа»*, расположенный в историческом здании 1925 года постройки. В нём имеются 7 кинозалов, конференц-зал, «Белая галерея» для проведения художественных выставок, кофейня, рестораны, клуб и летняя концертная зона. В «Победе» реализуется множество интересных проектов: фестивали европейско-

го, азиатского, латиноамериканского кино с участием кинематографистов из фестивальных стран; программа #АртЛекторий-Вкино, в рамках которой демонстрируются документальные фильмы о различных направлениях в искусстве, художниках, уникальных выставках; программы Theatre HD, «Золотая маска» в кино, транслирующие показы спектаклей; лекторий «Кино+», позволяющий встречаться с российскими и международными медиаперсонами, которые проводят встречи в форматах образовательных бесед, лекций и мастер-классов; концерты разножанровых исполнителей, диджей-сеты, литературные встречи.

Кинозал «Синема», на базе которого в настоящее время создаётся *ГБУК НСО «Центр креативных индустрий»*, представляет собой камерное пространство, рассчитанное на 80 зрителей. Имея в своём фонде более 3 000 лент, он предлагает клубные показы, просмотры авторских, артхаусных фильмов, ретроспеансы, организует недели национальных кинематографий, творческие встречи с актёрами, режиссёрами и другими деятелями искусств.

В Новосибирске действуют *автокинотеатры* под открытым небом: в Заельцовском парке и Skyline Cinema (3 площадки).

В культурном ландшафте города большое место занимают *музеи, галереи, выставочные залы* (более 50), в числе которых есть государственные, имеющие постоянное финансирование, и негосударственные, зависящие от частных инвестиций. Среди разнообразных учреждений музейного типа выделим те, которые относятся к арт-институциям. Заметим, что они посвящены изобразительным видам искусства, декоративно-прикладному творчеству, архитектуре, музыке, кино, литературе и книжному наследию, представляя тем самым видовое

многообразии художественной культуры и её стилевое богатство.

ГАУ НСО Новосибирский государственный художественный музей располагается в историческом здании 1926 года постройки, являющемся архитектурной достопримечательностью федерального значения. «В его фондах хранится более 12 тысяч произведений русской и западноевропейской живописи, графики, скульптуры, декоративно-прикладного искусства XVI–XXI веков» [13]. В музее проводится около 80 выставок в год, организованы детские и взрослые абонементы, здесь проходят лекции, слайд-программы, встречи с художниками и мастер-классы в рамках тематического цикла «Художник и картина: диалоги об искусстве», камерные музыкальные вечера в Екатерининском зале, занятия в изостудии для детей и взрослых.

Галерея ЦК19 (Центр культуры, открытый в 2019 году на базе Городского центра изобразительного искусства) является учреждением, подведомственным мэрии. Эта арт-институция «предлагает увидеть искусство как часть общественных отношений и мыслить выставку местом встречи, где могут рождаться новые идеи ... в партнёрстве с российскими и зарубежными организациями “заземлять” искусство в локальном контексте» [16]. Галерея специализируется на современном искусстве и ищет разнообразные способы коммуникации в рамках актуальных арт-направлений и инновационных форм позиционирования креативных технологий. В режиме офлайн и онлайн организуются выставки, концерты, просветительские лекции, ридинг-группы, экскурсии, исследовательские проекты, аудиосессии (эхолокация) – коллективное прослушивание и обсуждение произведений, фестивали. В 2020 году ЦК19 запустил проект

создания архива документов «о событиях на сцене современного искусства Новосибирска с конца 80-х годов XX века до наших дней» [16].

МБУК «Сибирская мемориальная картинная галерея “Великая Отечественная война 1941–1945 годов”» – это пять залов в знаменитом стоквартирном доме (памятнике истории и культуры федерального значения, обладателе гран-при Международной выставки искусств и техники в Париже в 1937 году). В них представлены работы народного художника России В. К. Чебанова, включая картину-диораму «150-я, 22-я Сибирская Добровольческая Гвардейская стрелковая дивизия». В галерее проходят тематические экскурсии, лекции о художниках, «круглые столы», мастер-классы, семейные выходные, встречи с реконструкторами военно-исторических клубов, патриотические квесты, кинопоказы, работает изостудия для детей и взрослых [8].

В Новосибирске довольно много частных галерей, совмещающих выставочную и салонную сферы деятельности. Художественная галерея 1 предоставляет площадки для демонстрации и приобретения произведений графики, живописи, скульптуры, керамических работ, авторских кукол современных сибирских мастеров. Недавно открытая галерея Андрея Кузнецова «Пост» предназначена для экспонирования произведений новосибирских художников. Арт-галерея интерьерной живописи «Живой источник» демонстрирует картины российских и зарубежных авторов, выполненных в технике масляной живописи. Арт-галерея ЧЕ занимается организацией показов произведений искусства и продажей антиквариата. Галерея «Частная коллекция» экспонирует гравюры, живописные и скульптурные работы, фарфор, авторские игрушки

ки, багетную продукцию. В её помещении проводятся вернисажи, творческие встречи, семинары, тренинги.

Выставочный зал ГАУК НСО «Новосибирский государственный областной Дом народного творчества» организует выставки изобразительного и декоративно-прикладного искусства мастеров Новосибирской области.

Новосибирская региональная общественная организация по реализации просветительских проектов в области искусства «Арт-центр “Красный”» знакомит с современными направлениями сибирского изобразительного искусства через организацию персональных, тематических и сборных выставок, как стационарных, так и передвижных, экскурсий, творческих встреч, мастер-классов и семинаров известных художников, лекций по изобразительному искусству, литературно-музыкальных вечеров, конкурсов.

Творческое пространство «Сарай искусств» в Парке культуры и отдыха «Центральный» с 2020 года функционирует как галерея уличного искусства «100 квадратов», в которой представлено творчество художников-граффитистов. По задумке организаторов, каждый желающий может прийти со своими красками и попрактиковаться в рисовании. Работы сохраняются от одного дня до месяца в формате холофейма. Здесь же планируется устраивать мастер-классы и воркшопы по граффити. У «Сарая» есть задатки стать арт-резиденцией стрит-арт художников [15].

Общественный музей Н. К. Рериха, посвящённый творческому наследию семьи Рерихов, занимается культурно-просветительской деятельностью, формами которой в том числе выступают художественные выставки, концерты, литературно-музыкаль-

ные слайд-программы, музыкальный лекторий, демонстрация фильмов. Основу экспозиции составляют собрания трудов семьи Рерихов и их последователей, картины и репродукции картин Николая и Святослава Рерихов, работы современных непальских художников, выполненные в разных техниках и стилях живописи танка, а также передвижные выставки художников со всего мира.

Музей мировой погребальной культуры – единственный в России, посвящённый погребальным традициям. Среди экспонатов имеются арт-объекты: около 10 000 гравюр, картин, скульптур и изделий декоративно-прикладного искусства российских и зарубежных авторов на темы философии умирания и смерти.

Новосибирский музей игрушки посвящён народным промыслам России. Главные экспонаты – традиционные русские игрушки, включая собранную со всех уголков России коллекцию матрёшек. Музей проводит мастер-классы по различным направлениям художественных промыслов, в том числе по изготовлению игрушек, стационарные и выездные тематические экскурсии, этно-программы, интерактивные распродажи сувенирных изделий.

Музей «Сибирская береста» – уникальное арт-пространство, в котором собраны изделия из природных материалов, главным образом из бересты: скульптуры сказочных персонажей и исторических личностей, фигурки животных, украшения, шкатулки, посуда, христианские символы и иконы, настенные панно и картины. Его филиалом является «Сибирский дом сказок», который находится в деревянном здании 1917 года постройки. Работа с посетителями строится в форме интерактивного шоу, происходящего в сказочной комнате, стилизованной

под русскую избу, украшенную берестяными изделиями.

Новосибирский государственный краеведческий музей напрямую не относится к арт-институциям, однако в постоянных и временных выставках, проектах и событиях искусству уделяется значительное внимание. Художественное пространство учреждения включает «коллекции живописи, графики, скульптуры, православной медно-литой пластики, предметов ламаистско-буддийского пантеона, а также плакаты и афиши» [12]. К арт-объектам относятся и вещи из краеведческих коллекций: стеклянные, фарфоровые и фаянсовые изделия, музыкальные инструменты, церковные облачения, народные костюмы, предметы народных промыслов. Среди реализуемых проектов многие имеют отношение к искусству: это фотовыставки, экспонирование графических работ художников, связанных с Новосибирском, выставки молодых дизайнеров. Кроме того, на постоянной основе проводятся выездные лекции по городу, в числе которых «Памятники архитектуры Новосибирска», «Древнее искусство Западной Сибири». Само пространство, где размещено главное здание (исторический отдел), является памятником архитектуры федерального значения (Городской торговый корпус 1910 года постройки).

Музей истории архитектуры Сибири имени С. Н. Баландина, созданный усилиями ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств», посвящён сибирской архитектуре, творческому наследию сибирских градостроителей, а также архитектурному образованию в Сибири. В экспозиции представлены графические работы, фотографии, мемориальные предметы, архитектурная периодика, скульптура, витражи, фрагмен-

ты архитектурных конструкций и объёмные макеты. Музей состоит из пяти залов (студенческих проектов, сибирской архитектуры, преподавателей архитекторов и художников, А. Д. Крячкова, С. Н. Баландина) и галереи деревянных наличников [9].

Историко-архитектурный музей под открытым небом ФГБУН «Институт археологии и этнографии СО РАН» включает рекреационные зоны, археологические, этнографические экспозиции и комплекс архитектурных памятников, вывезенных сотрудниками Института из экспедиций по Сибири: Спасскую церковь 1700 года из Зашиверского острога, Казымский острог, русское крестьянское подворье и другие.

Музей имени Арнольда Каца, знаменитого дирижёра, народного артиста СССР, расположен в филармоническом Концертном зале. Его посещение обычно совмещают с посещением концертов. В экспозиции демонстрируются личные вещи основателя симфонического оркестра, архивные фото- и видеоматериалы, связанные с легендарным музыкантом.

Музейная лаборатория Новосибирской государственной консерватории имени М. И. Глинки представляет собой выставочную площадку, посвящённую истории музыкального вуза и направлениям его деятельности. В двух залах лаборатории можно увидеть национальные музыкальные инструменты народов России, в том числе коренных сибирских этносов, народов Китая, Японии, Кореи, Вьетнама, Таджикистана и материалы, раскрывающие жизнь факультетов учебного заведения. Коллекция включает афиши концертов, нотные издания, фотографии, архивные документы о музыкантах Новосибирска.

РОУ «Музей сибирского баяна и гармонии имени И. И. Маланина» проводит тематиче-

ские вечера и концерты гармонистов, уроки-экскурсии, просмотры видеофильмов, при музее действует школа игры на гармонии для детей и подростков [10].

Музей документального кино (филиал Музея города Новосибирска) посвящён истории развития кинематографа в Новониколаевске – Новосибирске. В нём представлены многочисленные предметы кинотехники. Посетителям предлагается просмотр раритетных фильмов и сезон киносеббот.

Музей книги ФГБУН «Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения Российской академии наук» знакомит с уникальными книжными памятниками Отдела редких книг и рукописей.

Городской Центр истории Новосибирской книги посвящён деятельности сибирских литераторов и полиграфии Сибири. В его фондах представлена коллекция книжных инскриптов, фотодокументальные материалы Новосибирского книжного издательства, более 6 000 листов книжной графики. На площадках Центра проходят сменные тематические выставки, связанные с книжной культурой.

Одной из популярных арт-институций города, имеющей долгую историю развития, является *Новосибирский государственный цирк* (филиал ФКП «Росгосцирк») на 2 300 мест. Он предлагает программы, включающие всё разнообразие жанров циркового искусства.

Собственный сегмент на рынке арт-услуг занимают *национально-культурные центры*. Они ориентированы на концертную, выставочную, фестивально-конкурсную и другую событийную активность, связанную с национальными традициями различных народов, проживающих в Новосибирске.

ГБУК НСО «Областной центр русского фольклора и этнографии» в рамках своей деятельности по изучению и распространению традиционной русской культуры занимается организацией этнографических выставок и выставок декоративно-прикладного творчества, народных праздников, конкурсов и фестивалей, концертов фольклорных коллективов.

ГБУК НСО «Новосибирский областной Татарский культурный центр» проводит свои национальные концерты, праздники и фестивали. Главным ежегодным событием учреждения является праздник Сабантуй.

Новосибирский областной Российско-Немецкий Дом в соответствии с реализацией задач сохранения и развития немецкой культуры устраивает праздники, концерты, конкурсы и фестивали, посвящённые её национальным традициям.

Израильский культурный центр «Натив» организует встречи с известными деятелями культуры и искусства Израиля, художественные и фотовыставки, концерты, просмотры и обсуждения израильских кинофильмов [5].

МАУК г. Новосибирска «Муниципальный культурный центр “Сибирь – Хоккайдо”», созданный для укрепления связей городов-побратимов Новосибирска, Саппоро (Япония) и Тэджона (Южная Корея), занимается проведением выставок, праздников, конкурсов с участием приглашённых специалистов из Японии и Кореи, страноведческих экскурсий.

Выраженным потенциалом в развитии культурного туризма обладают *арт-пространства микстового типа*, в том числе *арт-кластеры*, предназначенные для реализации разноформатных креативных проектов.

Одно из них – «Арт Ель», созданное по инициативе мэрии Новосибирска, предназначено для общения и обмена творческими идеями молодых художников, фотографов, музыкантов, литераторов. Оно включает мастерские для воркшопов, два выставочных зала и рекреационные зоны. Главными целями его деятельности являются популяризация современного искусства и продвижение творчества новосибирских художников [14].

Лофт-парк «Подземка» – арт-кластер, состоящий из трёх залов, локации перформанса, фудкорта и прочих помещений, на площадках которых проходит несколько мероприятий в один день: концерты, выставки, модные дефиле, творческие мастер-классы, танцевальные батлы, спектакли и шоу. Здесь базируются студии звукозаписи, школы диджеинга, игры на музыкальных инструментах и мастерская изобразительного искусства.

Культурный центр «Этаж» МБУ «Альтаир» используется как выставочное и концертное пространство, лекторий и репетиционная точка для музыкантов, место проведения мастер-классов, поэтических вечеров, кинопоказов. Каждый желающий может присоединиться к фотоклубу «Открытой фотостудии» или к музыкальному объединению «ТЧК».

Арт-платформа «Дом да Винчи» ГАУК НСО «Новосибирская государственная областная научная библиотека» (отдел искусств) – недавно открытая институция для выставок, концертов, презентации проектов, а также музицирования, прослушивания грамзаписей на виниловом проигрывателе, кинопоказов, работы с самым большим нотным фондом в Сибири, книгами и журналами по искусству. Арт-пространство поделено на зону вдохновения, зону одного

зрителя, зоны для мастер-классов с возможностями для реализации творческих идей в формате коротких резиденций, экспозиций с мобильными стендами, также включает медиаклуб и гостиную.

Мастерская Крикливого и Панькова lab4dram – это арт-пространство, где проходят выставки, спектакли, перформансы, читки, концерты, вечеринки, образовательные программы. Организаторами и сотрудниками Мастерской являются художники, режиссёры, актёры, музыканты, поэты, создающие междисциплинарную среду для тех, кто занимается искусством. По признанию участников, они исследуют «новые формы, чтобы стереть границы между разными видами искусства» благодаря взаимодействию зрителей и художников с пространством [7].

Арт-кластер Лофт Нск занимается организацией персональных художественных выставок, концертов новосибирских музыкантов, творческих встреч, мастер-классов.

Арт-дом «Суть вещей» проводит мастер-классы по созданию разнообразных авторских вещей в различных техниках: рисование акварелью, маслом, скетчинг, изготовление гончарных изделий, фьюзинг, вышивка, бисероплетение, вязание, шитье и т.д.

Галерея мультимедийных выставок «Мольберт. Другие выставки» работает в формате тайм-клуба. Основу её деятельности образует мультимедийный лекторий «Искусство через оптические иллюзии», представляющий сменные тематические выставки с элементами квеста, аудиоспектакля. Произведения мирового изобразительного искусства демонстрируются с помощью технологий дополненной реальности и Kinect. Параллельно посетителям предлагаются угощения, дегустация вин [1].

Галерея развлечений «Иллюзорро» состоит из нескольких тематических зон: 1) 3D-картины с оптическими эффектами, дающими возможность сделать уникальные фотографии с визуальными иллюзиями, 2) экспонаты из разнородных материалов, создающие необычное художественное пространство; 3) киностудия, где можно выбрать костюмы, атрибуты и снять свой фильм.

Многофункциональный культурный центр «Дом с колесом» включает выставку, экспонирующую шедевры русской живописи из Третьяковской галереи с использованием технологий дополненной реальности. Кроме того, в Доме имеется селфи-музей, фотостудия и аттракцион «Колесо обозрения».

Отметим, что существуют постоянные институции, с жёстко регламентированной структурой и организуемые в свободной форме, новаторские по духу, одним из смыслов существования которых является художественная независимость. По мысли Д. В. Галкина и А. Ю. Куклина, их специфика заключается в открытости «к тотальному эксперименту с пространством, проблематикой, идентичностью, высказыванием и социальными контекстами» [2, с. 52].

В развитии культурного туризма важную роль играют события, придающие уникальность туристическим дестинациям. Выраженной привлекательностью обладают те из них, которые проводятся на регулярной основе, имеют социальный резонанс и известность за пределами региона, репутацию продвинутого, модного, нетривиального явления, которое может подарить новые эмоции и впечатления, встречи с яркими персонами. В этом плане себя успешно зарекомендовали *фестивали, выставки, художественные акции*, отличающиеся раз-

нообразием форматов и содержательного наполнения.

В Новосибирске проходит большое число фестивалей по различным видам искусства, которые организуют арт-институции города. Упомянем некоторые из них.

На площадках филармонии успешно реализуются такие многолетние проекты международного статуса, как *«Белый фестиваль»*, *«Транссибирский арт-фестиваль»*, фестивали хоровой музыки *«Credo Chorus»* и *«Покровская осень»*, фестиваль оркестров народных инструментов *«Струны Сибири»*, фестиваль *«Новая Музыка Сибири»*.

Совместным проектом филармонии и НАМТ «Глобус» является *«Рождественский фестиваль»*, состоящий из театральной, музыкальной, выставочной, публичной программ. Фестиваль объединяет драму, музыку, танец, перформанс, изобразительное искусство.

Театр «Глобус» организует *фестиваль молодёжной перформативной культуры ZNAKI*. На прилегающей к зданию «Глобуса» территории устраиваются представления уличного театра, крафтовые площадки и мастерские, звучит музыка и демонстрируется стрит-арт [11].

Культуре граффити посвящены *фестивали уличного искусства Okrasheno* и *«Граффит науки»*.

Из театральных событий отметим *Международный фестиваль театров кукол в Сибири «Перекрёсток»*, *Межрегиональный театральный фестиваль-конкурс «Ново-Сибирский транзит»*, *Всероссийский фестиваль любительских театров «Золотая Кобра»*, *фестиваль мини- и моноспектаклей «Малая Академия»*.

Новосибирской консерваторией инициирован *Международный фестиваль современной музыки «Сибирские сезоны»*.

На базе музыкального колледжа проходит *Международный фестиваль-конкурс «Классическая гитара»*. Концертно-театральный центр «Евразия» организует *Всероссийский фестиваль «Царица песня»*; Центр фольклора регулярно проводит *Сибирский фольклорный фестиваль*; Татарский культурный центр – *Международный фестиваль дружбы тюркских народов «Сибирская Чайхана»*; Музей сибирского баяна и гармони – *Международный Маланинский конкурс-фестиваль*.

Международные фестивали дизайна «Точка.RU – Сибирь», *«Красный проспект»*, *фестиваль дизайна и современного искусства в Новосибирском экспоцентре* объединяют специалистов из разных стран по графическому дизайну, промышленному дизайну, дизайну объектов архитектурной среды, дизайну аксессуаров, текстиля, одежды и обуви.

Пользуются широкой известностью *Всероссийский литературный фестиваль «Белое пятно»* и *Международный фестиваль «Книжная Сибирь»*.

Резонансным событием 2019 года стал первый децентрализованный партисипативный фестиваль современного искусства *«48 часов Новосибирск»*, прошедший при партнёрской поддержке аналогичного берлинского фестиваля *«48 часов Нойкёльн»*. На 20 площадках были представлены инсталляции, перформансы, концерты, аудиовизуальные шоу, танцевальные вечеринки. Всего за 48 часов состоялось около сотни арт-событий. Фестиваль получил национальную премию в номинации *«Инновация-2020»*.

В Художественном музее реализуются большие выставочные проекты: *Международная триеннале современной графики*, *Международный сибирский фестиваль ке-*

рамики, *Межрегиональная художественная выставка «Красный проспект»*. Все музейные институции Новосибирска ежегодно проводят акцию *«Ночь в музее»*, экспериментируя, используя интерактивный формат и многообразие индивидуальных, групповых и массовых форм социально-культурной деятельности. Каждую зиму в Первомайском сквере проходят тематические *фестивали снежных скульптур*.

Новосибирск является родиной *Монстрации*, представляющей разновидность хеппинга. Теперь это явление паблик-арта проводится во многих городах России и зарубежья. Однако столица Сибири по-прежнему остаётся главным монстрационным городом.

Таким образом, в Новосибирске сосредоточено большое число арт-институций, отличающихся видовым многообразием. Однако их возможности не в полной мере применяются для увеличения потока туристов в столицу Сибири. Следует разработать концепцию развития культурного туризма в регионе на основе более эффективного использования уже имеющегося потенциала. В то же время необходимо мотивировать арт-институции к активности и инициативности в сфере культурных событий. Приуроченные к ним мероприятия, программы, акции аккумулируют усилия различных учреждений и организаций, расширяя художественные коммуникации. Важным направлением деятельности должно быть наращивание ассортимента предлагаемых услуг и продуктов за счёт новых форматов, содержательного разнообразия, инновационных способов функционирования. В связи с этим нужно развивать инфраструктуру, в том числе уделять внимание формированию комфортной рекреационной среды для маломобильных групп населения

(детей и взрослых). В целях увеличения числа арт-площадок можно использовать городские пространства и природные ландшафтные зоны под масштабные культурные проекты. Уникальность и своеобразие событийному туризму придаёт региональная специфика, самобытность которой привлекает туристов, ищущих новые впечатления. Арт-институциям нужно разрабатывать творческие продукты для целевых аудиторий, что предполагает изучение потребностей и спроса различных категорий граждан.

Для обеспечения внимания к культурным событиям важно их заблаговременное планирование – это позволяет провести качественную пиар-компанию по их продвижению и организацию специальных экскурсий, а также включить их посещения в туры. В целях усиления привлекательности мероприятий (фестивалей, выставок, акций, премьерных спектаклей и проч.) нужно находить возможности приглашать на них известных персон, устраивать творческие встречи, мастер-классы с их участием.

Арт-институциям необходимо эффективнее использовать интернет-коммуникации для продвижения своих предложений,

рекламирования планируемых событий, поиска партнёров, применять цифровые технологии в обеспечении бронирования мест, распространения билетов, в том числе через модернизацию своих сайтов на основе современных подходов к сайтостроению. К одному из перспективных направлений развития туризма относится формат виртуального путешествия. В связи с этим нужно создавать ресурсную базу «цифрового» культурного туризма с помощью виртуальных выставок и экскурсий, концертов, театральных спектаклей, цирковых представлений, музыкальных и прочих шоу, интерактивных художественно-просветительных мероприятий (лекций, аудиосессий, ридинг-групп, интеллектуальных игр и т.д.), через погружение в атмосферу дополненной реальности театрального представления, музейной экспозиции, архитектурного пространства.

Ну и, конечно же, кластерный подход, заключающийся в налаживании партнёрских отношений с учреждениями туристической индустрии, участие в туристских выставках будут способствовать активизации деятельности арт-институций в отношении позиционирования своих продуктов в сфере социально-культурного сервиса и туризма.

Список литературы

1. Галерея мультимедийных выставок «Мольберт. Другие выставки» [Электронный ресурс]. URL: <https://art-gallery-1259.business.site/>
2. Галкин Д. В., Куклина А. Ю. Сверхъестественно безвременные или братья по современности? Современное искусство в классическом университете // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2019. № 36. С. 49–59. DOI: 10.17223/22220836/36/5
3. Голомидова О. Ю. Туризм как феномен городской культуры : специальность 24.00.01 «Теория и история культуры» : автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата культурологии / Голомидова Ольга Юрьевна ; Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. Екатеринбург, 2019. 23 с.
4. Гольдман И. И., Козин А. А. Специальное событие в PR-коммуникации культурной институции // Материалы конференций ГНИИ «Нацразвитие». Июнь 2018 : сборник избранных статей. Санкт-Петербург : ГНИИ «Нацразвитие», 2018. С. 121–124.
5. Израильский культурный центр НАТИВ в Новосибирске при Посольстве Государства Израиль в РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://izrailskiy-kulturny-event.timepad.ru>

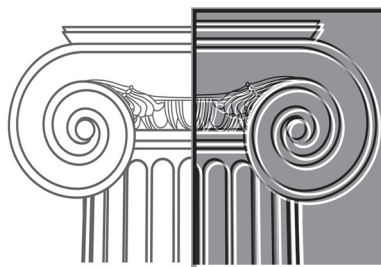

6. История 1941–1945 [Электронный ресурс] // Новосибирск : [сайт]. URL: <https://novo-sibirsk.ru/about/history/1941-1945/>
7. Мастерская Крикливого и Панькова [Электронный ресурс]. URL: <http://lab4dram.ru/about>
8. МБУК «Галерея» [Электронный ресурс] // Новосибирск : [сайт]. URL: <http://mun-culture.novo-sibirsk.ru/dk/mbukGallery/default.aspx>
9. Музей истории архитектуры Сибири имени С. Н. Баландина [Электронный ресурс]. URL: <http://nsuada.ru/nauka/muzei/muzei-istorii-arkhitektury-sibiri-im-s-m-balandina/>
10. Музей сибирского баяна и гармоны имени И. И. Маланина [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/malanin_museum
11. Новосибирский академический молодёжный театр «Глобус» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.globus-nsk.ru/proekty/znaki/>
12. Новосибирский государственный краеведческий музей [Электронный ресурс]. URL: <https://youmuseum.ru/about/collections/>
13. Новосибирский государственный художественный музей [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nsartmuseum.ru/museum>
14. Пространство Арт Ель [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/elnik_romanova23
15. «Сарай искусств» в Центральном парке перекрасили в холофейм [Электронный ресурс] // Новосибирские новости : [сайт]. 2020. 15 августа. URL: <https://nsknews.info/materials/saray-iskusstv-v-tsentrалnom-parke-perekrasili-v-kholofeym-/>
16. ЦК19 [Электронный ресурс]. URL: <https://cc19.org/>

References

1. *Gallery of multimedia exhibitions “Easel. Other exhibitions”*. Available at: <https://art-gallery-1259.business.site/> (In Russ.).
2. Galkin D. V., Kuklina A. Yu. Supernaturally timeless or sisters in modernity? Contemporary art in classical university. *Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 2019, no 36, pp. 49–59. DOI: 10.17223/22220836/36/5 (In Russ.).
3. Golomidova O. Yu. *Tourism as a phenomenon of urban culture. Synopsis cand. cult. st. diss.* Ekaterinburg, 2019. 23 p. (In Russ.).
4. Gol'dman I. I., Kozinov A. A. Special event in PR communication of a cultural institution. In: *Materials of conferences of the State Research Institute “National Development”. June 2018: A collection of selected articles*. St. Petersburg, Publishing House of the State Research Institute “National Development”, 2018. Pp. 121–124. (In Russ.).
5. *Israeli Cultural Center NATIV in Novosibirsk at the Embassy of the State of Israel in the Russian Federation*. Available at: <https://izrailkiy-kulturny-event.timepad.ru> (In Russ.).
6. *History 1941–1945 – Novosibirsk*. Available at: <https://novo-sibirsk.ru/about/history/1941-1945/> (In Russ.).
7. *Workshop of Krikliy and Pankov*. Available at: <http://lab4dram.ru/about> (In Russ.).
8. *Municipal budget cultural institution “Gallery” – Novosibirsk*. Available at: <http://mun-culture.novo-sibirsk.ru/dk/mbukGallery/default.aspx> (In Russ.).
9. *Museum of the History of Architecture of Siberia named after S. N. Balandin*. Available at: <http://nsuada.ru/nauka/muzei/muzei-istorii-arkhitektury-sibiri-im-s-m-balandina/> (In Russ.).
10. *Museum of Siberian Bayan and Accordion named after I. I. Malanin*. Available at: https://vk.com/malanin_museum (In Russ.).
11. *Novosibirsk Academic Youth Theater “Globus”*. Available at: <http://www.globus-nsk.ru/proekty/znaki/> (In Russ.).
12. *Novosibirsk State Museum of Local Lore*. Available at: <https://youmuseum.ru/about/collections/> (In Russ.).
13. *Novosibirsk State Art Museum*. Available at: <https://www.nsartmuseum.ru/museum> (In Russ.).
14. *Art El Space*. Available at: https://vk.com/elnik_romanova23 (In Russ.).
15. *“Barn of arts” in Central Park was repainted in halofan*. Available at: <https://nsknews.info/materials/saray-iskusstv-v-tsentrалnom-parke-perekrasili-v-kholofeym-/> (In Russ.).
16. CC19. Available at: <https://cc19.org/> (In Russ.).

СОЦИАЛЬНО-
КУЛЬТУРНАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

З АРУБЕЖНОЕ ДОСУГОВЕДЕНИЕ: МЕЖДУ ГУМАНИТАРНОЙ РЕФЛЕКСИЕЙ И ЭМПИРИЗМОМ

УДК 379.8.09:001.89

<https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-597-122-135>

Н. Н. Ярошенко

Московский государственный институт культуры, Химки, Российская Федерация, e-mail: yaroch1@yandex.ru

Аннотация: В статье впервые на материале публикаций в специализированных научных журналах («World Leisure Journal», «Leisure Sciences», «Leisure Studies», «Journal of Leisure Research» и других) проанализированы актуальные досуговые исследования за рубежом. Представлен обзор современных зарубежных исследований досуга, тенденции их развития. Современное зарубежное досуговое исследование рассматривается как комплексная научная дисциплина, активно интегрирующая научные данные культурологии, социологии, искусствovedения, педагогики, статистики и демографии, урбанистики, медицины, теории менеджмента и других наук. Отмечается достаточно слабая представленность гуманитарных статей в ведущих зарубежных научных журналах по досуговедению, а также эмпирическая нацеленность исследований, их прикладной социологический и социально-психологический характер. Сделан вывод о существовании общей досуговой парадигмы, которая расширяется за счёт потенциала междисциплинарных исследований, а не об их мультипарадигмальном характере. Эта тенденция отражена в понятии «пролиферация парадигмы» («paradigm proliferation») (Д. К. Парри, К. В. Джонсон, В. Стюарт, 2013). Несмотря на различие подходов, главные черты этой парадигмы во многом схожи с отечественной традицией, в которой аксиоматичным считается, во-первых, социальная обусловленность досуга; во-вторых, активное личностное отношение к нему, то есть мотивация, его восприятие и наполнение; в-третьих, необходимость целенаправленного формирования условий и культурных ориентиров досугового поведения. Сравнительный анализ показывает особую исследовательскую установку российских учёных, предпочитающих изучать досуг с точки зрения педагогики, что предопределило формирование в России в конце XX – начале XXI века педагогической парадигмы социально-культурной деятельности.

Ключевые слова: досуг, зарубежное досуговое исследование, теория социально-культурной деятельности, социология досуга, педагогика досуга, социальная психология досуга.

Для цитирования: Ярошенко Н. Н. Зарубежное досуговое исследование: между гуманитарной рефлексией и эмпиризмом // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 5 (97). С. 122–135. <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-597-122-135>

ЯРОШЕНКО НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ – доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой социально-культурной деятельности факультета государственной культурной политики Московского государственного института культуры

YAROSHENKO NIKOLAI NIKOLAEVICH – D.Sc. in Pedagogic Sciences, Professor, Head of the Department of Social and Cultural Activity, the Faculty of State Cultural Policy, the Moscow State Institute of Culture

© Ярошенко Н. Н., 2020

FOREIGN LEISURE STUDIES:
BETWEEN HUMANITARIAN REFLECTION AND EMPIRICISM

Nikolai N. Yaroshenko

Moscow State Institute of Culture, Khimki City, Moscow Region, Russian Federation, e-mail: yaroch1@yandex.ru

Abstract: In the article, for the first time on the material of publications in specialized scientific journals (“World Leisure Journal”, “Leisure Sciences”, “Leisure Studies”, “Journal of Leisure Research”, etc.), current leisure studies abroad are analyzed. The article presents an overview of modern foreign studies of leisure, trends in their development. Modern foreign leisure studies are considered as a complex scientific discipline that actively integrates scientific data of cultural studies, sociology, art history, pedagogy, statistics and demography, urban studies, medicine, management theory and other sciences. There is a rather weak representation of humanitarian articles in leading foreign scientific journals on leisure studies, as well as the empirical focus of research, their applied sociological and social and psychological nature. The conclusion is made about the existence of a general leisure-learning paradigm, which is expanded due to the potential of interdisciplinary research, and not about their multiparadigmatic nature. This trend is reflected in the concept of “paradigm proliferation” (D. K. Parry, K. V. Johnson, V. Stewart, 2013). Despite the difference in approaches, the main features of this paradigm are largely similar to the national tradition, in which the social conditionality of leisure is considered axiomatic, first, and secondly, an active personal attitude to it, i.e. motivation, its perception and content; third, the need for purposeful formation of conditions and cultural guidelines for leisure behavior. The comparative analysis shows a special research attitude of Russian scientists who prefer to study leisure from the point of view of pedagogy, which predetermined the formation of the pedagogical paradigm of social and cultural activity in Russia at the end of the 20th – beginning of the 21st century.

Keywords: leisure, foreign leisure studies, theory of social and cultural activity, sociology of leisure, pedagogy of leisure, social psychology of leisure.

For citation: Yaroshenko N. N. Foreign leisure studies: between humanitarian reflection and empiricism. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2020, no. 5 (97), pp. 122–135. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-597-122-135>

В отечественных гуманитарных исследованиях практически не представлены работы, нацеленные на изучение традиций зарубежного досуговедения, которое интенсивно развивается в Австралии, Великобритании, Канаде, США, Франции и других странах. География современного зарубежного досуговедения в последние годы также расширилась за счёт публикаций исследователей, представляющих Юго-Восточную Азию, прежде всего – Южную Корею, Китай, Японию и другие.

Как показывает анализ, сравнительных исследований российского и зарубежного досуга не так много и они в основном рас-

сматриваются как образцы философской рефлексии, социологического дискурса.

Действительно, зарубежные исследования досуга в России известны в основном по трудам социологов и философов, рассматривавших досуг как культурное пространство «праздного класса» (Т. Веблен [3]), «стиль жизни» (П. Бурдьё [2]), «цивилизацию досуга» (Ж. Дюмазедье [17]), «высокий досуг» (Р. Стеббинс [9]) и другие.

При этом исследования досуга, выполненные в рамках прикладной традиции (их в работах зарубежных авторов называют «эмпирические исследования досуга»), почти не введены в научный дискурс оте-

чественных учёных. Такие работы мало известны и практически не рассматриваются в отечественной науке, что определяет необходимость дать обобщённую характеристику актуальных досуговых исследований, определить основные тенденции в его развитии за рубежом.

Полагаем, что, говоря о современном досуговедении, необходимо рассматривать его как комплексную научную дисциплину, активно интегрирующую научные данные культурологии, социологии, искусствоведения, педагогики, статистики и демографии, урбанистики, медицины, теории менеджмента и т.д. Сегодня в гуманитарных исследованиях явно доминирует стремление к всестороннему рассмотрению феномена досуга, выявлению взаимодополняющих подходов. Это не исключает самостоятельных исследований, чётко ориентированных на исследовательские традиции конкретных наук, в том числе перечисленных выше.

Сходные тенденции отмечаются и в зарубежных исследованиях досуга, что, однако, не исключает наличия особенностей зарубежного досуговедения, несвойственных отечественным исследованиям. Задача данной статьи состоит в том, чтобы на конкретном материале рассмотреть общее и особенное в современных исследованиях досуга за рубежом, выполненных с конца 1980-х годов по настоящее время.

Наиболее репрезентативно современное состояние зарубежного досуговедения можно представить по публикациям в специализированных журналах, издающихся в различных странах. Среди этих журналов наиболее авторитетными являются «World Leisure Journal» (США), «Leisure Sciences» (Канада), «Leisure Studies», «Journal of Leisure Research» (США), «Annals

of Leisure Research» (Австралия, Новая Зеландия) и ряд других изданий, преимущественно теоретической направленности. Издаются также научные журналы по прикладным вопросам, менеджмента рекреации отдыха и развлечений, досугового воспитания («SCHOLE: a Journal of Leisure Studies and Recreation Education», «Journal of Park and Recreation Administration», «Journal of Outdoor Recreation, Education, and Leadership» и другие). Ранее этот перечень журналов не представлялся ни в одной отечественной публикации и не анализировался как единый источниковый комплекс документов.

В России, да и на постсоветском пространстве, сегодня отсутствуют подобные научные периодические издания, специализированно рассматривающие проблематику досуга. Эту задачу в какой-то мере решают журналы Московского государственного института культуры («Вестник МГУКИ» и «Культура и образование»), публикующие в специальных разделах статьи по проблемам социально-культурной деятельности, а также журналы Санкт-Петербургского, Казанского, Кемеровского Челябинского и других институтов культуры.

Рассмотрим особенности тематической направленности некоторых наиболее заметных зарубежных изданий по проблемам досуга.

Так, например, официальным журналом Всемирной организации досуга является «World Leisure Journal», издающийся в США. Цель журнала – стимулирование и распространение научных исследований, теории и критической мысли во всех областях, связанных с досугом, включая игры, отдых, искусство и культуру, спорт, фестивали, мероприятия и праздники, здоровье и фитнес, путешествия и туризм. В нём пу-

бликуются эмпирические и теоретические рукописи, обзорные статьи и критические эссе. Журнал «World Leisure Journal» является международным по своему охвату и поощряет публикации авторов из всех регионов мира. Особенно приветствуются статьи о сравнительных межнациональных и межкультурных исследованиях. Для эмпирических работ подходят все типы методов исследования, а предмет исследования может рассматриваться с позиций социальных, поведенческих и биологических наук, образования и гуманитарных наук.

Ещё один международный научный журнал – «Journal of Leisure Research» (JLR), который, судя по информации издательства Taylor & Francis (<https://www.tandfonline.com>), публикует инновационные и междисциплинарные исследования, посвящённые актуальным вопросам досугового поведения и вовлечения в него, поскольку досуг в различных секторах (например, парки, рекреация, досуг, спорт, туризм, мероприятия) влияет на здоровье и благополучие на индивидуальном, групповом, общинном и социальном уровнях. Этот журнал представляет исследования, предлагающие теоретическое и методическое понимание досуга во всех его формах, в различных аспектах (например, позитивных, негативных), учитывая социальный, психологический, культурный, политический и экологический контексты.

Эти издания в целом репрезентативно отражают тематическую направленность и других международных досуговедческих журналов, в том числе перечисленные нами выше.

Понимая, что трудно сделать полный анализ всех работ по исследованию досуга, опубликованных в мире, мы сосредоточились в данной статье на рассмотрении

публикаций, представленных в журнале «Leisure Sciences» (Leisure Sci), являющемся одной из наиболее авторитетных площадок для публикации специальных работ по проблематике теории досуга, организации свободного времени, социологии досуговых практик. Журнал издаётся на платформе ведущего мирового научного издания Taylor & Francis (Routledge). Редакция журнала работает в Университете Ватерлоо (Канада) (University of Waterloo, Waterloo, ON, Canada).

Журнал «Leisure Sciences» выпускается с 1977 года и публикует, как это представлено на сайте издателя (<https://www.tandfonline.com>), научные исследования досуга и рекреации, организации деятельности парков и фитнес-индустрии, путешествий и туризма с точки зрения социальных наук. Статьи охватывают социальные и психологические аспекты досуга, планирование среды досуга, геронтологию досуга, поведение в путешествиях и туризме, экономику и урбанистику досуга. Публикуются также методологические и философские трактаты, материалы конференций, обзоры книг. Междисциплинарное разнообразие тем делает этот международный журнал досуговых исследований особенно интересным для исследователей.

Таким образом, обращаясь к анализу публикаций в журнале «Leisure Sciences», мы ставим перед собой задачу определить тематическое разнообразие исследований досуга, репрезентативно представленных в ведущем научном издании по данной проблематике.

Материалом для такого анализа мы выбрали, во-первых, все выпуски журнала, которые представлены в открытом доступе на уровне названий статей, аннотаций и ключевых слов; во-вторых, отдельные полно-

текстовые публикации, раскрывающие междисциплинарный подход к исследованию досуга; в-третьих, отдельные аналитические материалы, критически рассматривающие публикации в данном журнале. При этом наиболее информативной оказалась работа профессора Университета Оттавы (Онтарио, Канада) Поля Хайнцмана «Досуговедение и гуманитарные науки» [20], опубликованная в «Leisure Sciences» в 2018 году. Главный вопрос, который Поль Хайнцман поставил в данной статье, касается того, в какой мере гуманитарные науки (философия, история, этика, искусствоведение) представлены в публикациях журнала за сорок лет его существования? Увеличилась или уменьшилась доля гуманитарных исследований досуга за этот период?

Вывод, к которому пришёл П. Хайнцман, отечественным исследователям может показать весьма странным – в журнале очень мало опубликовано гуманитарных статей. Автор отмечает, что «чуть более 3% из 807 статей, опубликованных в “Leisure Sciences” с 1977 по 2016 год, сосредоточены на гуманитарных науках. Частота публикаций гуманитарных статей в журнале “Leisure Sciences” была значительно выше в течение средних десятилетий истории журнала по сравнению с первым и последним десятилетиями¹. С 1977 по 1986 год было опубликовано три гуманитарных статьи; с 1987 по 1997 год – 17; с 1998 по 2007 год – 13; а с 2008 по 2017 год – только одна гуманитарная статья. Кроме того, 60% гуманитарных статей, опубликованных в “Leisure Sciences”, были опубликованы в течение 15-летнего периода между 1985 и 1999 годами» [20, p. 39]. Однако «за послед-

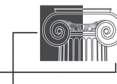
ние 10 лет была опубликована только одна гуманитарная статья» [20, p. 36].

Подчеркнём, что данные, полученные П. Хайнцманом, немногим отличаются от результатов, которые получил Ж. Лонг [23], рассмотревший публикационную активность по досуговедению в разделе справочника исследований досуга, выпущенного в 2013 году крупнейшим мировым научным издательством «Routledge & CRC Press are imprints of Taylor & Francis» под редакцией известного зарубежного теоретика досуга Т. Блэкшоу (T. Blackshaw) [23, pp. 82–96]. Ж. Лонг проанализировал публикации в нескольких научных изданиях – это «Leisure Studies», «Leisure Sciences» и «Journal of Leisure Research», и его вывод – доля философских и исторических статей по досуговой проблематике в названных журналах составляет не более 5%. При этом отмечено, что британский журнал «Leisure Studies» опубликовал в четыре раза больше философских работ, чем два других – «Leisure Sciences» и «Journal of Leisure Research».

Таким образом, можно говорить о сходных в целом данных П. Хайнцмана о гуманитарных статьях (3%) в «Leisure Sciences» и Ж. Лонга – о 5% философских и исторических статей в журналах по досуговедению [20, pp. 39–40]. В качестве иллюстрации редкого «чисто» философского, гуманитарного исследования досуга приводится статья об интерпретации греческого идеала досуга [21].

Возникает вопрос, в какой мере достаточно слабая представленность гуманитарных статей в ведущих зарубежных научных журналах по досуговедению репрезентирует общие тенденции в зарубежных исследованиях досуга? В самом деле ли зарубежные авторы избегают философского, этического,

¹ Здесь говорится о сорокалетней истории журнала, которая интерпретируется автором как четыре десятилетия.

исторического, искусствоведческого подхода в своих исследованиях?

Российский исследователь Г. В. Оленина указывает на то, что «зарубежная наука XX века рассматривает досуг не только поведенчески-прагматически с терапевтическим аспектом (социальная, терапевтическая модели и модели досуга как функции досуговых мероприятий), но и в аспекте этики (Дж. Шиверс в модели досуга как функции досуговых мероприятий) и эстетики (эпистемологическая модель элитарного досуга)» [6, с. 204–205]. Здесь подчёркивается практико-ориентированная и философско-культурологическая направленность исследований. То есть и российские авторы задаются вопросом о том, в какой мере в зарубежном досуговедении гуманитарный подход конкурирует с эмпирическим.

Говоря об эмпиризме, зарубежные досуговеды обычно понимают исследовательскую позицию, которая главным образом опирается на анализ опыта, практики, выступающих основным источником новых знаний о досуге. Конечно, относя к «эмпиризму» любое практико-ориентированное исследование, зарубежные исследователи имеют в виду совсем не то, что входило в трактовку эмпиризма, например, классиками Нового времени («внешний» и «внутренний» опыт по Джону Локку и другие). Однако центральная эпистемологическая идея эмпиризма в зарубежном досуговедении остаётся неизменной – поиск нового знания строится на опыте (эмпирии), с него начинается и им же подтверждается. Исходя из этого главным критерием научности в исследовании явлений досуга становится точный и ясный выбор объектов для изучения и проведение глубокого, многомерного статистического анализа на всех этапах получения сведений об этих объектах. В поле

зрения исследователей попадают только такие параметры и характеристики, которые можно статистически измерить, а общие рассуждения, характерные для гуманитарных наук, воспринимаются как «сомнительные» и «неподтверждённые».

П. Хайнцман, анализируя работы предшественников своего исследования, выделил группу источников, в которых даётся критическая оценка излишней эмпирической направленности зарубежного досуговедения: «Вот уже более 25 лет высказываются опасения по поводу чрезмерной опоры на эмпиризм при изучении досуга» [20, р. 37]. В качестве иллюстрации этого тезиса П. Хайнцман в цитируемой нами статье [20] приводит следующие программные тезисы, нашедшие отражение в специальных досуговедческих изданиях в период с 1990 года по настоящее время:

- в досуговедении получил распространение эмпиризм исследований досуга, как количественный, так и качественный [26], и этот эмпиризм носит «чрезмерное распространение»;

- наука досуга видит в «эмпиризме» жизнеспособный ответ «на проблемы, которые нас [исследователей] беспокоят», большинство из этих проблем скорее моральные, чем технические [27, р. 452].

То есть, как признают зарубежные авторы, эмпиризм как универсальный способ изучения досуга даёт возможность выявить его характеристики – не только количественные, качественные, сущностные, технологические, но и моральные, то есть духовные. Здесь, конечно, потенциал эмпиризма несколько переоценён, а сами эмпирические методы возведены в ранг наиболее достоверных. Справедливости ради, отметим, что доминирование эмпирических методов получает и критическую

оценку современных зарубежных авторов. Однако здесь нужно указать на ещё одну черту досуговедческих исследований – их избыточную ориентированность на аппарат и метод социальной психологии. Понятно, что психология в западноевропейской культуре выполняет миссию «куратора» духовной жизни личности и общества, и это напрямую проецируется в контекст исследований досуга. Кроме того, социология и социальная психология в большей мере, чем, например, философия или культурная антропология, оснащены эмпирическими методами исследования и математическим аппаратом, что возводит их, по мнению зарубежных авторов, в ранг эмпирических наук.

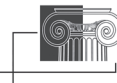
Ещё в 1990-е годы зарубежные авторы с тревогой отмечали, что в исследованиях досуга сформировался общий и доминирующий подход, который отличается опорой на инструментарий социальной психологии и прикладной социологии. В определённой мере он установил некие общие правила исследовательских процедур, однако «доминирование в рамках исследований досуга единой исследовательской структуры, а именно сочетания эмпиризма и социальной психологии, привело к недостаткам как в самих исследованиях, так и в понимании досуга» [22, р. 303].

Для обоснования своей позиции П. Хайнцман [20, р. 40], призывающий расширять гуманитарные исследования досуга, процитировал статью К. Катон о подготовке кадров для сферы рекреации и гостеприимства: «Гуманитарные науки часто отвергаются как легкомысленные, как то, без чего можно легко обойтись в эпоху экономических проблем ... и поэтому образовательные программы становятся всё более и более технически сфокусированны-

ми, с акцентом на формирование навыков для решения текущих проблем» [16, р. 25]. Так, по мнению зарубежных авторов, недостаточное проведение обобщающих гуманитарных, прежде всего философских, исследований досуга проецируется и на сферу подготовки кадров, создавая предпосылки для снижения гуманитарной, общекультурной подготовки. Проблема, впрочем, достаточно знакомая и отечественным исследователям, постоянно обсуждающим проблему соотношения общегуманитарной и специальной профессиональной подготовки кадров.

Тематика досуговедческих журналов, многие из которых издаются более полувека, неоднократно анализировалась западными досуговедцами [см., например: 28] и сегодня весьма разнообразна: от анализа опыта воплощения женской идентичности через активный досуг [24] до лонгитюдного исследования видов онлайн- и офлайн-досуга [18] и т.п.

Например, один из последних номеров журнала «Journal of Leisure Research» посвящён социальной психологии досуга и имеет подзаголовок «A Social Psychology of Leisure 2.0». Редакторы номера Эйдзи Ито, Анджела Лоукс-Аткинсон и Синтаро Коно, предваряя данный выпуск, указали на задачу «продемонстрировать передовые и перспективные примеры социально-психологических исследований досуга, парков, рекреации, туризма и спорта, а также переосмыслить роль этой субдисциплины в рамках более широкой науки о досуге» [19, р. 511]. Таким образом, делаем вывод, что в зарубежном научном дискурсе наука о досуге понимается как широкое, междисциплинарное и даже – наддисциплинарное, обобщающее множество различных направлений исследований.

Профессор Г. В. Оленина в статье [6], посвящённой теоретико-методологическому анализу развития личности в пространственно-временном континууме досуга, указывает на то, что в качестве определяющей характеристики зарубежные исследователи используют «одну или несколько функций досуга: от самой простой количественной функции досуга до сложных его функций в экзистенциальных и гуманистических моделях, имеющих скорее прогностический характер» [6, с. 204]. Исходя из этого автор сделала вывод о том, что «зарубежная наука в связи со сложностью феномена досуга, его парадоксальностью и полифункциональностью не выработала родового определения этого понятия, но много сделала для теоретической рефлексии сущности, структуры, функций досуга, его количественной и качественной моделей» [6, с. 206]. Это не совсем так. Трудно упрекать зарубежных исследователей в отсутствии «родового определения», поскольку и в России трудно говорить о его наличии – а что, собственно, понимается под «родовым»? Ведь речь, очевидно, должна идти о каком-то одном, общепризнанном определении, в котором учтены все особенности и параметры. Здесь Г. В. Оленина имеет в виду, скорее, некое исходное понятие, которое даёт импульс к появлению новых, родственных понятий досуговедения. Но и в отечественной традиции никогда не было единственного, общепризнанного определения досуга, и на протяжении всего XX века, да и сегодня, были широко представлены многочисленные авторские трактовки категорий «свободное время», «досуг», «отдых» и других [12]. Причём наличие или отсутствие «родового определения досуга» не мешает развитию научных исследований и формированию базы представлений о до-

суге, полученных в педагогике, социологии, культурологии и других науках.

Задачу удержания исследователей в общем предметном поле выполняет парадигма междисциплинарных исследований досуга, которая отличается общим признанием исследователями базовых характеристик явления, допускающих его вариативность, и общие правила постановки и решения исследовательских задач (Т. Кун), а затем – последовательной интеграции полученных знаний как основы для целостного понимания изучаемого явления. В зарубежном досуговедении эта задача хорошо осознана, и наличие системных подходов к анализу различных теоретических моделей досуга является тому подтверждением (модель М. Каплана и Дж. Шиверс; модель Дж. Р. Келли и другие).

Отсутствие единого определения досуга отражает мультидисциплинарную традицию в его осмыслении и не мешает зарубежным авторам чётко осознавать предметную обусловленность исследований, которая связана с многочисленными особенностями досугового поведения социальных групп и отдельных индивидов.

Для этого явления даже предложено особое эпистемологическое объяснение. Так, Эйдзи Ито, Анджела Лоукс-Аткинсон и Синтаро Коно утверждают, что «область исследований досуга может выжить и процветать, только когда проводятся многочисленные теоретические междисциплинарные исследования; мы стремимся к «пролиферации парадигмы»» [19, р. 514], то есть разрастанию, расширению парадигмы досуга. Взятые авторами в кавычки понятие «пролиферация парадигмы» («paradigm proliferation» [25, р. 84]) применительно к области досуговедения, было предложено в дискуссионной статье Д. К. Парри,

К. В. Джонсон, В. Стюарт «Досуговые исследования в интересах социальной справедливости», опубликованной в 2013 году в «Leisure Sciences» [25].

Занимаясь более двадцати лет проблемой парадигм современной теории социально-культурной деятельности, педагогики досуга [см.: 14], считаем необходимым подчеркнуть, что речь здесь идёт о важном и для отечественных исследователей досуга моменте – о существовании общей досуговой парадигмы, которая расширяется за счёт потенциала междисциплинарных исследований, а не об их мультипарадигмальном характере.

В философии науки принцип пролиферации известен благодаря работам П. Фейерабенда, провозгласившего «эпистемологический анархизм» и один из его принципов – принцип пролиферации теорий, призванный учесть социальный контекст развития научного знания и плюрализм в его методологии. По замыслу П. Фейерабенда, создание альтернативных теорий должно помочь учёным в повышении «уровня» дискуссий и конкуренции идей, что должно ускорить развитие науки.

Введение понятия «пролиферация парадигмы» в рамках «наук о досуге» нельзя в полной мере синонимизировать с «пролиферацией теорий», имеющей общенаучный характер, хотя очевидно, что последнее является первоисточником. Несколько иной, более узкий аспект в зарубежном досуговедении подмечен исследователями. Его, на наш взгляд, можно сформулировать так: пролиферация парадигмы – это расширение объяснительного потенциала конкретной отрасли научного знания, имеющего отчётливо выраженную парадигму, за счёт мультидисциплинарности и появления новых теорий (теоретических подходов), ко-

торые объединены единым предметом исследования (в нашем случае – феноменом досуга и практикой его репрезентации в культуре), но допускают методологическую релятивность, наличие различающихся методологических оснований в каждой из теорий.

Парадигма всегда объединяет учёных, склонных не одинаково, но базируясь на общепризнанных основаниях оценивать досуг как социальное и культурное явление всё-таки в рамках общей парадигмы. И процесс пролиферации парадигмы досуга актуален и для российских исследователей.

Безусловно, отечественным исследователям ещё предстоит провести полный сравнительный анализ представленности гуманитарного подхода в исследованиях феномена досуга и его социальных проявлений в отечественной и зарубежной науке. Однако отметим, что для этого пока не существует реально сопоставимый ареал монотематических научных журналов, что потребует выбора для сравнения всего массива публикаций (монографий, диссертаций, статей и т.д.). Такая задача представляется весьма масштабной и труднореализуемой.

В анализируемых в данной статье двух зарубежных публикациях [20; 23] приведены результаты, полученные в ходе изучения массива публикаций, причём в специализированных досуговых научных журналах. В России до сих пор не существует специальный научный журнал, полностью посвящённый проблемам досуга. На научном уровне эта проблема рассматривается в отдельных публикациях многопрофильных журналов, как правило публикующих статьи по нескольким отраслям наук и научным специальностям. Именно поэтому трудно напрямую экстраполировать выводы зарубежных авторов на российский

опыт изучения досуга, свободного времени и форм досуговой активности.

Полагаем, что дальнейший анализ главных тенденций изучения досуга в зарубежной и отечественной традициях вполне возможен, даже несмотря на несовпадение форматов научных изданий и методик прикладных научных исследований. Здесь можно говорить прежде всего о соотношении общетеоретического и прикладного подходов в исследовании досуга, а также о некотором тематическом совпадении или несовпадении интересов авторов научных работ.

Необходимо констатировать, что в работах по исследованию досуга действительно преобладает эмпирический подход, предполагающий детализированное описание конкретных явлений, статистический анализ и констатацию качественных характеристик досуговых практик. Это весьма важное отличие от отечественных исследований, в которых, наоборот, преобладает общегуманитарный подход и недостаточно внимания уделяется конкретному статистическому и социологическому анализу (хотя, конечно же, отдельные исследования этих вопросов имеются [см., например: 8]).

Западные учёные воспринимают эмпирическую основу исследований досуга как принципиально необходимое условие получения достоверных данных о досуговых практиках. Важнейшим моментом в развитии досуговедения со времён Т. Веблена [3] стал, как отмечается, «переход от спекулятивной философской базы знаний к акценту на эмпирические и аналитические исследования» [29, pp. 268–269].

Канадские исследователи Эван Вебб (Evan Webb) и Жорж Карлис (George Karlis) указывают на то, что в западной традиции социальных исследований досуг «исторически изучался преимущественно с со-

циологических и психологических позиций» [29, p. 269]. При этом досуг «признавался чем-то, что определяется обществом в сочетании с тем, как мы его воспринимаем» [29, p. 269], и далее – «... смысл досуга определяется самим индивидом. Смысл досуга в значительной степени зависит от того, как он “воспринимается” и “как он возникает”. Таким образом, определение досуга зависит от условий, лежащих в его основе, таких как воспринимаемая свобода и внутренняя мотивация» [29, p. 269].

Этот исследовательский подход, широко представленный в зарубежных исследованиях, во многом схож с отечественной традицией, в которой также в качестве основополагающих характеристик принимается, во-первых, социальная обусловленность досуга, во-вторых, активное личностное отношение к нему, то есть мотивация, его восприятие и наполнение, но в добавок, в-третьих, всегда указывается на необходимость активного формирования условий и культурных ориентиров досугового поведения. Именно этот, третий, наиболее важный аспект, на наш взгляд, принципиально отличает отечественную досуговедческую традицию, выросшую из целенаправленно организованных просветительских практик российского внешкольного образования, культурно-просветительной работы. Из этого аспекта сформировалась особая исследовательская установка российских учёных, предпочитающих изучать досуг с точки зрения педагогики, что предопределило формирование в России в XX веке педагогической парадигмы социально-культурной деятельности [14; 15]. При этом российскими исследователями постоянно выстраивается тесная взаимосвязь между теоретическим и практико-ориентированным уровнями научных ис-

следований [1], а противопоставление гуманитарных и эмпирических исследований для отечественных исследователей досуга не является актуальным.

В зарубежных же работах преобладает «эмпиризм» несколько другого толка – акцент делается на полевых констатирующих исследованиях и социологических замерах: измерению подвергаются досуговые потребности и мотивы, объём свободного времени и другое [28].

Подход же, связанный с целенаправленным формированием условий воспитания или социальной поддержки, применяется в основном в исследованиях лечебной рекреации и досуговой реабилитации в тесной связи со спортивным досугом и туризмом. И это направление весьма успешно развивается благодаря созданию соответствующих кафедр в университетах Великобритании, США, Канады и других стран. И если спортивный досуг и туризм в России – это самостоятельный предмет исследования в соответствующих научных специальностях, то социально-культурная деятельность реабилитационной направленности также активно разрабатывается в рамках «Теории, методики и организации социально-культурной деятельности» и имеет хорошие перспективы в связи с расширением государственной поддержки инвалидов и ростом общественной активности в обеспечении прав инвалидов на доступ к культурным ценностям, создание доступной среды и обеспечение социальных гарантий.

В зарубежных исследованиях досуга достаточно активно развивается социальное направление, связанное с изучением специфики организации досуга в условиях формирования общества расового равенства, поддержки культурных инициатив национальных меньшинств, организации

профилактической работы с делинквентными группами подростков и молодёжи и т.д. В отечественном досуговедении это направление также широко представлено, что подтверждается появлением в первые десятилетия XXI века крупных исследований процессов игрового поведения [7], социально-культурной профилактики [10; 11; 13], социально-культурной ресоциализации [4; 5] и других.

Принципиально то, что в зарубежных исследованиях не прослеживается внешняя научно-организационная регламентация, подобная тому, как в нашей стране структурированы научные специальности. Это в определённой мере служит основанием для расширения междисциплинарных исследований с привлечением теоретиков культуры, социологов, социальных психологов, педагогов. При этом специфика предмета – досуг как явление и репрезентирующие его практики – чётко обозначается и понимается исследователями.

Современное зарубежное досуговедение развивается как междисциплинарное направление в системе знаний, что обеспечивает многоаспектность и взаимодополнение позиций и точек зрения исследователей. В то время как отечественная традиция в основном фокусируется на предметном исследовании педагогических эффектов теории, методики и организации социально-культурной деятельности. У нас весьма редкими являются исследования по социологии, экономике, психологии досуга, а также его философско-культурологические обобщения.

Подводя итоги, отметим, что в определённой мере наши выводы созвучны мнению Г. В. Олениной, согласно которому «анализ проблемы сущности, структуры и функций досуга показывает, таким

образом, что за рубежом в XX веке ведутся интенсивные научные разработки теории досуга, базирующиеся на многообразии исследовательских подходов, включающих различные взаимодополняющие теории и модели досуга. Это свидетельствует о большом общественном интересе к феномену и социально-культурному институту досуга, выделении его, наряду с категорией труда, в самостоятельную, равноценную социально-культурную категорию, детерминирующую развитие общества и человека» [6, с. 206].

Развитие зарубежного досуговедения идёт достаточно активно, и в нём отчётливо ставятся задачи отказа от доминирования эмпиризма, давления социально-психологического подхода, намечается перспектива обобщающей философско-культурологической рефлексии. Понимание этого, по крайней мере, должно способствовать сохранению уникальной отечественной традиции, в рамках которой сложилась продуктивная целостность теории и практики педагогического исследования досуга и развивающей социально-культурной деятельности.

Список литературы

1. *Ариарский М. А.* Педагогическая культурология: [в 2 томах] / Министерство культуры Российской Федерации, Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств, Государственный музей-памятник «Исаакиевский собор». Санкт-Петербург : Концерт, 2012. Том 1 : Методология и методика постижения культуры. 400 с. ; Том 2 : Социально-культурная деятельность и технологии её организации. 448 с.
2. *Бурдые П.* Социальное пространство: поля и практики : перевод с французского / составление, общая редакция перевода и послесловие Н. А. Шматко. Санкт-Петербург : Алетейя ; Москва : Институт экспериментальной социологии, 2005. 576 с. («Gallicinium»).
3. *Веблен Т. Б.* Теория праздного класса : перевод с английского / вступ. статья с. 5–56 С. Г. Сорокиной. Москва : Прогресс, 1984. 367 с. (Экономическая мысль Запада) (Для научных библиотек).
4. *Мацукевич О. Ю.* Социально-культурный подход в контексте педагогического исследования ресоциализации личности // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 4 (48). С. 105–110.
5. *Мацукевич О. Ю.* Теоретико-методологические основы социально-культурной ресоциализации личности дезадаптантов : монография / Московский государственный университет культуры и искусств. Москва : МГУКИ, 2014. 280 с.
6. *Оленина Г. В.* Пространственно-временной континуум досуга и развитие личности в зарубежной науке: теоретико-методологический анализ // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 6 (49). С. 203–208.
7. *Пономарёв В. Д.* Игрология досуга: феноменология и педагогическая технология игры // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 2. С. 13–17.
8. *Понукалина О. В.* Трансформация сферы досуга российского общества: социологический анализ. Саратов : Саратовский государственный технический университет, 2008. 102 с.
9. *Стеббинс Р. А.* Свободное время: к оптимальному стилю досуга (взгляд из Канады) // Социологические исследования. 2000. № 7. С. 64–72.
10. *Сукало А. А.* Культура детства: ресурсы противодействия манипулятивным практикам // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2019. № 1 (38). С. 156–162.
11. *Сукало А. А.* Профилактика насилия в современном социокультурном контексте // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2020. № 2 (43). С. 109–114.
12. *Шарковская Н. В.* Понятие «досуг» в контексте гуманитарного дискурса // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 5 (61). С. 100–106.
13. *Юдина А. И.* Факторы влияния на социализацию подростков в условиях трудной жизненной ситуации // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2013. № 24. С. 231–243.

14. Ярошенко Н. Н. Педагогические парадигмы теории социально-культурной деятельности : специальность 13.00.05 «Теория, методика и организация культурно-просветительной деятельности» : диссертация на соискание учёной степени доктора педагогических наук / Ярошенко Николай Николаевич ; Московский государственный университет культуры и искусств. Москва, 2000. 414 с.
15. Ярошенко Н. Н. Развивающая среда и социально-культурная деятельность: контекст сущностного единения педагогики и культуры // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2013. Том 195. С. 41–46.
16. Caton K. (2014) Underdisciplinarity: Where are the humanities in tourism education? *Journal of Hospitality, Leisure, Sport & Tourism Education*, 15:24–33.
17. Dumazedier J. (1962) *Vers une civilisation du loisir?* Paris, Éditions du Seuil: 319.
18. Edwin N. Torres (2020) Online-to-offline interactions and online community life cycles: a longitudinal study of shared leisure activity. *Leisure Sciences*, 42(1):32–50.
19. Eiji Ito, Angela Loucks-Atkinson, Shintaro Kono (2020) Introduction of the special issue “A Social Psychology of Leisure 2.0”. *Journal of Leisure Research*, 51(5):511–516.
20. Heintzman P. (2018) Leisure sciences and the humanities. *Leisure Sciences*, 40(1-2):36–42.
21. Hemingway J. L. (1988) Leisure and civility: Reflections on a Greek ideal. *Leisure Sciences*, 10:179–191.
22. Hemingway J. L. (1990) Opening windows on an interpretive leisure studies. *Journal of Leisure Research*, 22(4):303–308.
23. Long J. (2013) Research positions, postures and practices in leisure studies. *Routledge handbook of leisure studies*. Edited by Tony Blackshaw. Routledge:82–96.
24. Mayoh J., Jones I., Prince S. (2020) Women’s experiences of embodied identity through active leisure. *Leisure Sciences*, 42(2):170–184.
25. Parry D. C., Johnson C. W., Stewart W. (2013) Leisure research for social justice: A response to Henderson. *Leisure Sciences*, 35(1):81–87.
26. Pronovost G., D’Amours M. (1990) Leisure studies: A re-examination of society. *Loisir et Société / Society and Leisure*, 13(1):39–62.
27. Sylvester C. (1991) Recovering a good idea for the sake of goodness: An interpretive critique of subjective leisure. In: T. L. Goodale, P. A. Witt (Eds.) *Recreation and leisure: Issues in an era of change*. 3rd. ed. State College, PA: Venture: 441–454.
28. Sylvester C. (2013) Fiftieth anniversary: “Of time, work, and leisure.” *Journal of Leisure Research*, 45(2):253–258.
29. Webb E., Karlis G. (2017) Theoretical developments in leisure studies: A look at perceived freedom and intrinsic motivation. *Loisir et Société / Society and Leisure*, 40(2),268–283.

References

1. Ariarskii M. A. *Pedagogical cultural studies, in 2 volumes*. St. Petersburg, Publishing House “Koncert”, 2012. (In Russ.).
2. Bourdieu P. *Social space: fields and practices*. St. Petersburg, Moscow, Aletheia Publishing House, Publishing House of the Institute for Experimental Sociology, 2005. 576 p. (In Russ.).
3. Veblen T. B. *The theory of the leisure class*. Moscow, Progress Publishers, 1984. 367 p. (In Russ.).
4. Matsukevich O. Yu. Social and cultural approach in the context of pedagogical research of personality resocialization. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2012, no. 4 (48), pp. 105–110. (In Russ.).
5. Matsukevich O. Yu. *Theoretical and methodological foundations of social and cultural resocialization of the personality of unadapted people*. Moscow, Publishing House of the Moscow State University of Culture and Arts, 2014. 280 p. (In Russ.).
6. Olenina G. V. Space-time continuum of leisure activities and personality development in foreign research studies: theoretical and methodological analysis. *The world of science, culture and education*. 2014, no. 6 (49), pp. 203–208. (In Russ.).

7. Ponomarev V. D. Ludology of leisure: phenomenology and pedagogical technology of play. *The Bulletin of Kazan State University of Culture and Arts*. 2012, no. 2, pp. 13–17. (In Russ.).
8. Ponukalina O.V. *Transformation of the sphere of leisure of the Russian society: sociological analysis*. Saratov, Publishing House of the Saratov State Technical University, 2008. 102 p. (In Russ.).
9. Stebbins R. A. Leisure time: towards optimal leisure style (view from Canada). *Sotsiologicheskie issledovaniia*. 2000, no. 7, pp. 64–72. (In Russ.).
10. Sukalo A. A. Childhood culture: resources of counteraction manipulative practices. *Bulletin of Saint Petersburg State University of Culture*. 2019, no. 1 (38), pp. 156–162. (In Russ.).
11. Sukalo A. A. Prevention of violence in the contemporary sociocultural context. *Bulletin of Saint Petersburg State University of Culture*. 2020, no. 2 (43), pp. 109–114. (In Russ.).
12. Sharkovskaya N. V. The concept of “leisure” in the context of humanitarian discourse. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2014, no. 5 (61), pp. 100–106. (In Russ.).
13. Yudina A. I. Factors of influence on socialization of teenagers in the conditions of the difficult life situation. *Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts*. 2013, no. 24, pp. 231–243. (In Russ.).
14. Yaroshenko N. N. *Pedagogical paradigms of the theory of social and cultural activity*. Dr. ped. sci. diss. Moscow, 2000. 414 p. (In Russ.).
15. Yaroshenko N. N. Developing environment and social and cultural activity: the context of the essential unity of pedagogy and culture. *Proceedings of the St. Petersburg State University of Culture and Arts*. 2013, vol. 195, pp. 41–46. (In Russ.).
16. Caton K. (2014) Underdisciplinarity: Where are the humanities in tourism education? *Journal of Hospitality, Leisure, Sport & Tourism Education*, 15:24–33.
17. Dumazedier J. (1962) *Vers une civilisation du loisir?* Paris, Éditions du Seuil: 319.
18. Edwin N. Torres (2020) Online-to-offline interactions and online community life cycles: a longitudinal study of shared leisure activity. *Leisure Sciences*, 42(1):32–50.
19. Eiji Ito, Angela Loucks-Atkinson, Shintaro Kono (2020) Introduction of the special issue “A Social Psychology of Leisure 2.0”. *Journal of Leisure Research*, 51(5):511–516.
20. Heintzman P. (2018) Leisure sciences and the humanities. *Leisure Sciences*, 40(1-2):36–42.
21. Hemingway J. L. (1988) Leisure and civility: Reflections on a Greek ideal. *Leisure Sciences*, 10:179–191.
22. Hemingway J. L. (1990) Opening windows on an interpretive leisure studies. *Journal of Leisure Research*, 22(4):303–308.
23. Long J. (2013) Research positions, postures and practices in leisure studies. *Routledge handbook of leisure studies*. Edited by Tony Blackshaw. Routledge:82–96.
24. Mayoh J., Jones I., Prince S. (2020) Women’s experiences of embodied identity through active leisure. *Leisure Sciences*, 42(2):170–184.
25. Parry D. C., Johnson C. W., Stewart W. (2013) Leisure research for social justice: A response to Henderson. *Leisure Sciences*, 35(1):81–87.
26. Pronovost G., D’Amours M. (1990) Leisure studies: A re-examination of society. *Loisir et Société / Society and Leisure*, 13(1):39–62.
27. Sylvester C. (1991) Recovering a good idea for the sake of goodness: An interpretive critique of subjective leisure. In: T. L. Goodale, P. A. Witt (Eds.) *Recreation and leisure: Issues in an era of change*. 3rd. ed. State College, PA: Venture: 441–454.
28. Sylvester C. (2013) Fiftieth anniversary: “Of time, work, and leisure.” *Journal of Leisure Research*, 45(2):253–258.
29. Webb E., Karlis G. (2017) Theoretical developments in leisure studies: A look at perceived freedom and intrinsic motivation. *Loisir et Société / Society and Leisure*, 40(2),268–283.

*

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНО- КУЛЬТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

УДК 379.8(001.8)

<https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-597-136-144>

П. С. Ширинкин

Пермский государственный институт культуры, Пермь, Российская Федерация,

e-mail: Kafedra304@yandex.ru, ethnic1@yandex.ru

Аннотация: Рассмотрены изменения теоретико-методологических и практико-ориентированных подходов в социально-культурной деятельности. Выделены черты трансформации теории социально-культурной деятельности, которые в ближайшее время будут определять направленность и контекст теоретических исследований, посвящённых формированию методологии, учитывающей динамику и изменчивость внешней среды, национально-этнические, культурные и туристские особенности территорий, коммерциализацию отдельных направлений социально-культурной деятельности. Заметной особенностью методологических разработок сегодня является персонализация социально-культурной деятельности и разработка основ её интеграции в систему государственной культурной политики. Показано, что методология социально-культурной деятельности сегодня не может рассматриваться в отрыве от факторов внешней среды, которые являются своеобразными вызовами для методологии теории социально-культурной деятельности, и одновременно эти вызовы могут стать возможными направлениями развития. Показана возможность переноса методологических идей в практику на основе обоснования принципов и приоритетных направлений практической деятельности. Стратегию и тактику развития современной социально-культурной деятельности автор связывает с ориентацией социально-культурной деятельности на решение социокультурных проблем и повышение качества жизни населения.

Ключевые слова: методология социально-культурной деятельности, государственная культурная политика, стратегия социокультурного развития территории, факторы среды, нематериальные (символические ресурсы), семиотика, культурный туризм, этническая тематика, культурный ландшафт территории, эффективность, критерии качества.

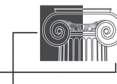
Для цитирования: Ширинкин П. С. Методологические ориентиры и направления развития современной социально-культурной деятельности // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 5 (97). С. 136–144. <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-597-136-144>

ШИРИНКИН ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ – кандидат географических наук, доцент, заведующий кафедрой социально-культурных технологий и туризма факультета культурологии и социально-культурных технологий Пермского государственного института культуры

SHIRINKIN PAVEL SERGEEVICH – PhD in Geography, Associate Professor, Head of the Chair of Social and Cultural Technologies and Tourism, the Faculty of Cultural Studies, the Perm State Institute of Culture

© Ширинкин П. С., 2020

METHODOLOGICAL GUIDELINES AND DIRECTIONS FOR THE DEVELOPMENT OF MODERN SOCIAL AND CULTURAL ACTIVITY

Pavel S. Shirinkin

Perm State Institute of Culture, Perm, Russian Federation, e-mail: Kafedra304@yandex.ru, ethnic1@yandex.ru

Abstract: Changes in theoretical-methodological and practice-oriented approaches in social and cultural activity are considered. Features of transformation of the methodology of the theory of social and cultural activity, which in the near future will determine the direction and context of theoretical studies, including the formation of a methodology that takes into account the dynamics and variability of external environment, national-ethnic, cultural and tourist features of the territories, the commercialization of certain areas of social and cultural activities. A notable feature of methodological developments today is the personalization of social and cultural activity and the development of the foundations for their integration into the system of state cultural policy. It is shown that the methodology of social and cultural activity today cannot be considered in isolation from the factors of the external environment, which is a kind of challenges for the methodology of the theory of social and cultural activity, and at the same time these challenges can become possible directions of development. The possibility of transferring methodological ideas into practice based on the substantiation of the principles and priority areas of practical activity is shown. The author connects the strategy and tactics of the development of modern social and cultural activity with the orientation of social and cultural activity to solve social and cultural problems and improve the quality of life of the population.

Keywords: methodology of social and cultural activity, state cultural policy, strategy of social and cultural development of the territory, environmental factors, intangible (symbolic resources), semiotics, cultural tourism, ethnic themes, cultural landscape of the territory, efficiency, quality criteria.

For citation: Shirinkin P. S. Methodological guidelines and directions for the development of modern social and cultural activity. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2020, no. 5 (97), pp. 136–144. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-597-136-144>

Современные теоретики и практики социально-культурной деятельности во многом единомышленны, отмечая необходимость дальнейшего развития и оптимизации методологической системы науки, целей и задач, стоящих перед отечественной социально-культурной деятельностью в первой трети XXI века. Современная методология социально-культурной деятельности получила достаточное обоснование в трудах известных специалистов в области философии, социологии, культурологии, педагогики. При этом отмечается, что современная социально-культурная сфера опосредована современными формами общественного сознания и общественных отношений, влияющими на качество социально-культурного

развития личности [9, с. 27]. И эта методологическая установка сегодня требует дальнейшего изучения взаимовлияния теоретико-методологических исследований и практического развития социально-культурной деятельности. Решению этой задачи в определённой мере посвящена данная статья.

Основным фактором, определяющим изменения теоретико-методологических и практико-ориентированных подходов в социально-культурной деятельности, на современном этапе становятся масштабные проекты в сфере культуры. Многие из них прямо или косвенно касаются не только практики социально-культурной деятельности, её функционирования и развития на местах, но и её методологии: «... си-

стема методологии социально-культурной деятельности переживает сложный период, связанный с культурными реформами в разных сферах искусства и перестройкой деятельности организации, методологической базы и ресурсных систем ряда социокультурных учреждений» [19]. При этом не вполне ясно, как методология социально-культурной деятельности будет соотноситься с масштабными государственными реформами в сфере культуры и в смежных с ней сферах? И главное – что в этой ситуации делать практикам на местах?

Отвечая на эти вопросы, важно отметить, что в соответствии с указом Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [16] разработан Национальный проект «Культура», реализация которого началась 1 января 2019 года. Нацпроект «Культура» включает три федеральных проекта: «Культурная среда», «Творческие люди» и «Цифровая культура». В рамках национального проекта «Культура» к 2024 году планируется масштабное развитие учреждений и инфраструктуры культуры. Всего на исполнение нацпроекта из бюджета в 2019–2024 годы планируется потратить 115,9 млрд рублей. При этом наибольшее финансирование предусмотрено для реализации федерального проекта «Культурная среда» – 80,8 млрд рублей. Однако в этом важном процессе необходима встречная инициатива «с мест» – и не только в желании участвовать в нацпроекте, но и в умениях и правильном выборе направлений и приоритетов развития отечественной культуры в населённых пунктах.

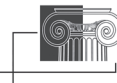
По различным причинам многие регионы недостаточно активно откликаются на общегосударственные проекты, идущие из федерального центра. В связи с этим Пре-

зидент России В. В. Путин заметил: «Национальная программа в сфере культуры должна получить сильное региональное измерение, стимулировать повышение качества и разнообразие культурной жизни в малых городах и посёлках страны» [14].

Комплекс проблем, стоящих перед большинством российских нестолических территорий, в целом типичен и отражается, безусловно, на качестве социально-культурной работы, что требует особой теоретико-методологической рефлексии. Методология социально-культурной деятельности должна способствовать разрешению проблем практики, иначе она превращается в своеобразную метатеорию, доступную только для узкого круга специалистов.

Полагаем, что, опираясь на мнение и работы современных отечественных учёных по вопросам методологии социально-культурной деятельности (Л. А. Аванесова, М. А. Ариарский [1], Л. А. Беляева, М. А. Беляев [2], Ю. А. Бессонова, О. В. Степанченко [3], И. В. Воробьёва [4], Е. И. Григорьева [5], А. Д. Жарков [6], А. В. Иванова [9], Т. Г. Киселёва, Ю. Д. Красильников [10], Р. А. Литвак [11], А. П. Марков, Г. М. Бирженюк [12], В. Е. Новаторов [15], Э. В. Соколов, Ю. А. Стрельцов [17], В. Я. Суртаев, Б. А. Титов, В. Е. Триодин, В. В. Туев, В. М. Чижиков, Н. Н. Ярошенко [25] и другие), можно определить следующие стратегические и тактические шаги для решения проблем практики.

1. Формирование методологии и практики, учитывающих динамику и изменчивость внешней среды: «... можно говорить, что социально-культурная деятельность присуща не только культурно-досуговым формам организации жизнедеятельности человека, но и социально-культурной сфере в целом, то есть пространству (под-

чёркивание автора. – П. Ш.), *организованному для реализации жизненно важных целей...*» [11, с. 18]. Со средой, культурным ландшафтом и стихией массовой культуры надо активно работать, признавая их полифакторность, многослойность, сложность: «... поскольку социальная среда, культура и деятельность человека существенным образом влияют на все стороны жизни современного общества, находятся во взаимозависимости и представляют собой элементы одной системы: человек – деятельность – среда – культура, культивируя новую жизненную среду, новые потребности, преобразуя личность, изменяя общество» [11, с. 18].

Внешняя среда учреждения культуры – это не только сфера борьбы за своего посетителя, гостя, но и возможность проведения различных мероприятий, которые станут своеобразными вызовами складывающейся негативной социальной ситуации, механизмами их купирования и оптимизации до позитивных состояний. «Социально-культурная деятельность – форма активного отношения к окружающей среде, социуму, предлагающая её целесообразное изменение и преобразование всеми формами, действиями, поступками, обеспечивая возможность для создания, трансляции и восприятия культурных ценностей» [6].

Возможно, XXI век станет эпохой борьбы и рационального взаимодействия социально-культурной деятельности с массовой культурой – за базовые ценности общества и человека вообще. А. Я. Флиер отметил две противоречивые тенденции относительно системности средств социокультурного воспроизводства. Первая утверждает, что средства способствуют адаптации к требованиям современного общества, накоплению социокультурного опыта, а вторая – что средства позволяют воспроизводить

этот опыт [18]. Здесь, вероятно, и лежит ответ на вопрос о взаимодействии с внешней средой: только её постоянный мониторинг, контроль, работа на упреждение, активная встречная реакция и прикладные, практические наработки в сфере социально-культурной деятельности, анализ получаемых отзывов посетителей помогут понять и оценить верность самих теоретико-методологических наработок.

2. Методологическое обоснование ориентации на национально-этнические, культурные и туристские особенности территорий: «Социально-культурная деятельность – это деятельность, связанная с трансляцией общенациональных ценностей как духовной основы социума, направленной на прогнозируемые содержательные критерии поликультурных тенденций социокультурной сферы общества» [9, с. 6]. У современного потребителя и посетителя социокультурных мероприятий чётко фиксируется значительный отложенный спрос на национально-этническую тематику [20].

3. Переосмысление процесса коммерциализации отдельных направлений социально-культурной деятельности, увеличение в ней доли и веса внебюджетной составляющей, основанной на персональном вкладе каждого работника в качестве критерия качества его работы и профпригодности: «Социальная сфера очень сильно меняется в сторону коммерческих предложений, так как имеет более высокие технологии реализации услуг по оказанию как консультативной помощи людям, так и в сфере организации их досуга» [9, с. 22]. Здесь необходимо учитывать объективность формирования экономики культуры (экономики впечатлений), а социально-культурной деятельности необходимо безотлагательно в неё включаться.

4. Обоснование процесса персонализации социально-культурной деятельности, то есть её организации на основе потребностей, запросов, мотивов, учёта сложной и динамичной психосоциальной структуры личности, развивающейся в условиях тотального давления массовой культуры [20]. Социально-культурная деятельность «объединяет человека, общество и природу, помогая разрешать противоречия между природным и социальным началами в человеке» [6, с. 161].

5. Теоретико-методологическая разработка основ интеграции социально-культурной деятельности в систему государственной культурной политики, в том числе за счёт конкретизации роли и важности личного участия в ней работников культуры. Без их персональных усилий никакая, даже самая эффективная политика в сфере культуры работать не будет. *«Культура наполняет социальную жизнь смыслом и ценностным содержанием, способствует совершенствованию социальных структур, влияет на все сферы государственной политики»* [6, с. 161].

Обобщая предложенные направления развития методологических исследований социально-культурной деятельности, следует подчеркнуть, что по разным причинам между теоретическими разработками и потребностями практики часто обнаруживается гносеологический разрыв.

Поэтому необходимо, хотя бы в общих чертах, наметить направления методологического развития социально-культурной деятельности и прикладные подходы, способные изменить формат работы учреждений культуры в современных условиях. Среди таких практических подходов, на наш взгляд, наиболее значимыми являются следующие.

1. Ориентация на эффективность взаимодействия учреждений культуры территории (населённого пункта): Дом культуры – этноцентр – музей – библиотека – индивидуальный предприниматель в сфере культуры – народные мастера и т.д. Координация должна осуществляться на основе критериев качества, гостеприимства, популярности, вовлечения в мероприятия жителей и гостей территории.

2. Ориентация на нематериальные (символические) ресурсы. При этом должна быть задействована системная триада «социально-культурная деятельность – семиотика – туризм», в которой точкой взаимодействия становится понятие «образ» [8]. Современный потребитель мыслит пространственными образами различной степени субъективности. Образы чрезвычайно многочисленны и являются, по сути, специфической особенностью восприятия человеком окружающего пространства. В культуре, от места к месту, от региона к региону, отчётливо заметна дифференциация и разнообразие, которые так привлекают гостей и туристов, поэтому вполне уместно использовать понятие «геокультура» [7]. Классическое понятие «нематериальные ресурсы» может быть заменено понятием «символические ресурсы», более полно отражающим объекты культурного наследия и социокультурные ресурсы в целом, распределённые в пространстве. В своём развитии символические ресурсы могут становиться имиджевыми страницами территории и населённого пункта, а далее – даже брендами. Работа с символическими ресурсами может способствовать как краткосрочным, так и долгосрочным целям развития территории, что в итоге позволит ей получить конкурентное преимущество, обеспечит вхождение в сферу экономики впечатлений.

3. Повсеместное внедрение в работу учреждений культуры приоритетов сервиса и гостеприимства, что сильно роднит социально-культурную деятельность и сферу туризма. Здесь важно отметить, что классическое понятие «посетитель», используемое в социально-культурной деятельности, нужно применительно к положительному и перспективному опыту, достигнутому в туризме, заменить на «гость». Этот термин как нельзя лучше подходит для нынешней социально-культурной деятельности, он более перспективен и гармоничен в использовании, отвечает современным требованиям качества, сервиса и гостеприимства при разработке и проведении социально-культурных мероприятий. Методологически точка соприкосновения социально-культурной деятельности и культурного туризма может находиться в понятиях «отдых» и «рекреация», и последнее видится нам наиболее подходящим.

4. Оптимизация работы в системе «культурный продукт» – специалисты социально-культурной деятельности должны понимать, что само по себе социокультурное мероприятие, акция, проект, фестиваль не является необходимым и достаточным и тем более законченным «продуктом». И по своим результатам и технологии подготовки «культурный продукт» включён в широкую социально-культурную систему. Здесь важно активно взаимодействовать с другими учреждениями, предприятиями и сферами социально-экономической среды. Речь идёт о питании гостей, их размещении, инфраструктуре, информатизации территории, вопросах безопасности и т.д., и т.п. Необходимо транслировать информацию о социокультурных событиях территории для потенциальных гостей; уметь использовать эффективные маркетинговые средства

доведения информации до потребителя; работать над повышением лояльности потребителей культурного продукта; постоянно расширять рынок социокультурных услуг; заниматься формированием благоприятного имиджа туристской территории и её репутации; развивать инициативу местного населения и т.д.

5. Информационное продвижение, PR и реклама социокультурной работы и мероприятий, которые могут быть успешно смоделированы при помощи обращения к изучению функционирования семиологических систем – пространственных мифов. Особую роль и значение в информационном обеспечении социально-культурной деятельности сегодня приобретают социальные сети, позволяющие эффективно осуществлять обратную связь, исследование и работу с потребителями [13].

6. Ориентация на новые направления и тенденции создания культурного ландшафта (муниципального района, городского округа, села) через частичную цифровизацию сферы культуры и социально-культурной деятельности.

Таким образом, изучение особенностей взаимовлияния теоретико-методологических исследований и практики позволило выявить важные черты трансформации методологии теории социально-культурной деятельности, которые в ближайшее время будут определять направленность и контекст теоретических исследований – формирование методологии, учитывающей динамику и изменчивость внешней среды, национально-этнические, культурные и туристские особенности территорий; коммерциализация отдельных направлений социально-культурной деятельности. Заметной особенностью методологических разработок сегодня является персонализация соци-

ально-культурной деятельности и разработка основ её интеграции в систему государственной культурной политики.

Методология социально-культурной деятельности сегодня не может рассматриваться в отрыве от факторов внешней среды, которые являются своеобразными вызовами для методологии теории социально-культурной деятельности, и одновременно эти вызовы могут стать возможными:

- факторами национально-культурного развития, которые связаны с национальными и этническими программами;
- факторами геополитического уровня, которые связаны с гражданским и правовым развитием личности;
- факторами социальными, определяющими направленность менеджмента и туризма, а также факторами сервиса, которые реализуют анимационные программы и их направления для различных возрастных категорий населения;
- факторами культурной и творческой самореализации личности, которые связаны с средой и микросферами, имеющими многочисленные направления в системе организации досуговой деятельности человека;
- факторами информационного направления, рассматривающие организацию досуга в системе Интернет [19].

Одновременно нами показана возможность «транспонирования», то есть

переноса методологических идей на уровень организации практической деятельности учреждений культуры. Такой перенос методологических идей осуществляется в ходе выбора принципов и приоритетных направлений практической деятельности, что обеспечивается глубокой теоретической рефлексией современной практики [22].

Методологически значимыми являются направления теоретического обоснования практики эффективного взаимодействия учреждений культуры, их ориентации на нематериальные (символические) ресурсы, повсеместное внедрение приоритетов сервиса и гостеприимства.

Отечественная социально-культурная деятельность – это не только мощный ресурс и консолидирующий фактор для страны и её населения, но и, возможно, чрезвычайно эффективный инструмент для новой экономики культуры. Также социально-культурная деятельность уже давно заявила о себе как о действенном средстве решения многих социальных проблем, направляя свои усилия на снижение преступности, национально-этнической напряжённости, на повышение качества жизни, сохранение преемственности поколений, истории, культурного наследия, этнической самобытности, на формирование патриотизма и простого, но важного желания жить на своей земле.

Список литературы

1. *Ариарский М. А.* Прикладная культурология : [монография] / Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств, Ассоциация музеев России. 2-е издание, исправленное и дополненное. Санкт-Петербург : Эго, 2001. 287 с.
2. *Беляева Л. А., Беляева М. А.* Социально-культурная деятельность: структурно-функциональная модель // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2013. № 1 (33). С. 68–74.
3. *Бессонова Ю. А., Степанченко О. В.* Понятийно-терминологическая система социально-культурной деятельности : учебное пособие. Санкт-Петербург : Лань ; Планета музыки, 2017. 160 с.
4. *Воробьёва И. В.* Социально-культурная деятельность. Минск : ГИУСТ БГУ, 2009. 106 с.

5. Григорьева Е. И. и др. Современные технологии социально-культурной деятельности : учебное пособие. Тамбов : Издательство Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина, 2002. 280 с.
6. Жарков А. Д. Методологии социально-культурной деятельности // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 5 (72). С. 160–163.
7. Замятин Д. Н. Культура и пространство. Моделирование географических образов. Москва : Знак, 2006. 488 с.
8. Замятин Д. Н. Образ страны // Известия РАН. Серия географическая. 1997. № 4.
9. Иванова А. В. и др. Социально-культурная деятельность: инновационная методология / Иванова А. В., Сабаева А. М., Турханова Р. И., Шамсутдинова Д. В. Казань, 2020.
10. Киселёва Т. Г., Красильников Ю. Д. Социально-культурная деятельность : учебник. Москва : МГУКИ, 2004. 539 с.
11. Литвак Р. А. Методология интеграции и системный подход к социально-культурной деятельности // Современная высшая школа: инновационный аспект. 2016. Том 8. № 1 (31). С. 17–24.
12. Марков А. П., Бирженюк Г. М. Основы социокультурного проектирования : учебное пособие. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов, 1998. 361 с. : табл. (Библиотека гуманитарного университета / Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов ; Вып. 6).
13. Митин И. И. Мифогеография: новые механизмы интерпретации пространства // *Communitas / Сообщество*. 2005. № 2. С. 12–25.
14. Национальный проект «Культура» [Электронный ресурс]. URL: <https://culture.gov.ru/about/national-project/about-project/>
15. Новаторов В. Е. Социально-культурный маркетинг: история, теория, технология. Санкт-Петербург : Лань ; Планета музыки, 2015. 384 с.
16. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года : указ Президента Российской Федерации от 07 мая 2018 года № 204 // Российская газета. Федеральный выпуск. 2018. № 97 (75 601).
17. Стрельцов Ю. А. Культурология досуга. Москва : МГУКИ, 2002. 178 с.
18. Флиер А. Я. Образование // Культурология. XX век : энциклопедия : в 2 томах / главный редактор, составитель С. Я. Левит. Санкт-Петербург : Университетская книга, 1998.
19. Шамсутдинова Д. В., Турханова Р. И., Иванова А. В. Методология социально-культурных исследований в условиях межпредметных связей // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 3. С. 102–109.
20. Ширинкин П. С. Перспективы использования «символических» ресурсов в практике регионального туризма и социокультурной деятельности // Социальная семиотика: точки роста : сборник статей / научный редактор Г. Л. Тульчинский. Санкт-Петербург : Скифия-Принт, 2020. С. 46–50.
21. Ширинкин П. С. Роль и значение символических ресурсов в развитии современных социокультурных практик // Индустрия досуга: теоретические подходы и актуальные практики : коллективная монография / авторский коллектив : Н. Н. Ярошенко, Т. Н. Суминова и др. ; под научной редакцией Н. Н. Ярошенко ; Московский государственный институт культуры. Москва : МГИК, 2020. С. 29–36.
22. Ярошенко Н. Н. Педагогика и культурология в контексте интеграции и дифференциации научного знания // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2013. № 4 (54). С. 76–83.
23. Ярошенко Н. Н. Развивающая среда и социально-культурная деятельность: контекст сущностного единения педагогики и культуры // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2013. Том 195. С. 41–46.

References

1. Ariarskii M. A. *Applied culturology*. 2nd edition. St. Petersburg, Publishing House “Ego”, 2001. 287 p. (In Russ.).

2. Belyaeva L. A., Belyaeva M. A. Social and cultural activity: structural-functional model. *Bulletin of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts*. 2013, no. 1 (33), pp. 68–74. (In Russ.).
3. Bessonova Yu. A., Stepanchenko O. V. *Conceptual and terminological system of social and cultural activity*. St. Petersburg, Publishing House “Lan”, Publishing House “Music Planet”, 2017. 160 p. (In Russ.).
4. Vorobeva I. V. *Social and cultural activity*. Minsk, 2009. 106 p. (In Russ.).
5. Grigorieva E. I. et al. *Modern technologies of social and cultural activity*. Tambov, Publishing House of Tambov State University named after GR Derzhavin, 2002. 280 p. (In Russ.).
6. Zharkov A. D. Methodology of socio-cultural activities. *The world of science, culture and education*. 2018, no. 5 (72), pp. 160–163. (In Russ.).
7. Zamyatin D. N. *Culture and space. Modeling geographic images*. Moscow, Publishing House “Znak”, 2006. 488 p. (In Russ.).
8. Zamyatin D. N. The image of the country. *Izvestiya RAN (Akad. Nauk SSSR). Seriya Geograficheskaya*. 1997, no. 4. (In Russ.).
9. Ivanova A. V. et al. *Social and cultural activity: innovative methodology*. Kazan, 2020. (In Russ.).
10. Kiseleva T. G., Krasilnikov Yu. D. *Social and cultural activity*. Moscow, Publishing House of the Moscow State University of Culture and Arts, 2004. 539 p. (In Russ.).
11. Litvak R. A. Integration methodology and system approach to social and cultural activities. *Contemporary higher education: innovative aspects*. 2016, vol. 8, no. 1 (31), pp. 17–24. (In Russ.).
12. Markov A. P., Birzhenyuk G. M. *Fundamentals of social and cultural design*. St. Petersburg, Publishing House of the Saint-Petersburg University of the humanities and social sciences, 1998. 361 p. (In Russ.).
13. Mitin I. I. Mythogeography: new mechanisms of space interpretation. *Communitas / Community*. 2005, no. 2, pp. 12–25. (In Russ.).
14. *National project “Culture”*. Available at: <https://culture.gov.ru/about/national-project/about-project/> (In Russ.).
15. Novatorov V. E. *Social and cultural marketing: history, theory, technology*. St. Petersburg, Publishing House “Lan”, Publishing House “Music Planet”, 2015. 384 p. (In Russ.).
16. On national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period up to 2024: Decree of the President of the Russian Federation of May 7, 2018 No. 204. *Rossiyskaya Gazeta. Federal issue*. 2018, no. 97 (75 601). (In Russ.).
17. Streltsov Yu. A. *Culturology of leisure*. Moscow, Publishing House of the Moscow State University of Culture and Arts, 2002. 178 p. (In Russ.).
18. Flier A. Ya. Education. In: Levit S. Ya., ed. *Culturology. XX Century: an Encyclopedia. In 2 volumes*. St. Petersburg, University Book Publishing House, 1998. (In Russ.). (In Russ.).
19. Shamsutdinova D. V., Turkhanova R. I., Ivanova A. V. Methodology of socio-cultural research in conditions of interdisciplinary relations. *Bulletin of Kazan State University of Culture and Arts*. 2019, no. 3, pp. 102–109. (In Russ.).
20. Shirinkin P. S. Prospects for the use of “symbolic” of resources in the practice of regional tourism and social and cultural activity. In: Tulchinskii G. L., ed. *Social semiotics: growth points*. St. Petersburg, Publishing House “Skithia-Print”, 2020. Pp. 46–50. (In Russ.).
21. Shirinkin P. S. The role and significance of symbolic resources in the development of modern social and cultural practices. In: yaroshenko N. N., Suminova T. N., eds. *Leisure industry: theoretical approaches and actual practices: collective monograph*. Moscow, Publishing House of the Moscow State Institute of Culture, 2020. Pp. 29–36. (In Russ.).
22. Yaroshenko N. N. Pedagogy and cultural studies in the context of integration and differentiation of scientific knowledge. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2013, no. 4 (54), pp. 76–83. (In Russ.).
23. Yaroshenko N. N. Developing environment and social and cultural activity: the context of the essential unity of pedagogy and culture. *Proceedings of the St. Petersburg State University of Culture and Arts*. 2013, vol. 195, pp. 41–46. (In Russ.).

*

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ СОВРЕМЕННОГО ВУЗА: ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

УДК 378.18(001.4)+351.858

<https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-597-145-150>

Т. В. Зайцева

Кемеровский государственный институт культуры, Кемерово, Российская Федерация, e-mail: tan4716@yandex.ru

Аннотация: В статье представлен терминологический анализ различных научно-теоретических подходов к определению понятия «социально-культурные практики вуза». Анализ социально-философской и социологической литературы, изучение подходов к использованию термина в отечественной педагогике и образовании позволили автору говорить об употреблении данного понятия в современном обществе в контексте характеристики нового качественного уровня организации социально-культурной деятельности студентов как в стенах вуза, так и в социуме. Сделан вывод о значении вовлечения в социально-культурные практики вуза студенческой молодёжи с дальнейшим осмыслением полученного опыта с теоретико-методологической точки зрения. Показано, каким образом это сказывается на формировании значимых качеств студента, необходимых для реализации современных требований общества к профессиональной деятельности будущих специалистов.

Ключевые слова: социально-культурная деятельность, социально-культурные практики, молодёжь, студенты, вуз.

Для цитирования: Зайцева Т. В. Социально-культурные практики современного вуза: терминологический аспект // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 5 (97). С. 145–150. <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-597-145-150>

SOCIAL AND CULTURAL PRACTICES OF A MODERN UNIVERSITY: TERMINOLOGICAL ASPECT

Tatiana V. Zaitseva

Kemerovo State Institute of Culture, Kemerovo, Russian Federation, e-mail: tan4716@yandex.ru

Abstract: The article presents a terminological analysis of various scientific and theoretical approaches to the definition of the concept of “social and cultural practices of the University”. The analysis of social and philosophical and sociological literature, the study of approaches to the use of the term in domestic pedagogy and education, allowed the author to speak about the use of this concept in modern society in the context of the characteristics of a new qualitative level of organization of social and cultural

---

ЗАЙЦЕВА ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА – старший преподаватель кафедры социально-культурной деятельности факультета социально-культурных технологий Кемеровского государственного института культуры

ZAITSEVA TATIANA VLADIMIROVNA – Senior Teacher of the Department of Social and Cultural Activities, the Faculty of Social and Cultural Technologies, the Kemerovo State Institute of Culture

© Зайцева Т. В., 2020

activities of students both within the walls of the University and in society. The conclusion is made about the importance of involving students in the social and cultural practices of the University with further understanding of the experience gained from a theoretical and methodological point of view in the formation of significant qualities of the student necessary to meet the modern requirements of society for the professional activities of future specialists.

Keywords: social and cultural activity, social and cultural practices, youth, students, universities.

For citation: Zaitseva T. V. Social and cultural practices of a modern University: terminological aspect. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2020, no. 5 (97), pp. 145–150. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-597-145-150>

Требования современного производства к профессиональным и личностным качествам специалиста, закреплённые в профессиональных стандартах, тенденции развития рынка труда, отражённые в исследованиях Агентства стратегических инициатив, требуют создания условий внутри вуза, способствующих развитию у студентов «над-профессиональных» компетенций, которые позволят им самостоятельно принимать решения в постоянно меняющихся ситуациях. В перечне требований работодателя к молодому специалисту не последнее место занимает его адаптивность, способность работать в команде, стремление к самообразованию и саморазвитию. Вышесказанное позволяет утверждать, что направленность вуза на поиск наиболее оптимальных механизмов развития личностного потенциала студента, формирования опыта практической деятельности в течение всего периода его обучения позволяет повысить конкурентоспособность будущего выпускника.

На протяжении всего обучения студенты стремятся участвовать в различных проектах, акциях, культурно-досуговых мероприятиях и т.д., реализуемых внутри вуза и за его стенами, позволяющих как приобрести социально-культурный опыт, так и попробовать себя в будущей профессии. В научных публикациях, описывающих опыт вуза по вовлечению студентов в данные

виды активности, часто употребляется понятие «социально-культурные практики вуза», что, в свою очередь, делает актуальным терминологический анализ этого понятия. Уточнение границ понятия не только поможет избежать разночтений в понимании исследуемой проблемы, но и позволит наиболее эффективно оценить возможности использования социально-культурной практики как педагогической технологии в реализации задач вуза по подготовке специалиста, отвечающего требованиям современного общества.

Представление об обществе, состоящем из практик как активных действий человека в социуме, предложил в конце XX века французский социолог П. Бурдьё. Именно практики, согласно Бурдьё, дают возможность индивиду осуществлять поиск вариантов решения житейских проблем, оставаясь в рамках институциональных полей, которые различаются нормами, правилами, а также поставленными целями. При этом Бурдьё, описывая возможности различных институтов для создания шаблонов социального поведения, отмечает первичную роль системы образования.

В российской науке термин «социально-культурные практики» стал предметом самостоятельного исследования сравнительно недавно. В социально-философской и социологической литературе феномен

социальных практик характеризуется как «... обеспечение устойчивости человеческого развития ... а также гармонии человека с природой» [1]. Так, по мнению И. В. Глушко, социально-культурные практики как форма социальной практики направлена на максимальное развитие возможностей личности видоизменять традиционные формы жизнедеятельности, наполняя их новым содержанием.

Можно предположить, что активное использование в отечественной педагогике и образовании понятия «социально-культурные практики» является не слепым использованием популярного в современных реалиях термина, а обоснованной необходимостью визуализации общественного предназначения вуза. Прежде всего это отражается в подходах к определению данного понятия. Так, И. М. Миннехаметова, осуществляя поиск наиболее оптимальных средств формирования профессионально значимых качеств аниматора, рассматривает социально-культурные практики как «содержание и результат социально-культурной деятельности студентов во взаимодействии друг с другом и окружающей действительностью» [5, с. 11]. При этом автор под социально-культурными практиками имеет в виду не только активные действия, направленные на взаимодействия студентов, но и сами социально-культурные формы, которые возникают в результате такого взаимодействия. М. Г. Семенова, считает, что социально-культурная практика является средством «формирования активной личности как высшей ценности общества» [7, с. 3].

Именно социально-культурная практика переводит студента из объекта воспитания в субъект свободного выбора, который осуществляется в пределах одобряемых гражданских позиций, путём вклю-

чения студенческой молодёжи в значимые социально-культурные процессы общества. Раскрывая сущность социально-культурных практик современного общества, М. С. Николаев определяет их как «... творческую, созидательную деятельность, при которой преобразование общественных и духовных условий человеческого бытия сопровождается изменением самих субъектов» [6]. Д. В. Шамсутдинова в своих работах уточняет, что данные практики основаны на использовании новых технических и технологических возможностей современного общества, поэтому социально-культурную практику уместнее рассматривать не как саму деятельность, а как «... систему вовлечения молодёжи в технологические уровни и связи социально-культурной среды, опосредованной социальными возможностями мультимедиа» [9, с. 117].

Наиболее полно раскрыт и продолжительное время используется термин «социально-культурные практики» в теории социально-культурной деятельности. Так, изучая феномен социально-культурной деятельности, А. В. Соколов отмечает, что социально-культурная практика является одним из основополагающих понятий прикладной культурологии, и относит к социально-культурным практикам любую форму активности человека, организованную в социально-культурной системе с целью включения в контекст культурных и социальных процессов общества. А. В. Соколов считает, что совокупность социально-культурных практик составляет единую систему, направленную на создание и потребление культурных ценностей в рамках организации как формальной и неформальной социально-культурной деятельности, так и индивидуально-культурной деятельности [8]. При этом сегодня к социально-куль-

турным практикам относят не любую форму активности, а осмысленную и целенаправленную. Такой вид активности проявляется только в масштабных событиях и организуется в рамках значительных социальных общностей [2].

Однако Г. Х. Калимуллина и Д. Д. Калимуллин, изучая социально-культурные практики постинформационного общества как элемент социально-культурной деятельности, приходят к выводу, что негативные изменения, которые происходят в современном обществе («кризис традиционной культуры», «информационное “загрязнение” среды обитания человека» и пр. [4]), требуют пересмотра содержания деятельности специалистов, инициирующих различные социально-культурные практики.

Не вызывает сомнений то, что термин «социально-культурные практики», который в течение длительного времени являлся одним из основополагающих в теории социально-культурной деятельности, продолжает уточняться в других науках. Так, в 2012 году К. П. Иванов, проводя философско-методологический анализ социально-культурной практики, использует для определения этого понятия формулировку, которую предложил в 2002 году В. В. Туев, характеризуя предметное поле термина «социально-культурная деятельность» [3]. Тождественность понятий «социально-культурная практика» и «социально-культурная деятельность», используемая в исследовании К. П. Иванова, на наш взгляд, даёт основание предположить, что сегодня мы можем говорить о переходе социально-культурной деятельности на новый качественный уровень функционирования в современном обществе в формате социально-культурных практик. Вышеуказанное позволяет считать, что под *социально-культурными прак-*

тиками вуза следует понимать не просто процесс создания и передачи от поколения к поколению культурных ценностей, а *организационные и самоорганизационные процессы деятельности, направленные на конструирование новой реальности, и управляемые данными процессами.*

Однако следует отметить, что современный молодой человек характеризуется высоким уровнем потребительской культуры, что, в свою очередь, отражается на предпочтениях выбора социально-культурных практик, способствующих удовлетворению потребности в сиюминутных удовольствиях, ярких эмоциях. М. С. Николаев считает, что гедонистический подход к выбору практик может привести к искажению духовно-нравственной сути самих социально-культурных практик [6]. Следовательно, необходимым условием при организации социально-культурной практики вуза является мотивирование студенческой молодёжи к выбору таких видов деятельности, которые не только способны удовлетворить их личностные культурные потребности, но и направлены на изменение качественной организации различных процессов их жизнедеятельности через управление процессами самоорганизации, самоопределения, самовоспитания и самообразования.

Таким образом, организация учебно-воспитательного процесса современного вуза – это не только эффективное сочетание аудиторной (лекции, семинары, практические занятия и т.д.) и внеаудиторной (подготовка к занятиям, выполнение контрольных и курсовых работ и прочих учебных заданий) занятости студента, но и усиление роли участия студентов в социально-культурных практиках вуза. А это, в свою очередь, делает актуальным совместное участие студентов и педагогов вуза в разра-

ботке и реализации социально-культурных проектов различной направленности, как в рамках решения учебных задач, так и в рамках воспитательной деятельности. Однако при инициировании совместных социально-культурных практик в вузе необходимо понимать, что главной целью практики является создание ранее не используемых в социуме форм и видов деятельности, которые направлены на создание, развитие и передачу культурных ценностей.

Социально-культурные практики для студента – это своеобразная форма самоутверждения, так как именно участие в подобных практиках даёт ему возможность продемонстрировать свои креативные возможности, утвердить жизненные позиции и ценности. Для студенческой молодёжи социально-культурные практики становятся особым стилем жизни, наполненным знаковыми системами, способствующими проводить социальную идентификацию членов определённого сообщества. В вузе должны быть организованы социально-культурные практики, направленные как на включение студентов вуза в субкультурное творчество всего российского студенчества, так и на формирование уникальной системы ценностей, норм и смыслов, идентифицирующих принадлежность студентов к конкретному вузу.

Следовательно, социально-культурные практики вуза должны быть направлены

не только на организацию досуга студенческой молодёжи, но и на управление процессом обучения и воспитания, а также организацию и управление творческой деятельностью всех участников социально-культурных проектов. Задачей вуза становится активное вовлечение студенческой молодёжи в процессы моделирования, программирования, организации социально-культурной практики, поиска механизмов эффективного управления этой сферы. Всё это требует от преподавателей вуза не столько вовлекать студенческую молодёжь в предложенные социально-культурные практики в качестве пассивных участников, сколько обучать их продуктивной организации данных видов практики. Корректировка требований, предъявляемых к социально-культурным практикам вуза, напрямую зависит от изменений, которые происходят в социальной и общественной жизни государства, но они прежде всего должны быть направлены на повышение мотивации студентов к самостоятельному поиску решений проблемы, на выработку чувства ответственности за свои действия, навыков эффективного взаимодействия с другими людьми и руководства основополагающими процессами деятельности. А это, в свою очередь, даст возможность студентам, усваивая культурные ценности общества, развивать свой социальный, культурный и интеллектуальный потенциал.

Список литературы

1. Глушко И. В. Осмысление феномена социальных практик и возможностей их развития // Общество: философия, история, культура. 2011. № 1-2. С. 32–36.
2. Зимбули А. Е. Этические основания социокультурной практики // Гуманитарный вектор. Серия: Философия, культурология. 2013. № 2 (34). С. 48–53.
3. Иванов К. П. Деятельность и мышление в философско-методологическом анализе социокультурной практики // Logos et Praxis. 2012. № 3. С. 111–115.
4. Калимуллина Г. Х., Калимуллин Д. Д. Социокультурные практики в условиях постинформационного общества // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2016. № 2. С. 135–138.

5. Миннехаметова И. М. Социально-культурные практики как средство формирования профессионально-значимых качеств аниматора : специальность 13.00.05 «Теория, методика и организация социально-культурной деятельности» : автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата педагогических наук / Миннехаметова Илхамия Мансуровна ; Казанский государственный университет культуры и искусств. Казань, 2013. 21 с.
6. Николаев М. С. Воспроизводство потребительских социально-культурных практик в современном обществе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2010. № 4. С. 23–26.
7. Семенова М. Г. Педагогические функции социально-культурной практики как средства формирования гражданской культуры студенческой молодёжи : специальность 13.00.05 «Теория, методика и организация социально-культурной деятельности» : автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата педагогических наук / Семенова Марина Геннадьевна ; Казанский государственный университет культуры и искусств. Казань, 2012. 23 с.
8. Соколов А. В. Феномен социально-культурной деятельности. Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, 2003. 203 с. (Новое в гуманитарных науках ; Вып. 10).
9. Шамсутдинова Д. В., Турханова Р. И., Иванова А. В. Формирование досуговых компетенций личности в условиях социально-культурной практики высшего учебного учреждения // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 6 (86). С. 115–122.

References

1. Glushko I. V. Understanding the phenomenon of social practices and opportunities of their development. *Society: Philosophy, History, Culture*. 2011, no. 1-2, pp. 32–36. (In Russ.).
2. Zimbuli A. E. Ethical bases of sociocultural practice. *Humanitarian Vector (Gumanitarnyi Vektor)*. 2013, no. 2 (34), pp. 48–53. (In Russ.).
3. Ivanov K. P. Activities and thinking in the philosophical-methodological analysis of socio-cultural practices. *Logos et Praxis*. 2012, no. 3, pp. 111–115. (In Russ.).
4. Kalimullina G., Kalimullin D. Socio-cultural practices in a post-informational society. *Bulletin of Kazan State University of Culture and Arts*. 2016, no. 2, pp. 135–138. (In Russ.).
5. Minnekhametova I. M. *Social and cultural practices as a means of forming professionally significant qualities of an animator. Synopsis cand. ped. sci. diss.* Kazan, 2013. 21 p. (In Russ.).
6. Nikolaev M. S. Replication of consumer socio-cultural practices in the contemporary society. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy*. 2010, no. 4, pp. 23–26. (In Russ.).
7. Semenova M. G. *Pedagogical functions of social and cultural practice as a means of forming a civic culture of student youth. Synopsis cand. ped. sci. diss.* Kazan, 2012. 23 p. (In Russ.).
8. Sokolov A. V. *Phenomenon of social and cultural activity*. St. Petersburg, Publishing House of the Saint-Petersburg University of the humanities and social sciences, 2003. 203 p. (In Russ.).
9. Shamsutdinova D. V., Turkhanova R. I., Ivanova A. V. The formation of individual's leisure competencies in the conditions of higher education institution's social and cultural practice. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2018, no. 6 (86), pp. 115–122. (In Russ.).

*

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КУЛЬТУРНОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ В ШКОЛЬНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММАХ

УДК 37+351.858

<https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-597-151-158>

В. С. Коренная

Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, Москва, Российская Федерация, e-mail: korenvs@mail.ru

Аннотация: В статье отражены результаты исследования, целью которого является разработка методики репрезентации культурного и природного наследия в школьных образовательных программах для научной и информационной поддержки его популяризации. Разработанная методика даёт свод современной информации и знаний о культурном и природном наследии России, представляет алгоритм формирования учебного методического и дополнительного материала по охране и использованию наследия, способствует получению обширной справочной информации, что особенно существенно для обогащения культурного процесса и образования. Предлагаемая методика позволяет решить задачи классификационного отбора объектов культурного наследия для информационного наполнения содержания образовательных программ в области культурного и природного наследия. Формирование единой методики создаёт возможность её дальнейшего использования различными образовательными учреждениями.

Ключевые слова: культурное и природное наследие, методика, школьные образовательные программы.

Для цитирования: Коренная В. С. Репрезентация культурного и природного наследия в школьных образовательных программах // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 5 (97). С. 151–158. <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-597-151-158>

REPRESENTATION OF CULTURAL AND NATURAL HERITAGE IN SCHOOL EDUCATIONAL PROGRAMS

Valentina S. Korennaya

D. S. Likhachev Russian Institute of Cultural and Natural Heritage, Moscow, Russian Federation, e-mail: korenvs@mail.ru

Abstract: The article reflects the results of a study, the purpose of which is to develop a methodology for representing the cultural and natural heritage in school educational programs for scientific and informational support of its popularization. The developed methodology provides a set of modern

---

КОРЕННАЯ ВАЛЕНТИНА СЕРГЕЕВНА – аспирант Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва

KORENNAYA VALENTINA SERGEEVNA – PhD student at the D. S. Likhachev Russian Institute of Cultural and Natural Heritage, Moscow, Russian Federation

© Коренная В. С., 2020

information and knowledge about the cultural and natural heritage of Russia, presents an algorithm for the formation of educational methodological and additional material on the protection and use of heritage, contributes to obtaining extensive reference information, which is especially important for enriching the cultural process and education. The proposed methodology allows solving the problems of the classification selection of cultural heritage objects for information content of the content of educational programs in the field of cultural and natural heritage. The formation of a unified methodology creates the possibility of its further use by various educational institutions.

Keywords: cultural and natural heritage, methodology, school educational programs.

For citation: Korennaya V. S. Representation of cultural and natural heritage in school educational programs *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2020, no. 5 (97), pp. 151–158. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-597-151-158>

Восприятие культурного и природного наследия в качестве уникального феномена, оказывающего большое влияние на жизнь общества и отдельного человека, обуславливает стремление к его сохранению.

В настоящее время технологии сохранения культурного наследия направлены не только на отдельные объекты культуры и истории, но и на культурное пространство как формы целостного сбережения и использования наследия.

Наследие, как культурное, так и природное, отражая индивидуальность социума, играет значимую роль в сохранении самобытности различных культур. Являясь общественным благом и обладая доступностью для применения, оно способствует повышению качества жизни общества и способно нейтрализовать негативные эффекты глобализации в межкультурной коммуникации. Следовательно, меры по популяризации наследия, в том числе через образовательное пространство, являются необходимым условием получения новых качеств культурной личности.

Реализация таких мер сдерживается недостаточным развитием научной, методической и информационной базы, включающей весь комплекс данных об объектах наследия тех или иных территорий, а поэтому и неразработанностью целостной

географической картины состояния культурного пространства как свода объёмов знаний о наследии, накопленных за периоды его изучения.

Актуальность использования в школьных дисциплинах информации о культурном и природном наследии заключается в необходимости осознания учащимися неразрывной связи своего места рождения и проживания с единым социокультурным процессом развития страны.

Таким образом, популяризация знаний о наследии через школьные образовательные программы позволит расширить основные принципы и подходы к пониманию самого наследия, развить представление о нём как об отражении исторического опыта взаимодействия социума и природы, реализовать территориальный подход к анализу наследия, его охране и использованию как органической части комплекса современных социально-культурных территориальных процессов.

Новизна и актуальность проблематики ставит перед разработчиками задачу выработки адекватного отображения в школьном образовательном пространстве широкого диапазона культурологических категорий в их разнообразных интерпретациях, а также поиска новых методических решений. Такого рода работа одновремен-

но становится импульсом для научного и общественного продвижения в области популяризации культурного и природного наследия.

Существующее состояние сюжетов школьных образовательных программ, включающих материалы о наследии, говорит о том, что их формирование осуществляется образовательными учреждениями без учёта приоритетов культурной политики, что приводит к неструктурированному, произвольному наполнению учебных программ. Это связано ещё и с тем фактом, что объекты природы и культуры в соответствии с развитием научных знаний о наследии вошли в содержание школьных дисциплин в разное время. Отсутствие прозрачных и системных критериев, необходимых для решения указанных проблем, определило цель данного исследования, которой является разработка методики представления культурного и природного наследия в школьных образовательных программах для научной и информационной поддержки его популяризации.

Дизайн исследования предполагает на первом этапе через изучение мониторинговых образовательных процедур выявить конкретные проблемы, связанные с информационной поддержкой объектов наследия, рассматриваемых в школьных образовательных программах. На втором этапе – сформировать типовую классификацию наследия для методики представления культурного и природного наследия в школьных образовательных программах.

В рамках изучения вопроса на первом этапе были проанализированы научные работы, посвящённые данной проблематике, а также образовательные мониторинги, реализуемые в разные годы в рамках проекта «Социальный навигатор» МИА «Россия

сегодня», мониторинговые исследования в сфере образования, а также Общероссийский рейтинг школьных сайтов [см.: 1; 7; 8].

Ведущее место в работах, посвящённых методике изучения природного и культурного наследия в школьных предметах, занимают методы, определяющие самоидентификацию, личностное культурное развитие обучающихся (М. Н. Безлепкин, Т. И. Боровкова, Л. Ванюшкина, Н. Ф. Винокурова, Е. Коробкова, А. В. Крюков, И. А. Морев, Ю. С. Путрик, О. В. Смирнова, А. П. Соловьёв, П. Е. Царьков) [см.: 1–3; 5; 6 9; 10].

При этом оценка текущего состояния проводимых мониторинговых процедур в области представленности вопросов природного и культурного наследия в разных дисциплинах школьного образования показала, что их методическое оформление осуществлено только в работе исследователей Института Наследия имени Д. С. Лихачёва И. И. Горловой, О. И. Бычковой, Н. А. Костиной «Информационный мониторинг представленности объектов культурного и природного наследия в содержании школьных образовательных программ» [4], где дана методика вычисления интегрального коэффициента, характеризующего степень представленности объектов наследия в содержании образовательных программ, разработан рейтинг представленности для образовательных программ, включающих информацию о природном и историко-культурном наследии региона.

Отсутствие необходимых данных или реалистичных методов их получения для выборки, репрезентативной для всей страны и каждого региона в отдельности, делает процедуру проведения информационного мониторинга достаточно сложной и по объёмным показателям выборки, и по организационным требованиям. Поэтому в даль-

нейшем исследовании мы изменили содержание информационного мониторинга и подкрепили гипотезу исследования о несистемном, хаотичном представлении сведений о наследии в школьных образовательных программах на основе мониторинга участников Общероссийского рейтинга школьных сайтов.

В данном случае под мониторингом представленности наследия в образовательных программах мы понимаем единовременное наблюдение за размещением на официальных сайтах образовательных учреждений, являющихся победителями Общероссийского рейтинга школьных сайтов, материалов о содержании образовательных программ, содержащих информацию о культурном и природном наследии.

Участники рейтинга 2018 года из 85 регионов Российской Федерации подали 6 501 заявку. Впоследствии к экспертизе были допущены 2 559 заявок из 72 субъектов РФ, из них официальные сайты общеобразовательных учреждений составили 1 066 заявок [7]. Победители рейтинга – сайты высокого уровня с достоверной информацией – нами были обследованы с применением мониторингового замера на предмет представленности культурного и природного наследия в школьных образовательных программах. В мониторинге участвовала Гимназия № 1538 (Москва), Гимназия № 21 (Электросталь), Гимназия № 3 (Ивантеевка, Московская область), Свердловская школа (Алтайский край), Школа № 2051 (Москва), Школа № 2120 (Москва), Школа № 3 (Котельники, Московская область), Школа № 61 (Севастополь), Школа № 618 (Санкт-Петербург), Школа № 7 (Ивантеевка, Московская область).

Мониторинг представленности наследия в образовательных программах прово-

дился по следующим уровням образования: начальное (1–4 классы), основное (5–9 классы), среднее (10–11 классы). Выявлено, что популяризация культурного наследия среди учащихся общеобразовательных учебных заведений происходит, как правило, на уроках истории, географии, музыки, рисования, литературы.

В ходе информационного мониторинга установлено, что сложившаяся система формирования образовательных программ не учитывает изменившуюся художественную картину мира, которая оказывает сильнейшее воздействие на воспитание и становление личности школьников. Наблюдается несистемное использование материалов о культурном наследии в учебном процессе с точки зрения формирования научных представлений о достижениях в области культуры и искусства. Отсутствует методика актуализации наследия России, предусматривающая критерии и механизмы включения информации о наследии в образовательный оборот, не сформированы меры соответствующего продвижения образов наследия.

Полученные в ходе мониторинга результаты позволили выделить задачу следующего этапа исследования, заключающуюся в разработке научной базы отбора информации о наследии для представления её в школьных предметных образовательных программах, поскольку выбранные объекты наследия на исследуемый период не имели какой-либо логической структуры, не были классифицированы, отбор их в основном был случайным.

Так, например, если представлен значимый для области наследия термин «памятник», то необходимо выяснить, что это такое (поскольку в разное время в его определение вкладывалось разное значение,

базирувавшееся на законодательстве соответствующих лет), и дальнейшее соответствие термина в работе с информацией для образовательных программ.

Если понятие «памятник» соответствует терминологии законодательства, то тогда обязательным к использованию должно быть упоминание терминов «ансамбль» и «достопримечательное место». Таким образом в школьных программах будут показаны подходы, отвечающие современным представлениям об объектах культурного наследия народов Российской Федерации.

Федеральный закон РФ № 73-ФЗ [11] также подтверждает, что отдельный объект культурного наследия может представлять ценность с точки зрения истории, археологии, архитектуры, градостроительства, искусства, науки и техники, эстетики, этнологии или антропологии, социальной культуры. Данную классификацию наследия мы считаем основной для формирования методики представления культурного и природного наследия в школьных образовательных программах.

Установленный вышеуказанным законом принцип выделения памятника (как «точечного» объекта), ансамбля (как комплексного) и достопримечательного места (как пространственного объекта) объективны с научной точки зрения. Вместе с тем он не совсем понятен учителям общеобразовательных учреждений, которые ищут и рассматривают объекты наследия в основном по их функциональным группам.

Своего рода культурный портрет любого региона также исходит из богатства и разнообразия функциональных групп памятников. Поэтому целесообразно именно этот принцип взять за основу классификации.

Если же классификация не придерживается строго законодательных рамок, а оперирует обыденными представлениями о видах культурного наследия, то и в этом случае не понятно, почему в школьных программах выбраны те или иные единицы наследия. Например, в образовательных программах нет таких значимых для России объектов, как поля исторических сражений, дворянские усадьбы, дворцово-парковые ансамбли, не упоминаются общественные организации, связанные с культурным наследием, не выделен «Список объектов всемирного наследия ЮНЕСКО», расположенных на территории Российской Федерации. Такая случайность выбора отмечается практически во всех учебных курсах. Фактически вместо осознанного выбора по какому-либо понятному признаку (например, объекты культурного наследия, имеющие федеральное значение, либо равное представительство разных регионов России, либо отбор по заключению экспертов) данный выбор происходит на основе имеющегося у учителя материала.

Предлагаемая методика представления культурного и природного наследия в школьных образовательных программах предполагает использование классификационной системы, позволяющей, с одной стороны, охватить всё многообразие понятий и терминов, характеризующих наследие, а с другой – создать удобную для использования типологию входящих в него объектов.

Для решения данной задачи всё наследие может рассматриваться с помощью нескольких классификационных систем в соответствии:

- с законодательством;
- со значимостью объекта наследия;

- с функциональными особенностями объекта наследия.

Современное российское и международное законодательство основывается на представлении о сложности объекта, его вещественном составе и пространственных параметрах. В такой классификации выделяются памятники (одиночные объекты наследия), ансамбли (локальные целостные комплексы объектов наследия), достопримечательные места (территориальные объекты, обладающие значительными пространственными параметрами).

В последние десятилетия во многих странах мира, помимо археологического, архитектурного, исторического наследия и памятников монументального искусства, выделяются объекты инженерно-технического наследия, военно-исторического, морского наследия. Эта тенденция чётко проявляется и в России. Также следует отметить, что объекты культурного наследия входят в состав особо охраняемых природных территорий, которые в Российской Федерации выделены на основе соответствующего закона [10].

Таким образом, наследие в содержании образовательных программ может быть представлено в следующей укрупнённой структуре:

- материальное культурное наследие, куда войдёт археологическое, архитектурное, инженерно-техническое, военно-историческое, морское наследие и памятники монументального искусства;

- нематериальное культурное наследие;
- особо охраняемые природные территории.

Для России одним из самых значимых направлений международной деятельности в сфере сохранения культурно-исторического и природного достояния является

участие в Конвенции ЮНЕСКО «Об охране всемирного культурного и природного наследия» [12]. Данный документ предусматривает особые меры по сохранению наиболее ценных культурных памятников (всемирное культурное наследие), природных достопримечательностей (всемирное природное наследие), а также объектов смешанного (или культурно-природного) наследия, которые являются результатом творчества человека и природы. По своему характеру (основному объекту охраны) российские объекты всемирного культурного наследия также сильно разнятся: они включают шедевры мировой архитектуры, уникальные дворцово-парковые ансамбли и монастырские комплексы, выдающиеся памятники древнерусского деревянного зодчества, старинные фортификации, ценные культурные ландшафты. Актуализированная информация о данных объектах должна стать обязательной частью школьных образовательных программ, формирующих компетенции по наследию.

Предложенная методика представления культурного и природного наследия в школьных образовательных программах позволяет решить ещё одну очень значимую задачу. На её примере возможна отработка механизма отслеживания состояния объектов культурного наследия, расположенных на удалённых территориях, который может быть реализован в рамках краеведческих экскурсий, разработанных для школьных учебных программ. При посещении объектов наследия и обнаружении ситуации их разрушения, школьники и учителя могут предоставлять оперативную информацию в органы, занимающиеся охраной культурного и природного наследия.

В исследовательской работе проанализированы общие подходы включения

материалов об объектах наследия в школьные образовательные программы. В связи с этим подробно изучен наработанный опыт формирования материалов по тематике наследия, проведён самостоятельный мониторинг по наполнению образовательных программ информацией о наследии. Результаты анализа и предварительные разработки позволяют сделать следующие выводы.

Предлагаемое в настоящее время содержание образовательных программ не имеет чёткой классификации объектов наследия, а наполнение существующих школьных курсов в рамках изучения наследия является случайным. Кроме того, информация по большинству объектов даётся небрежно, на основе имеющегося у учителя материала.

Наследие в структуре образовательных программ необходимо рассматривать в соответствии с современным законодательством в сфере культуры. Разработанная ме-

тодика представленности культурного и природного наследия в школьных образовательных программах даёт свод современной информации и знаний о культурном и природном наследии России, представляет алгоритм формирования учебного методического и дополнительного материала по охране и использованию наследия, способствует получению обширной справочной информации, что особенно существенно для обогащения культурного процесса и образования.

Предлагаемая методика позволяет решить задачи классификационного отбора объектов культурного наследия для информационного наполнения содержания образовательных программ в области культурного и природного наследия. Формирование единой методики создаёт возможность её дальнейшего использования различными образовательными учреждениями.

Список литературы

1. Боровкова Т. И., Морев И. А. Мониторинг развития системы образования. Владивосток : Издательство Дальневосточного университета, 2004. 150 с.
2. Ванюшкина Л., Коробкова Е. Многоканальная модель освоения культурного наследия // Искусство. 2011. № 3. С. 7–11.
3. Винокурова Н. Ф. Культурно-экологический подход в модернизации географического образования // Теория и методика обучения географии (вопросы научно-методического обеспечения регионального компонента общего образования) : материалы межвузовской научно-практической конференции : сборник статей / Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена ; научный редактор Соломин В. П. Санкт-Петербург : Тесса, 2004. С. 12–15.
4. Горлова И. И., Бычкова О. И., Костина Н. А. Информационный мониторинг представленности объектов культурного и природного наследия в содержании школьных образовательных программ // Информационные ресурсы России. 2017. № 2 (156). С. 39–41.
5. Крюков А. В. Культурное наследие: проблемы освоения и использования в контексте современной государственной культурной политики [Электронный ресурс] // Наследие веков. 2017. № 3. С. 38–46. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2017/09/2017_3_Kryukov.pdf
6. Методика оценки эффективности и результатов работы по патриотическому воспитанию в учреждениях культуры / М. Н. Безлепкина и др. Москва, 2012. 96 с.
7. Общероссийский рейтинг школьных сайтов [Электронный ресурс]. URL: <http://rating-web.ru>
8. Павлов И. Ю., Голубева Е. Г., Голубев В. О. Мониторинг официальных сайтов органов власти [Электронный ресурс]. Санкт-Петербург, 2011. URL: <http://infometer.org/monitoring/metodika/vvedenie>
9. Путрик Ю. С., Соловьёв А. П., Царьков П. Е. Культурное и природное наследие как важный фактор патриотического воспитания молодёжи в Российской Федерации [Электронный ресурс]

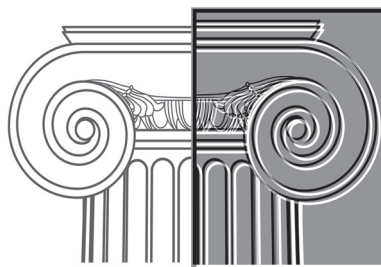

// Журнал Института наследия : сетевое научное рецензируемое издание : [сайт]. 2015. № 2. URL: <http://nasledie-journal.ru/ru/journals/2/21.html>

10. Смирнова О. В. Методологические основы изучения природного и культурного наследия в школьном геоэкологическом образовании в контексте устойчивого развития // Вестник Мининского университета. 2014. № 2. С. 20–26.
11. Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25.06.2002 № 73-ФЗ (редакция от 24.04.2020). [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/
12. Федеральный закон «Об особо охраняемых природных территориях» от 14.03.1995 № 33-ФЗ (редакция от 31.07.2020) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6072

References

1. Borovkova T. I., Morev I. A. *Monitoring the development of the education system*. Vladivostok, Far Eastern University Publishing House, 2004. 150 p. (In Russ.).
2. Vanyushkina L., Korobkova E. Multichannel model of cultural heritage development. «*Iskusstvo*». 2011, no. 3, pp. 7–11. (In Russ.).
3. Vinokurova N. F. Cultural and ecological approach to modernize geographical education. In: Solomin V. P., ed. *Theory and methodology of teaching geography (issues of scientific and methodological support of the regional component of general education): materials of the interuniversity scientific and practical conference*. St. Petersburg, Publishing House “Tessa”, 2004. Pp. 12–15. (In Russ.).
4. Gorlova I. I., Bychkova O. I., Kostina N. A. Information monitoring the representation of objects of cultural and natural heritage in the content of school educational programs. *Information Resources of Russia*. 2017, no. 2 (156), pp. 39–41. (In Russ.).
5. Kryukov A. V. Cultural heritage: problems of development and use in the context of modern state cultural policy. *Nasledie Vekov*. 2017, no. 3, pp. 38–46. Available at: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2017/09/2017_3_Kryukov.pdf (In Russ.).
6. Bezlepkina M. N. et al. *Methodology for assessing the effectiveness and results of work on patriotic education in cultural institutions*. Moscow, 2012. 96 p. (In Russ.).
7. *All-Russian rating of school sites*. Available at: <http://rating-web.ru> (In Russ.).
8. Pavlov I. Yu., Golubeva E. G., Golubev V. O. *Monitoring of official websites of authorities*. Available at: <http://infometer.org/monitoring/metodika/vvedenie> (In Russ.).
9. Putrik Yu., Solovyev A., Tsarkov P. The use of cultural and natural heritage as an important factor of moral and patriotic education of youth in the Russian Federation. *The Heritage Institute Journal*. Available at: <http://nasledie-journal.ru/ru/journals/2/21.html> (In Russ.).
10. Smirnova O. V. Metodologicheskie foundations for the study of natural and cultural heritage in the school of geoecological education in the context of sustainable development. *Vestnik of Minin University*. 2014, no. 2, pp. 20–26. (In Russ.).
11. Federal Law “On Cultural Heritage Objects (Historical and Cultural Monuments) of the Peoples of the Russian Federation” dated June 25, 2002 No. 73-FZ (as amended on April 24, 2020). Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/ (In Russ.).
12. Federal Law “On Specially Protected Natural Areas” dated March 14, 1995 No. 33-FZ (as amended on July 31, 2020). Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6072 (In Russ.).

КУЛЬТУРА
В ЭПОХУ
ЦИФРОВИЗАЦИИ

ЦИФРОВОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО КОНТЕНТА В УСЛОВИЯХ «НОВОЙ НОРМЫ» ДИСТАНЦИРОВАННОГО МИРА

УДК 351.85+124.5

<https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-597-160-169>

О. В. Шлыкова

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС),
Москва, Российская Федерация, ORCID: 0000-0002-2568-3624, e-mail: olgashlykova@yandex.ru

Аннотация: В работе поднимается тема связи «аналоговых» пользователей с технологиями цифровой цивилизации в условиях вынужденной нормы дистанцированного мира. Отмечены, с одной стороны, процессы активизации использования открытых ресурсов, с другой – производства нового типа контента культурно-досуговой деятельности и социального взаимодействия. Приводится статистика ущерба, нанесённого пандемией COVID-19 для сферы развлечений и досуга, а также показатели потребления цифровых культурных ресурсов и сервисов, онлайн-трансляций в условиях неопределённости. Утверждается, что именно учреждения культуры, выполняя свою высокую гуманистическую миссию, в чрезвычайно сложных обстоятельствах проявили свою мобильность в создании и разработке востребованного контента, его продвижении в дистанционном режиме. Материал подкреплён результатами экспертных опросов и пилотных исследований, проведённых на начальном этапе пандемийного периода аналитическим центром НАФИ, Mediascope и другими. Автор акцентирует внимание на таких трендах, как разнообразие мобильного и интерактивного потребления, расширение границ и круга пользователей за счёт онлайн-взаимодействия, получение новых знаний и навыков овладения цифровых компетенций у сотрудников учреждений культуры, транслирующих новые типы контента, и у его публики.

Ключевые слова: цифровое потребление, новый культурный контент, культура на карантине, нормы дистанцированного мира.

Благодарности: Статья подготовлена в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема № FZNF-2020-0001 «Историко-культурные традиции и ценности в контексте глобальной истории»).

Для цитирования: Шлыкова О. В. Цифровое потребление культурного контента в условиях «новой нормы» дистанцированного мира // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 5 (97). С. 160–169. <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-597-160-169>

ШЛЫКОВА ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА – доктор культурологии, профессор, заместитель директора Научно-образовательного центра «Гражданское общество и социальные коммуникации» Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС)

SHLYKOVA OLGA VLADIMIROVNA – D.Sc. in Cultural Studies, Full Professor, Vice-Director of Research and Education Center for Civil Society and Social Communication, Institute of Public Administration and Civil Service, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)

© Шлыкова О. В., 2020

DIGITAL CONSUMPTION OF CULTURAL CONTENT IN THE CONTEXT OF THE “NEW NORMAL” OF THE DISTANCED WORLD

Olga V. Shlykova

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA),
Moscow, Russian Federation, ORCID: 0000-0002-2568-3624, e-mail: olgashlykova@yandex.ru

Abstract: The paper raises the topic of the connection of “analog” users with the technologies of digital civilization in the conditions of the forced norm of the distanced world. On the one hand, the processes of increasing the use of open resources are noted, on the other, the production of a new type of content for cultural and leisure activities and social interaction. The article provides statistics on the damage caused by the COVID-19 pandemic to the entertainment and leisure sector, as well as indicators of the consumption of digital cultural resources and services, online broadcasts in conditions of uncertainty. It is argued that cultural institutions, fulfilling their high humanistic mission, in extremely difficult circumstances showed their mobility in creating and developing popular content, promoting it remotely. The material is supported by the results of expert surveys and pilot studies conducted at the initial stage of the pandemic period by analytic centers of Mediascope, NAFI and others. The author focuses on such trends as the diversity of mobile and interactive consumption, the expansion of the boundaries and the circle of users through online interaction, the acquisition of new knowledge and skills of mastering digital competencies among employees of cultural institutions that broadcast new types of content, and its public.

Keywords: digital consumption, new cultural content, quarantined culture, norms of the distanced world.

Acknowledgements: The work was prepared at the State Academic University for the Humanities (GAUGN) within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (topic number FZNF-2020-0001 “Historical and cultural traditions and values in the context of global history”).

For citation: Shlykova O. V. Digital consumption of cultural content in the context of the “new normal” of the distanced world. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2020, no. 5 (97), pp. 160–169. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-597-160-169>

Современная эпоха характеризуется сменной парадигм в сфере культуры, что влечёт за собой изменение основных функций культуры и искусства, переход от традиционной просветительской функции к доминанте культурно-развлекательной, от общества массового потребления вещей и услуг к обществу потребления новых переживаний и энергии впечатлений средствами прежде всего цифровых коммуникаций и современных медиаплатформ [5]. Это определённым образом влияет и на формат медиапотребления как способ социализации, форму саморазвития.

Очевидно, что данные трансформации фиксируют принципиально иное состояние и уровень развития информационного общества, в основе которого высвечиваются новая методология, информационное мировоззрение, соответствующие цифровой эпохе, меняющие образ жизни и типы коммуникативных практик, формы соответствующего потребительского поведения.

Как отмечают ведущие исследователи в области медиа, современная культура всё больше отличается приматом аудиовизуальной, «звукоразительной» коммуникации [1].

Технологические достижения времени (комфорт в управлении, использовании информации, оперативности коммуникации и трансляции цифровых потоков) также существенно отражают свойства как социального, так и антропологического характера, имея прямое отношение к человеку и его бытию. «Это позволяет рассматривать современную эпоху как особую среду обитания и среду созидания человека, пространство, в котором аудиовизуальные и коммуникационно-цифровые технологии не просто влияют на характер и направленность деятельности человека и социума, но становятся основными, определяющими цели и смыслы этой деятельности и человеческой жизни» [4, с. 47].

Развитие аудиовизуальных коммуникативных инструментов – особенно кино, телевидения и разнообразных аудиовизуальных форм коммуникации, раскрученных эпохой Интернета, не только принципиально изменило возможности работы с аудиовизуальным контентом. Оно стремительно трансформировало механизмы воспроизводства культуры [1, с. 14], показав, что мы имеем дело не с цифровым фасадом, а с кардинальными трансформациями культуры цифровой эпохи.

Тотальная трансграничность и данных, и технологий стала вызовом и с точки зрения безопасности, и с точки зрения уровня компетенций, необходимых для овладения информационно-коммуникативными потоками [12, с. 20].

Аудиовизуальные, «звукорительные» формы коммуникации, некогда считавшиеся принципиально новыми формами существования культуры и человека в культуре, стали привычным явлением, в котором есть свои ярко выраженные специфические черты:

1) они комфортны в плане восприятия информации, схватываются мгновенно, не требуют глубокого «вдумчивого чтения»;

2) если традиционный текст требует «расшифровки» материала и включённости читателя в процесс погружения и считывания информации, аудиовизуальная форма коммуникации менее притязательна, зрителю достаточно слушать и получать впечатления от увиденного. Поскольку «сам текст отсылает к тому, что субъект должен “декодировать”, аудиовизуальная форма не требует декодирования, она понятна ... всё уже представлено за субъекта (перед субъектом)» [4, с. 22];

3) подвергаясь воздействию потоков больших данных, человек не всегда может ориентироваться в изобилии легкодоступных фактов и сведений, отличить нужные знания от информационного спама.

Такая ситуация позволяет рассматривать новые формы на медиарынке в качестве накопителей преимущественно эмоционального опыта, но при этом фиксировать риски развития у зрителя приглушённой активности и отсутствие полноценной ответной реакции в режиме реального времени, фрагментарность смешанной информации. Поэтому двойственность аудиовизуальных форм, вызывает, с одной стороны, эффект «расширения органов чувств» (по М. Маклюэну), с другой – тормозит формирование компетенций созидательного, деятельного участия зрителя, его органичной включённости в процессы социализации, познания картины мира.

Растущий потенциал глобального Интернета и социальных сетей представляет угрозу для традиционных институций культуры. В связи с этим новым научным направлением современных исследований является осмысление логики когнитивных

процессов под воздействием новой цифровой среды. «Междисциплинарный подход позволяет понять и раскрыть типы культур, которые “схлестнулись”, но в ускользящей реальности всё же продолжают функционировать то параллельно, то время от времени перетекая друг в друга» [13, с. 119].

Принципиальным отличием турбулентного общества со смешанными технологиями, «ускользающей» методологией исследования является культурная среда, существенно меняющаяся под воздействием информационных потоков, которые порождают новые типы контента: виртуальные туры, онлайн-коллекции, оцифрованные книжные ресурсы и т.д. Растущая актуальность проблем отвечает динамично растущей сложности культурных и информационных потребностей современных пользователей, задачам регулирования трансграничных потоков информации и данных, формирования ответственного отношения к созданию, использованию и распространению информации.

Период тотального погружения современного общества в цифровые, онлайн-коммуникации в условиях пандемии COVID-19 особенно остро обнажил вынужденные тренды и новые культурные нормы, выступил импульсом для беспрецедентных по своему масштабу изменений и неопределённостей, которые повально охватили все стороны жизни общества, продолжая корректировать систему связей культуры повседневности, деловых и политических практик. Достаточно устойчивая по своей природе сфера культуры и искусства оказалась обречённой на поиски адекватных запросам времени способов сокращения дистанции со своими зрителями – потребителями культурных ресурсов и услуг. Иными словами, «... самоизоляция стала неким кон-

центратом, сформировавшим новую реальность бытия, направившую рефлексию масс в русло освоения инновационных технологий. Эти признаки проявились не только в росте потребления информации традиционных и новых видов медиа, но и в массовом освоении информационно-коммуникативных технологий, компьютерных программ, обеспечивающих как личностную, так и массовую коммуникацию» [11, с. 144]. В связи с этим активизировались и стремительно вмонтировались в реальную реальность онлайн-кабинеты, технологии виртуальной, дополненной и смешанной реальности, платформенные решения, основанные на блокчейне, программы для онлайн-общения, проведения видеоконференций и учебных занятий, такие как Zoom, Microsoft Teams и многие другие. Стала злободневной проблема, как связать «аналоговых» граждан с открытым правительством, с культурными услугами и ресурсами средствами цифровых технологий, платформ, онлайн-коммуникаций.

Потребление цифровой информации, по данным Mediascope, в первую неделю карантина значительно увеличилось. В крупных городах с населением более 100 тыс. человек наблюдался некий всплеск медиапотребления, время обращения к новым лентам Интернета выросло на 73% [2]. Однако если в первое время люди готовы были потреблять всю имеющуюся информацию в больших количествах (и независимо от источников), то в последующие этапы пандемийного периода пользователи научились отсеивать нужную информацию.

Во Всероссийской онлайн-конференции «Адаптация учреждений культуры к работе в период пандемии. Возможности расширения их присутствия в онлайн-среде», которая была инициирована лабора-

торией «Территория культуры» Госкорпорации Росатом и состоялась в апреле 2020 года, приняли участие более 136 экспертов: министры культуры и первые заместители министров Калужской, Московской, Мурманской, Пензенской, Свердловской областей, Ямало-Ненецкого округа, Республики Бурятия, Республики Саха (Якутия), а также начальники управлений и департаментов культуры, зам. глав городов, руководители учреждений культуры и ведущие специалисты почти из 20 регионов России, в том числе городов закрытых административно-территориальных образований. На ней в ходе пятичасового обсуждения была дана культурологическая оценка «вызовов» современного мира, высвечены нормативно-правовые барьеры, особенно ощутимые в период пандемии COVID-19, организационно-технологические проблемы учреждений культуры регионов в форс-мажорных обстоятельствах и стресса, обобщены первые действенные шаги и выходы из тупиков, онлайн-взаимодействия учреждений культуры с аудиторией на начальном этапе самоизоляции. Отмечено, что именно учреждения культуры, выполняя свою высокую гуманистическую миссию, в чрезвычайно сложных обстоятельствах проявили мобильность в создании и разработке цифровых ресурсов культуры, их продвижении в дистанционном режиме¹.

Каждая сфера культуры, искусства, досуга и развлечений в поисках способов выживания начала с инвентаризации своих ресурсов, оптимизации деятельности и выявления резервов для другого, ранее малоизвестного формата взаимодействия.

¹ См.: <https://www.youtube.com/watch?v=pmDjvkgieH4>; https://www.youtube.com/watch?v=m_YtO4yw7nc

Среди таких форм можно назвать онлайн-интервью с актёрами, прямой эфир в «сторис» с подключениями коллег, заготовленными вопросами и онлайн-вопросами в чате, доступ к архивам спектаклей прошлых лет на сайтах театров, видеовоспоминания, онлайн-концерты, литературные чтения на «удалёнке» и т.п. Онлайн-кинотеатры стали лидерами в сфере развлечений и досуга. Российские зрители в период самоизоляции привыкли к легальному просмотру кино и сериалов, предоставленных бесплатно в Сети, различным лекциям и мастер-классам, тем более что доступ к ресурсам был простимулирован многочисленными промоакциями онлайн-кинотеатров и тем, что на интернет-платформах появилось огромное количество высококачественных онлайн-трансляций, оригинальные шоу, дополняющих продукцию официального телевидения. Например, сатирический «Последний министр» на «Кинопоиске HD» или открытый разговор о жизни в провинции «Чижи» на more.tv.

Первым разрушительным действием для кинематографистов стали отмены весенних фестивалей – «South by Southwest» в США, Каннского фестиваля во Франции и многих других. В истории Каннского фестиваля были перерывы, связанные с военными событиями, трудностями политического и экономического характера (назначенный на 1939 год фестиваль не состоялся из-за начала Второй мировой войны, в 1968 году – из-за общенациональных забастовок, которые парализовали французскую экономику), но в 2020 году глобальное распространение COVID-19 нанесло удар всей системе социальных коммуникаций. Масштабы потерь трудно измерить и прогнозировать в ближайшей перспективе.

По расчётам экспертов, кризис на начало марта 2020 года только для киноиндустрии должен был обойтись в 5 млрд долларов США, но совокупный объём потерь для кинотеатральной индустрии приближается к 40 млрд [3]. И если в Ухане в 2019 году за 20 новогодних дней китайские кинотеатры заработали 1,5 млрд долларов США, то в 2020-м прибыль составила всего 3,9 млн [15]. Примерно аналогичные потери и в других странах – в Италии, Испании, затем на Ближнем Востоке.

В целом же, по оценкам ЮНЕСКО, капитализация мировой культуры составляет 2,25 трлн. долларов США. Всего в отрасли занято почти 30 млн человек, которые предпринимали самые различные меры в разных странах, чтобы поддержать эту сферу экономики и население в период эпидемии [7].

Закрытие кинотеатров способствовало выходу фильмов на стриминговых платформах и сервисах видео по запросу. Студия Universal сделала возможным домашний просмотр лент «Человек-невидимка», «Охота» и «Эмма», когда они ещё шли в пока работающих кинотеатрах, а комедию Джадда Апатоу «Король Стейген-Айленда» сразу выпустила онлайн. Этому примеру последовали и многие независимые студии. На выпуск картин сразу в Сети решились и российские производители, несмотря на традиционно «токсичное» отношение к онлайн-показам из-за пиратства.

Пандемия простимулировала дальнейшее укрепление позиций стриминговых платформ в современной киноиндустрии, а также в практике музеев и галерей, театрах. В регионах России, как показывает опрос руководителей учреждений культуры, спрос на электронные ресурсы вырос в первые недели пандемии на 100–120 % [14].

Нельзя не отметить, что в период пандемии именно библиотеки, которые, имея опыт цифровизации, предоставили свои ресурсы и услуги, первыми отреагировав на информационные потребности населения. Три четверти национальных библиотек в мире обновили свои цифровые сервисы.

Государственная библиотека Нового Южного Уэльса провела опрос публичных библиотек штата относительно их онлайн-активности во время карантина, отметив, что доля библиотек, предлагающих онлайн-курсы программирования, возросла с 12% до 86%. Доступ к оцифрованным книгам и виртуальным выставкам предоставили библиотеки Франции, Испании и других стран.

В период пандемии одни библиотеки (а в федеральных и региональных библиотеках 44 субъектов России имеются электронные каталоги на собственные фонды) предоставляли зарегистрированным читателям право удалённого доступа ко всем документам из собственной электронной библиотеки, другие – строго соблюдали авторское право. Бесплатный доступ к документам Национальной электронной библиотеки получили пользователи портала «Госуслуги».

С конца марта 2020 года народ, сидящий в изоляции, массово обратился к искусству. Французский музей Лувр, который является наиболее посещаемым в мире (до 10 млн посетителей в год, рекордная цифра 2018 года), благодаря проведению онлайн-выставок, столкнулся с четырёхкратным увеличением онлайн-подключений, число которых возросло до 400 тысяч в день [6]. Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина зафиксировал увеличение посетителей на главной странице сайта на 65%, а длительность посещения – на 38%. Только за первый карантинный

месяц обращение к виртуальным турам музея составило 1 521% в сопоставлении допандемийным периодом [7, с. 28].

Флешмоб #tussenkunstenquarantaine, который был инициирован в карантинном марте Музеем Гетти (Калифорния), открыл для публики новый формат выставочной деятельности, связанный с воссозданием известных картин на основе использования доступных дома предметов. Эта акция захватила многие страны, в том числе и Россию.

Отметим, что в этой связи обострилась тема, связанная с построением целостной и вместе с тем многоаспектной системы показателей-индикаторов, отражающей реальное состояние дел в области цифрового потребления ресурсов культуры, которая в том числе позволит выявить уязвимые маркетинговые стратегии, открыть новые горизонты продвижения востребованных форм культурно-досуговой деятельности и социального взаимодействия.

Вынужденная изоляция доказала и то, что предлагаемые в онлайн культурные ресурсы и услуги вполне можно создавать без сложных логистических процессов и многочисленной команды. Проекты, транслируемые на карантине при помощи Zoom и мобильных камер, вышли далеко за пределы географических границ и стен привычных учреждений. Это касается не только мегаполисных проектов, но и небольших и даже закрытых городов.

Так, за 8 дней карантина в Новоуральске Свердловской области состоялось 949 мероприятий с охватом посетителей в 320 032 человек¹.

¹ Программа «Культурный акцент» Новоуральской вещательной компании от 16 апреля 2020 года. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=VHOBS3Wr0J0>

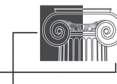
Запущенный новоуральцами проект «Культурный Новоуральск» в режиме нон-стоп (в котором утром зарядка, а на ночь сказка с актёрами из театра «в домашних тапочках» и многие другие инновации) доказал, что можно за один день выполнить норму годового муниципального задания и создать в городе атмосферу эмоционального заряда и информационного наслаждения.

Пандемия заметно простимулировала дальнейшее укрепление позиций стриминговых платформ в современной арт-индустрии.

С развитием нового этапа цифрового потребления культурных ресурсов и услуг музеям, галереям, экспозиционным центрам, научным лабораториям цифровой гуманитаристики приходится разрабатывать стратегии привлечения и сохранения аудитории в условиях неопределённости, стремительно развивающихся новых форматов досуговых и творческих институций. Учреждения столкнулись с проблемой повышенных ожиданий и усложняющихся информационных капризов всё более технически подкованной публики и снижающейся способностью осваивать подлинные ценности из-за информационного перенасыщения среды.

Коммуникационные смыслы культурных практик, их ценностно-смысловая нагрузка актуализировали проблему формирования медиаграмотности и цифровых компетенций как у специалистов сферы культуры, создающих и транслирующих новые форматы взаимодействия, так и у пользователей культурных ресурсов и сервисов.

Как показывают результаты исследований, проведённых Аналитическим центром НАФИ, каждый третий россиянин на самоизоляции посвятил свободное время обра-

зованию или саморазвитию. Больше других обучались молодые люди в возрасте от 18 до 24 лет (59% против 36% в допандемийный период в среднем по стране). При этом акцент был сделан на освоение или повышение цифровых компетенций (отдельных платформ, образовательных онлайн-сервисов, программ по созданию уникального контента и других) [8, с. 53].

Стимулируя появление новых технологий, привлекательность инвестиций в культуру и искусство, человеческий капитал в виде приобретённых качеств, знаний и информации, образованности и квалификации кадров выступает эффективным фактором устойчивого развития страны, её успешного экономического роста и процветания. При этом компетенции становятся стратегическим ресурсом, ориентированным на удовлетворение возрастаю-

щих культурных потребностей и творческую реализацию человека в различных видах деятельности (научной, образовательной, производственной, профессиональной, досуговой и пр.).

Онлайновые коммуникации в сфере культуры стали одним из основных трендов периода пандемии COVID-19. Библиотеки, музеи, театры, кино проявили высокий уровень мобильности в кризисных условиях и удержали своих пользователей, расширив границы распространения своих сервисов за счёт онлайн-коммуникаций, формирования нового контента, актуального потребностям времени. Помимо заметного тренда к получению новых знаний и навыков овладения цифровыми компетенциями, пользователи стали осваивать способы выживания и эффективной адаптации к реалиям.

Список литературы

1. Аудиовизуальная платформа современной культуры : материалы Международной научной конференции (в рамках XV Колосницынских чтений), 20–21 ноября 2020 года / Уральский федеральный университет имени Б. Н. Ельцина, Уральский государственный педагогический университет ; под редакцией Н. Б. Кирилловой, ответственный редактор Н. А. Симбирцева. Екатеринбург, 2020. 376 с.
2. Ачкасова К. Об изменениях медиапотребления на Digital Brand Day 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://mediascope.net/news/1177564/>
3. Березин О. Четверть кинотеатров не переживут кризис [Электронный ресурс] / Огонёк : [сайт]. 13.04.2020. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4316366>
4. Вархотов Т. А. Аудиовизуальные средства коммуникации в образовании: потенциал и ограничения [Электронный ресурс] // Кинообразование и медиапедагогика в отечественной и зарубежной системе образования: проблемы и перспективы развития : сборник материалов и научных статей экспертного семинара. Москва : ФИРО, 2018. URL: <https://www.ranepa.ru/images/News/2018-12/26-12-2018-verkhotov.pdf>
5. Глобальная нестабильность и цифровые технологии: реалии XXI века [Электронный ресурс] : международная конференция (27.11.2020, РУДН). URL: https://www.youtube.com/watch?v=wxMbpR8Rctg&feature=emb_logo
6. Как коронавирус меняет сферу культуры: балет онлайн и аплодисменты миллионов невидимых зрителей [Электронный ресурс] / Счётная палата Российской Федерации : [сайт]. URL: <https://ach.gov.ru/news/kak-koronavirus-menyaet-sferu-kultury-balet-onlayn-i-aplodismenty-millionov-nevidimyykh-zriteley>
7. Культура в условиях пандемии COVID-19: Дайджест подготовлен Департаментом международного и регионального сотрудничества [Электронный ресурс] / Счётная палата Российской Федерации. Москва, 2020. 49 с. URL: <https://ach.gov.ru/upload/pdf/Covid-19-culture.pdf>

8. Новая нормальность. Образ жизни, рынки, инфраструктура и коммуникации после пандемии [Электронный ресурс] / Аналитический центр НАФИ, авторы : Т. А. Аймалетдинов, И. А. Гильдебрандт, Е. Н. Никишова, Д. С. Рассадина. Москва : Издательство НАФИ, 2020. 73 с. URL: https://nafi.ru/upload/New%20normal_NAFI%20project.pdf
9. Онлайн и офлайн-образование. Методология и принятие решений : материалы круглого стола / В. В. Миронов, Г. В. Сорина, В. Ю. Перов и другие // Проблемы современного образования. 2019. № 4. С. 9–49.
10. Социологический нарратив 2020. Общество в эпоху турбулентности: поиски, угрозы и перспективы : сборник статей по материалам XIX Всероссийской научной конференции студентов и аспирантов [Электронный ресурс] / РГГУ, Социологический факультет ; под общей редакцией Р. И. Анисимова ; составитель Р. И. Анисимов. Москва : РГГУ, 2020. 463 с. URL: https://www.rsuh.ru/upload/main/sf/sbornik_2020_soc_narrativ.pdf
11. Уразова С. Л. Медиатизация как модус бытия в свете самоизоляции // Вестник ВГИК. 2020. Том 12. № 2 (44). С. 142–151.
12. Цифровая повестка: вызовы и законодательные решения (Совместное заседание Президиума Научно-экспертного совета при Председателе Совета Федерации и правления Интеграционного клуба при Председателе Совета Федерации) // Аналитический вестник / Аналитическое управление Аппарата Совета Федерации. 2018. № 1 (690). 126 с.
13. Шлыкова О. В. Динамика культурных практик в современном музее // Художественное образование и наука. 2019. № 3. С. 118–123.
14. COVID-19 и глобальная библиотечная сфера. URL: <https://www.ifla.org/node/93042>
15. Seth Radnika Как эпидемия коронавируса повлияет на будущее киноиндустрии [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vogue.ru/lifestyle/kak-epidemiya-koronavirusa-povliyaet-na-budushee-kinoindustrii>

References

1. Kirillova N. B., ed. *Audiovisual platform of contemporary culture: proceedings of the international scientific conference (within the framework of the 15th Kolosnitsyn Readings), November 20-21, 2020*. Ekaterinburg, 2020. 376 p. (In Russ.).
2. Achkasova K. *About changes in media consumption at Digital Brand Day 2020*. Available at: <https://mediascope.net/news/1177564/> (In Russ.).
3. Berezin O. *A quarter of cinemas will not survive the crisis*. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/4316366> (In Russ.).
4. Varkhotov T. A. Audiovisual means of communication in education: potential and limitations. In: *Film education and media pedagogy in the domestic and foreign education system: problems and development prospects: collection of materials and scientific articles of the expert seminar*. Moscow, 2018. Available at: <https://www.ranepa.ru/images/News/2018-12/26-12-2018-verkhotov.pdf> (In Russ.).
5. *Global instability and digital technologies: realities of the XXI century: international conference (11/27/2020, People's Friendship University of Russia)*. Available at: https://www.youtube.com/watch?v=wxMbpR8Rctg&feature=emb_logo (In Russ.).
6. *How the coronavirus is changing culture: ballet online and applause from millions of invisible viewers*. Available at: <https://ach.gov.ru/news/kak-koronavirus-menyaet-sferu-kultury-balet-onlayn-i-aplodismenty-millionov-nevidimyykh-zriteley> (In Russ.).
7. *Culture in the context of the COVID-19 pandemic*: Digest prepared by the Department of International and Regional Cooperation. Available at: <https://ach.gov.ru/upload/pdf/Covid-19-culture.pdf> (In Russ.).
8. Aimaltdinov T. A., Gildebrandt I. A., Nikishova E. N., Rassadina D. S. *New normalcy. Lifestyles, markets, infrastructure and communications after the pandemic*. Moscow, Published by NAFI Research Centre, 2020. Available at: https://nafi.ru/upload/New%20normal_NAFI%20project.pdf (In Russ.).
9. Mironov V. V., Sorina G. V., Perov V. Y. et al. Online and offline education: methodology and decision making. Round table materials. *Problems of Modern Education*. 2019, no. 4, pp. 9–49. (In Russ.).

10. *Sociological Narrative 2020. Society in the Age of Turbulence: Searches, Threats and Prospects: a collection of articles based on the materials of the XIX All-Russian Scientific Conference of Students and Postgraduates*. Moscow, Publishing House of the Russian State University for the Humanities, 2020. Available at: https://www.rsuh.ru/upload/main/sf/sbornik_2020_soc_narrativ.pdf (In Russ.).
11. Urazova S. L. Mediatization as a mode of being in the light of self-isolation. *Vestnik VGIK (Journal of Film Arts and Film Studies)*. 2020, vol. 12, no. 2 (44), pp. 142–151. (In Russ.).
12. Digital Agenda: Challenges and Legislative Decisions (Joint Meeting of the Presidium of the Scientific and Expert Council under the Chairman of the Federation Council and the Board of the Integration Club under the Chairman of the Federation Council). *Analytical Bulletin of the Federation Council*. 2018, no. 1 (690), 126 p. (In Russ.).
13. Shlykova O. V. Modern museum cultural dynamics. *Arts Education and Science*. 2019, no. 3, pp. 118–123. (In Russ.).
14. *COVID-19 and the global library space*. Available at: <https://www.ifla.org/node/93042> (In Russ.).
15. Seth Radnika *How the coronavirus epidemic will affect the future of the film industry*. Available at: <https://www.vogue.ru/lifestyle/kak-epidemiya-koronavirusa-povliyaet-na-budushee-kinoindustrii> (In Russ.).

*

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ МАСТЕРСТВО В СТРУКТУРЕ ЦИФРОВЫХ ФОРМАТОВ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 378+004.9

<https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-597-170-179>

Н. В. Лопатина¹, Г. А. Алтухова², С. В. Бонч-Бруевич³

Московский государственный институт культуры, Химки, Российская Федерация,

e-mail: lis.mgik@yandex.ru¹, gala88940@yandex.ru², dorohina_svetlana@mail.ru³

Аннотация: Статья посвящена модернизации содержания понятия «педагогическое мастерство» в условиях новых цифровых форматов высшего образования. Поставлена задача разработки проактивного подхода в подготовке кадров в современных условиях и формирования нового дизайна образовательной среды. Определены основные факторы и направления трансформации условий профессиональной деятельности педагога высшей школы. Выявлены проблемы встраивания современных педагогов в новые форматы педагогического взаимодействия. Представлены основные выводы исследования педагогической деятельности профессорско-преподавательского состава, проведенного авторами в апреле – декабре 2020 года на базе образовательного портала МГИК. Определены основные компоненты педагогического мастерства, необходимые в условиях дистанционного или смешанного обучения. Ключевым компонентом педагогического мастерства представлена информационная культура личности. Декомпозированы наиболее значимые компоненты информационной культуры педагога высшей школы.

Ключевые слова: цифровизация образования, высшее образование, педагогическое мастерство, информационная культура, педагогический процесс, дистанционное образование.

Для цитирования: Лопатина Н. В., Алтухова Г. А., Бонч-Бруевич С. В. Педагогическое мастерство в структуре цифровых форматов образования // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 5 (97). С. 170–179. <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-597-170-179>

ЛОПАТИНА НАТАЛЬЯ ВИКТОРОВНА – доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой библиотечно-информационных наук факультета государственной культурной политики Московского государственного института культуры

LOPATINA NATALYA VIKTOROVNA – D.Sc. in Pedagogic Sciences, Full Professor, Head of the Department of Library and Information Sciences, the Faculty of State Cultural Policy, the Moscow State Institute of Culture

АЛТУХОВА ГАЛИНА АЛЕКСЕЕВНА – доктор педагогических наук, профессор кафедры библиотечно-информационных наук факультета государственной культурной политики Московского государственного института культуры

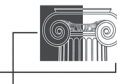
ALTUKHOVA GALINA ALEKSEEVNA – D.Sc. in Pedagogic Sciences, Professor at the Department of Library and Information Sciences, the Faculty of State Cultural Policy, the Moscow State Institute of Culture

БОНЧ-БРУЕВИЧ СВЕТЛАНА ВЛАДИМИРОВНА – кандидат педагогических наук, доцент кафедры библиотечно-информационных наук факультета государственной культурной политики Московского государственного института культуры

BONCH-BRUEVICH SVETLANA VLADIMIROVNA – PhD in Pedagogic Sciences, Associate Professor at the Department of Library and Information Sciences, the Faculty of State Cultural Policy, the Moscow State Institute of Culture

© Лопатина Н. В., Алтухова Г. А., Бонч-Бруевич С. В., 2020

TEACHING SKILLS IN THE STRUCTURE OF DIGITAL EDUCATION FORMATS

Natalya V. Lopatina¹, Galina A. Altukhova², Svetlana V. Bonch-Bruevich³

Moscow State Institute of Culture, Khimki City, Moscow Region, Russian Federation,
e-mail: lis.mgik@yandex.ru¹, gala88940@yandex.ru², dorohina_svetlana@mail.ru³

Annotation: The article is devoted to the modernization of the content of the concept of “pedagogical skill” in the context of new digital formats of higher education. The task of developing a proactive approach to training in modern conditions and the formation of a new design of the educational environment is set. The main factors and directions of transformation of conditions of professional activity of the teacher of the higher school are defined. The problems of embedding modern teachers in new formats of pedagogical interaction are revealed. The main conclusions of the study of the pedagogical activity of the teaching staff, conducted by the authors in April-December, 2020 on the basis of the educational portal of the MGIC, are presented. Definitions of the main components of pedagogical skills required in the conditions of distance or mixed learning. The key component of pedagogical skills is represented by the information culture of the individual. The most significant components of the information culture of a higher school teacher are decomposed.

Keywords: digitalization of education, higher education, pedagogical skills, information culture, pedagogical process, distance education.

For citation: Lopatina N. V., Altukhova G. A., Bonch-Bruevich S. V. Teaching skills in the structure of digital education formats. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2020, no. 5 (97), pp. 170–179. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-597-170-179>

2020-й год внёс серьёзные изменения в содержание и структуру многих видов деятельности, социальных отношений, которые составляют основу базовых общественных институтов. Их оценка – задача научных исследований будущего, выводы которых будут зависеть в том числе и от интерпретации последствий произошедших трансформаций, результатов влияния сегодняшних новаций на социальные системы завтрашнего дня.

При оценке влияния чрезвычайной эпидемиологической ситуации на современное и прогнозируемое состояние общества наибольшую реакцию ожидают в тех функциональных кластерах, которые связаны с человеческим капиталом будущего, его совокупной компетентностью как условием реализации перспективных программ и проектов развития. С одной стороны, очевидна уязвимость системы высшего профессионального

образования, оказавшейся неготовой к высоким темпам перехода от традиционных форматов к смешанному или удалённому обучению (что рассматривалось в публикациях уходящего года [см., например: 5 и другие]). Характер нарушения системы воспроизводства кадров, влияние на общее состояние кадров цифровой экономики можно оценить лишь тогда, когда сегодняшние студенты будут интегрированы в систему трудовых ресурсов. С другой стороны, ожидание отложенной реакции для её последующего изучения – непродуктивный путь в ситуации, изобилующей рисками. Актуальная задача современной педагогической науки и практики состоит в проактивном подходе к подготовке кадров в принципиально новых условиях, в отказе от адаптивной модели в пользу преобразующей деятельности, направленной на формирование нового дизайна образовательной среды.

Поводом для написания этой статьи стал пост в социальной сети «Фейсбук» директора Государственной научно-технической библиотеки Сибирского отделения Российской академии наук А. Е. Гуськова «О рефератах в учебном процессе» [3]. Наш коллега очень ярко и предметно рассказал о своих педагогических практиках, обнажив те специфические черты современной высшей школы, которые выступают маркерами реальных тектонических сдвигов в образовании. Безусловно, речь идёт не столько о внедрении новых информационно-коммуникативных технологий как некоего вспомогательного инструмента, направленного на совершенствование педагогического процесса, системного, целенаправленного процесса взаимодействия педагога и обучающегося. Мы фиксируем изменения, произошедшие в характере данного вида социально-информационного взаимодействия, которые выступают не просто реакцией на понятные нам триггеры, но и изоморфны глобальным трендам информационного развития. Историческая определённости характера социальных отношений [10] в системе высшего образования, безусловно, отражает особенности современных нам интересов и потребностей в области социального воспроизводства кадров. При этом необходимо учитывать как интересы и потребности обслуживаемой отрасли, так и интересы и потребности непосредственно человеческого капитала, интегрирующего свой трудовой потенциал в профессиональную структуру общества.

Каждый педагог, занятый в системе высшего профессионального образования, не может не отметить динамику «входных» компетенций современного студента, особенности восприятия образовательного контента и реакции на методический арсе-

нал, апробированный десятилетиями. Новые габитусы и информационные привычки современного студенчества формировались в условиях кризиса креатива [8]. Его предпосылки сложились в начале 2000-х в силу обеспечиваемой новыми технологиями лёгкости копирования, тиражирования, ретрансляции. Эти особенности находят активное проявление в сегодняшних образовательных практиках [3] и многих других практиках информационного оперирования [9]. Вместе с тем современный студент демонстрирует ряд качеств, относимых сегодня к soft skills, которыми слабо владеют предыдущие поколения; обладает особым – метаинформационным – знанием, позволяющим более эффективно действовать в мире информации в русле собственных целей, ценностей и интересов. И кейс, описанный А. Е. Гуськовым [3], ещё раз позволяет удостовериться в своеобразии познавательных траекторий современного студенчества, когнитивных моделей, информационно-аналитической культуры – тех факторов процесса обучения, которые обязательно должен принимать во внимание педагог высшей школы.

На наших глазах происходит трансформация парадигмы высшего профессионального образования: выстраивание новых концептуальных схем, новых моделей общественного института (в которых варьируются социально-ролевые цепочки), новых конфигураций образовательных отношений, новых теоретико-педагогических оснований, новой дидактики. И в этой ситуации ключевые позиции принадлежат педагогическому мастерству, выступающему комплексной характеристикой качества педагогического сообщества, отражением его готовности на высоком уровне осуществлять и развивать педагогическую деятельность

в конкретных исторических условиях – условиях цифровых трансформаций социума.

На протяжении достаточно длительного периода диффузии новых информационно-коммуникативных форматов в высшее образование компетенции вузовского педагога, связанные с владением информационными технологиями, рассматривались параллельно педагогическому мастерству, как факультативный элемент. Освоение педагогами новых инструментов и познание их возможностей для образовательного процесса были напрямую связаны с темпами и масштабами информатизации образования и носили реактивный характер в русле адаптации к образовательной политике и стратегическим инициативам государства. Несмотря на значительное количество научных исследований, рассматривающих информатизацию образования в русле прикладной информатики, не сложилось методологической традиции рассмотрения динамики педагогического мастерства, влияния цифровых трансформаций на его структуру и механизмы формирования.

События уходящего года показали, что далеко не каждый высокопрофессиональный, харизматичный, зажигательный педагог остаётся таковым, когда попадает в иные форматы педагогического взаимодействия, не предполагающие непосредственного общения. Многие педагоги успешно освоили информационные технологии, но их эффективное применение в образовательном процессе тормозится традициями «реального» обучения с приоритетом интерактивного компонента, в которых содержание образования, целенаправленный характер и результативность обучения невольно стали уступать место разнообразию методических решений, педагогических технологий (которое для многих ограничивалось переносом

клишированных формулировок в учебные программы). Способность к формированию и реализации этого разнообразия в некоторых случаях и стала расцениваться в качестве основного маркера педагогического мастерства. Даже на уровне формальных оценок эффективности педагогической деятельности (в аккредитационных протоколах, рейтинговых методиках и т.п.) «замысловатость», оригинальность, гибридизация педагогических решений ставились выше содержания, выше иных компонентов, ломая их иерархию, фундаментальные системные связи. Изменение педагогического взаимодействия под воздействием новой идеологии информационного оперирования заставляет студента, наряду с аудированием и симулятивными играми, активизировать самостоятельный поиск и «добычу» знания в специально созданной образовательной информационной среде, которая организуется и управляется педагогом. И готовность педагога к решению этой системной задачи, умение создавать целевой цифровой образовательный контент, который будет транслироваться посредством освоенных им технологий – залог эффектности образовательного процесса в новых информационно-коммуникативных форматах. Перед современным педагогом встаёт принципиально новая задача – особое, дидактически ориентированное представление смыслов, текстов, взаимодействий. И это – вызов времени, ответ на который – в изменении содержания составляющих высшего образования и информационной сферы, в смещении акцентов в сторону одного из важнейших приоритетов цифрового мира – в сторону интеллектуализации, которая требует информационно-аналитических компетенций, компетенций в области проектирования, дизайна знаний.

В период с апреля по декабрь 2020-го года мы провели специальное исследование педагогической деятельности профессорско-преподавательского состава Московского государственного института культуры на предмет определения основных компонентов педагогического мастерства, необходимых в условиях дистанционного или смешанного обучения. Методика исследования состояла в анализе профилей дисциплин в электронной образовательной среде МГИК, построенной на платформе Moodle. Следует отметить, что ряд размышлений, представленных в первой части этой статьи, отражает результаты именно этого исследования, в частности – вывод о реактивном характере и темпах интеграции новых решений в профессиональную деятельность отдельных педагогов: были отмечены крайне низкие показатели применения электронной образовательной среды в периоды, не требующие соответствующей отчетности. Общение с педагогами в процессе перехода на дистанционное обучение в период неблагоприятной эпидемиологической ситуации показало:

- во-первых, отсутствие у значительной части педагогов потребности в иных платформах взаимодействия со студентами, кроме непосредственного общения на занятиях;

- во-вторых, предвзятое отношение к имеющимся возможностям образовательного портала как к дополнительной нагрузке, ненужному для «педагога-мастера» набору инструментов;

- в-третьих, динамику отношения к возможностям электронной образовательной среды в ходе работы с ней на протяжении нескольких месяцев, в том числе учитывая результаты промежуточной аттестации студентов.

Следует отметить, что большинство педагогов отнеслось к новым решениям как к вынужденной мере, наносящей непоправимый урон традициям высшей школы, снижающей качество профессионального образования. Дополнительные вопросы, оценка проблем взаимодействия с сервисами портала, анализ эмоционального, рефлексивного и организационного уровней показали:

1. Низкий уровень владения необходимыми технологиями, не позволяющий использовать базовые сервисы информационной системы, был отмечен менее чем в 7% случаев. Даже в тех ситуациях, когда педагоги говорили о трудности осуществления базовых операций, мы наблюдали, скорее, случаи непонимания вариативных условий применения элементарных навыков. Например, наши педагоги, активно пользующиеся электронной почтой или проявляющие себя в социальной сети «Фейсбук», на начальных этапах не понимали, что для размещения сообщений или прикрепления файлов требуются аналогичные итерации. Таким образом, мы фиксировали барьеры воображения, экономию интеллектуальных усилий чаще, нежели отсутствие элементарных навыков работы с современными информационными технологиями.

Особое внимание следует уделить низкому уровню желания информационного саморазвития, потребностей в освоении новых режимов и инструментов информационного оперирования как средства профессионализации, интеграции в изменяющиеся условия профессиональной среды [6; 7].

2. Наибольшие проблемы заключались в «интеллектуальной» конвертации материала, приготовленного для аудиторной устной трансляции, в систему цифровых ресурсов, в тот самый цифровой образова-

тельный контент, который стал сегодня одним из самых значимых и дорогих товаров цифровой экономики.

Результаты исследования показали, что многие педагоги активнее всего используют потоковое медиа, которое, по сути, имитирует в цифровой среде традиционную лекцию или семинар, устные формы взаимодействия. Но педагогический процесс требует самостоятельной работы, активизирующей интеллектуальную деятельность студента, в том числе повторения и закрепления пройденного материала, чтения учебной и профессиональной литературы, просмотра видеоресурсов научных и практических конференций, участия в дискуссиях.

Педагогическое мастерство включает эффективную организацию образовательного пространства, его декомпозицию в русле педагогического целеполагания, обеспечивающую поступательное, системное освоение дисциплины. Принципиальное отличие рассматриваемых неотипов [2] заключается в расширении возможностей педагогического конструирования посредством:

а) формирования альтернативных траекторий освоения дисциплины (в том числе индивидуальных, личностно ориентированных); концептуализированного представления или визуализации педагогического замысла для студентов; обозначения возможных траекторий освоения дисциплины;

б) организации образовательного контента: последовательного или непоследовательного представления учебного материала; способа подачи информации (проблемно ориентированного, структурно-аналитического и т.п.); выстраивания понятийно-фактографических компонен-

тов (в том числе быстрого доступа к терминологической базе дисциплины с помощью, например, глоссария – особого сервиса Moodle);

в) представления разнообразия дополнительного (тематического, проблемного, авторского) или фонового контента (выстраивание межпредметных связей, примеров, трансфера знаний между теорией и практикой); выведения за пределы «виртуальной аудитории» в мир разнообразия источников информации, которое обеспечивает цифровое пространство знания.

Проблема данной ситуации заключается, на наш взгляд, в противоречии между увеличивающимися возможностями обратной связи, предоставляемыми цифровыми платформами педагогического взаимодействия, и неготовностью и нежеланием педагогов вырабатывать специализированный образовательный контент, в который встроены элементы контроля и мониторинга освоения дисциплины. Дидактические задачи оказались за пределами деятельности многих педагогов: уметь интересно транслировать то, что ты сам знаешь, – одно, но совсем иные задачи – задачи более высокого профессионального уровня, именно уровня педагогического мастерства – изменить сознание студента, активизировать и мотивировать получение знаний, закрепить и удержать полученные знания и умения, встроить каждый отдельный фрагмент знания в систему и сформировать устойчивое представление о его месте в профессиональной деятельности, отточить практический навык. Новые форматы взаимодействия, новые возможности цифровой среды требуют иных педагогических техник именно на уровне организации обратной связи в рамках педагогического взаимодействия.

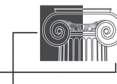
Например, возвращаясь к кейсу, рассмотренному А. Е. Гуськовым [3], мы видим необходимость перестройки целого ряда учебных действий в условиях цифрового пространства знаний. Эффективность реферата как вида учебной деятельности определяется отношением педагога к своей работе и его пониманием особенностей современной работы студента с источниками, начиная от их поиска, выбора, получения доступа. И в данном случае мы говорим о желании и способности педагога применять это понимание в разработке или модернизации своего курса, даже просто на уровне продумывания списка предлагаемых тем. Именно тема реферата выступает уникальным показателем педагогического мастерства, его общего и профессионального кругозора – если эта тема стимулирует обращение к достаточному кругу источников и исключает возможность получения необходимой информации в единственном источнике, компиляции, а требует анализа, оригинальных выводов, отражения отношения студента к изучаемому вопросу как результатов данного вида учебной деятельности.

3. Низкий уровень умения пользоваться современной системой информационных ресурсов и возможностями доступа к глобальным информационно-коммуникативным системам.

Многие педагоги советовали студентам обращаться к коллекциям электронных библиотечных систем, с которыми МГИК заключил лицензионные договоры. Однако подобные решения в значительной части случаев были решениями «наименьших трудозатрат» педагога, ибо во внешних ЭБС по конкретным дисциплинам документы нередко не представлены совсем или не отвечают концепции содержания

курса, методологическим традициям и т.д. Было отмечено, что значительная часть педагогов не понимает моделей открытой науки, возможностей легитимного удалённого доступа к профессиональным изданиям. Например, за редким исключением педагоги не рекомендовали студентам Национальную электронную библиотеку, открывшую значительную часть своих фондов в период пандемии в режиме «домашнего доступа». Крайне мало педагогов рекомендовали тематические публикации в журналах, издаваемых МГИК, и представленных в открытом доступе. К сожалению, и используемый для мониторинга собственной публикационной активности ресурс E-library.ru (Научная электронная библиотека), база данных Web of Science не воспринимаются педагогами как инструмент доступа к документам, востребованным студентами в ходе освоения образовательных программ.

Изобилие информационных ресурсов требует тщательно продуманных приёмов их систематизации и представления для студента, приёмов отбора и определения их потенциала для педагогического процесса, для педагогической реализации. Речь идёт о создании комплексного инструментария, сфокусированного на решении задач личностно-профессионального развития студента посредством организации его информационной, познавательной работы. В основе этого инструментария лежит особая библиографическая «надстройка» – с единым целеполаганием и стратегической направленностью, плюрализмом и академическими свободами, учётом информационной культуры современного студенчества. Наблюдается формирование новых функций педагога, которые до последнего времени рассматривались как латентные, и новой

средообразующей компетенции, позволяющей педагогу целенаправленно создавать в цифровом пространстве соответствующий комплекс информационных условий. Это требует определённого уровня информационной культуры педагога.

Следует отметить, что информационная культура педагогов, безусловно, включает знание основных диспозиций российского авторского права, но демонстрирует невысокий уровень готовности к правоприменению в ходе распространения и использования образовательных ресурсов, создания и защиты прав на результаты собственной интеллектуальной деятельности.

Таким образом, в цифровом мире ключевым компонентом педагогического мастерства является информационная культура личности.

Информационная культура личности рассматривается нами как способ информационного поведения, отражающий информационное мировоззрение субъекта и проявляющийся:

- во-первых, в понимании всеобъемлющих законов информационного развития с целью построения комфортных и эффективных взаимоотношений с окружающей информационной средой;
- во-вторых, в умениях и навыках оперирования информацией, реализации основных информационных процессов;
- в-третьих, в способности к рефлексии и саморегуляции собственного информационного поля и информационного поведения [6].

Информационная культура педагога высшей школы – это комплексная, целостная, системная характеристика, в которой психологические, когнитологические, аксиологические, процессуальные аспекты оперирования информацией взаимосвя-

ны, взаимозависимы и взаимоопределяемы [4]. Рассматривая информационную культуру как ключевой элемент и современное условие педагогического мастерства, мы декомпозируем следующие наиболее значимые её компоненты:

1) открытость информационному развитию и адекватная реакция на него, понимание закономерности и необратимости технологического роста, социальных трансформаций, в том числе трансформации институтов образования и профессии, под влиянием новых информационно-коммуникационных технологий;

2) готовность к освоению информационно-технологических новаций, способность к самостоятельному овладению и внедрению в собственную педагогическую и научную деятельность универсальных и профессионально ориентированных инструментов, информационных ресурсов;

3) готовность к профессиональному преобразованию образовательной среды в ходе диффузии новых режимов информационного оперирования, к адаптации и разработке новых педагогических техник, отвечающих актуальным тенденциям развития цифрового пространства профессионального знания;

4) знание и готовность соблюдать правовые и этические нормы информационного оперирования, использования информационных продуктов и информационных ресурсов.

Подводя итог вышесказанному, хотелось бы обратить внимание на актуальность идеи одного из авторов этой статьи [1] о возобновлении «Школы педагогического мастерства» как особого инструмента воспроизводства педагогических кадров в новых условиях профессиональной деятельности.

Список литературы

1. Алтухова Г. А. К определению методологии курса «Основы педагогического мастерства» // Скворцовские чтения. Библиотечное дело-2011: библиотечно-информационная деятельность в условиях модернизации общества : материалы шестнадцатой международной научной конференции (Москва, 27–28 апреля 2011 года). Москва : Московский государственный университет культуры и искусств, 2011. С. 144–146.
2. Вертиевец О. А. Коллективное бессознательное в информационной культуре современного российского общества : специальность 24.00.01 «Теория и история культуры» : диссертация на соискание учёной степени кандидата культурологии / Вертиевец Оксана Анатольевна ; Краснодарский государственный институт культуры. Краснодар, 2020. 245 с.
3. Гуськов, Андрей. О рефератах в учебном процессе, 27 декабря 2020 года: 14 час. 35 мин. Facebook, [Сообщение в социальной сети]. URL: <https://www.facebook.com/andrey.guskov.50/posts/1349726462039631>
4. Зубов Ю. С. Информатизация и информационная культура // Проблемы информационной культуры : сборник статей / под редакцией Ю. С. Зубова и И. М. Андреевой. Москва : Московский государственный университет культуры, 1994. С. 43–51.
5. Лопатина Н. В. Непрерывное образование библиотечных специалистов: содержание определит формат // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 4 (96). С. 132–139.
6. Лопатина Н. В. Информационная культура как условие эффективности социальных технологий : учебное пособие для студентов гуманитарных факультетов / Московский государственный институт культуры и искусств. Москва, 2002. 81 с.
7. Мхитарян О. В. Формирование готовности к профессиональному саморазвитию у студентов-музыкантов в вузах культуры и искусств : специальность 13.00.08. «Теория и методика профессионального образования» : автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата педагогических наук / Мхитарян Ольга Викторовна ; Московский государственный университет культуры и искусств. Москва, 2013. 23 с.
8. Сляднева Н. А. Информационные ресурсы в информационном обществе: онтологический статус и методология // Информационные ресурсы России. 2009. № 1. С. 8–13.
9. Сляднева Н. А., Лопатина Н. В. Наталия Сляднева: «Если и стоит заниматься чем-то, то только тем, что интересно» [интервью главного редактора журнала Н. В. Лопатиной с Н. А. Слядневой] [Электронный ресурс] // Культура: теория и практика : электронный научный журнал. 2020. № 1 (34). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nataliya-slyadnava-esli-i-stoit-zanimatsya-chem-to-to-tolko-tem-chto-interesno-intervyu-glavnogo-redaktora-zhurnala-n-v-lopatinoy-s-n-a>
10. Худякова Н. Л. Ценностные основы социальных отношений // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 4 (258). С. 7–10.

References

1. Altukhova G. A. To the definition of the methodology of the course “Fundamentals of pedagogical skill”. In: *Librarianship-2011: Library and information activity in the context of modernization of society: Proceedings of the Sixteenth International Scientific Conference (Moscow, April 27–28, 2011)*. Moscow, Publishing House of the Moscow State University of Culture and Arts, 2011. Pp. 144–146. (In Russ.).
2. Vertievets O. A. *Collective unconscious in the information culture of modern Russian society. Cand. cultural studies diss.* Krasnodar, 2020. 245 p. (In Russ.).
3. Guskov, Andrey. *About abstracts in the educational process*, December 27, 2020: 14 h. 35 min. Facebook, [Social Media Post]. Available at: <https://www.facebook.com/andrey.guskov.50/posts/1349726462039631> (In Russ.).
4. Zubov Yu. S. Informatization and information culture. In: Zubov Yu. S., Andreeva I. M., eds. *Problems of information culture: A collection of articles*. Moscow, Publishing House of the Moscow State University of Culture, 1994. Pp. 43–51. (In Russ.).

5. Lopatina N. V. Lifelong learning for the librarians: the content will determine the format. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2020, no. 5 (97), pp. 132–139. (In Russ.). DOI: 10.24412/1997-0803-2020-10412 (In Russ.).
6. Lopatina N. V. *Information culture as a condition for the effectiveness of social technologies*. Moscow, Publishing House of the Moscow State Institute of Culture and Arts, 2002. 81 p. (In Russ.).
7. Mkhitaryan O. V. *Formation of readiness for professional self-development among students-musicians in universities of culture and arts. Synopsis cand. ped. sci. diss.* Moscow, 2013. 23 p. (In Russ.).
8. Slyadneva N. A. Information resources in the information society: ontological status and methodology. *Information Resources of Russia*. 2009, no. 1, pp. 8–13. (In Russ.).
9. Slyadneva N. A., Lopatina N. V. Natalia Slyadneva: “If you should do something, it is only what is interesting” [Interview of the Chief Editor of the journal N. V. Lopatina with N. A. Slyadneva]. *Culture: Theory and Practice: Electronic Scientific Journal*. 2020, no. 1 (34). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/nataliya-slyadneva-esli-i-stoit-zanimatsya-chem-to-to-tolko-tem-chto-interesno-intervyu-glavnogo-redaktora-zhurnala-n-v-lopatinoy-s-n-a> (In Russ.).
10. Khudyakova N. L. The axiological foundations of social relations. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2012, no. 4 (258), pp. 7–10. (In Russ.).

*

ИНТЕРНЕТ-ТРАНСЛЯЦИЯ ФОРТЕПИАННЫХ КОНЦЕРТОВ КАК ФЕНОМЕН СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

УДК 7.094+004.9

<https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-597-180-188>

В. Б. Храмов

Кубанский государственный университет, Краснодар, Российская Федерация, e-mail: valery.khram@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена актуальной проблеме современной культуры – онлайн-трансляции «концертов без публики» в карантинных условиях пандемии. Эмпирическая база исследования – интернет-трансляции фортепианных концертов. Метод – сравнительный анализ, выполненный в русле предметного подхода культурологии. Проанализированы особенности современной онлайн-трансляции концертов фортепианной музыки. Выявлены специфические трудности киносъёмки концертного исполнения фортепианной музыки, связанные с продолжительностью и статикой происходящего события. Осмыслены новые проблемы, возникающие в связи с отсутствием в зале неперемного участника традиционной концертной практики – публики, а также ресурсы, которые используются создателями онлайн-трансляции (режиссёром и операторами) в деле творческого их решения. Показано, что интернет-трансляция концерта не только позволяет продолжить концертную жизнь в условиях пандемии, но и обогащает художественную культуру. Она, являясь относительно самостоятельным произведением искусства, существенным образом расширяет аудиторию концерта и одновременно предоставляет миллионам зрителей-слушателей новые возможности творческого восприятия фортепианной музыки.

Ключевые слова: музыкальная культура, онлайн-трансляция концерта, творчество, фортепианное исполнительство.

Для цитирования: Храмов В. Б. Интернет-трансляция фортепианных концертов как феномен современной культуры // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 5 (97). С. 180–188. <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-597-180-188>

WEBCAST OF PIANO CONCERTS AS A PHENOMENON OF CONTEMPORARY CULTURE

Valery B. Khramov

Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation, e-mail: valery.khram@yandex.ru

Abstract: The article is devoted to an urgent problem of modern culture – online broadcasting of “concerts without an audience” in the quarantine conditions of the pandemic. The empirical base of the research is the Internet broadcast of piano concerts. Method – a comparative analysis carried out in

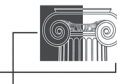

ХРАМОВ ВАЛЕРИЙ БОРИСОВИЧ – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии факультета истории, социологии и международных отношений Кубанского государственного университета

KHRAMOV VALERY BORISOVICH – DPhil, Full Professor, Professor at the Department of Philosophy, the Faculty of History, Sociology and International Relations, the Kuban State University

© Храмов В. Б., 2020

line with the subject approach of cultural studies. The features of modern online broadcasting of piano music concerts are characterized. The specific difficulties of filming a concert performance of piano music associated with the duration and statics of the event are revealed. The new problems arising due to the absence in the hall of an indispensable participant in traditional concert practice – the public – are comprehended. The resources that are used by the creators of the online broadcast (director and cameramen) in their creative solution have been analyzed. It is shown that the online broadcast of the concert not only allows continuing the concert life in a pandemic, but also enriches the artistic culture. The broadcast, being a relatively independent work of art, significantly expands the audience of the concert and, at the same time, provides millions of viewers-listeners with new opportunities for creative perception of piano music.

Keywords: musical culture, online broadcast of a concert, creativity, piano performance.

For citation: Khramov V. B. Webcast of piano concerts as a phenomenon of contemporary culture. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2020, no. 5 (97), pp. 180–188. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-597-180-188>

ТВ-интернет-трансляции актуальных событий современной музыкальной культуры сегодня стали уже привычным явлением. Концерты (так называемые мировые премьеры) проходят в самых знаменитых залах, которые посещает, как правило, «избранная публика», а интернет-трансляция делает их почти «всеобщим достоянием», мировым событием не только по художественной значимости, но и по аудитории – «весь мир» смотрит и слушает концерт вместе с публикой, находящейся в зале.

Пандемия обострила актуальность данного вида художественной практики. Концертная жизнь во всём мире прекратилась, но выступления музыкантов продолжились – в пустых залах, при соблюдении строгих «пандемических правил». И стало ясно, что интернет-трансляция концерта является в нынешних условиях не только существенно дополняющим музыкальную культуру элементом. Она становится нормой существования концертной жизни, а временами и единственно возможной формой проведения концертного исполнения музыки. Пусть выступление пианиста проходит в зале без публики, но всё равно – это концерт, ибо играют музыканты не в студии, где можно

сделать «много дублей», где возможен монтаж, серьёзная редакция того, что уже записано. Здесь всё происходит в «режиме реального времени», где есть то, что называют непосредственным созерцанием актуального исполнения. Одним из факторов, обуславливающих притягательность непосредственного восприятия игры музыканта, является именно момент «сиюминутности», ибо в условиях исполнения музыки на глазах у публики возникает особая эмоциональная атмосфера – источник вдохновения, артистических рисков, художественных прозрений и ... неудач. Причём интернет-трансляция увеличивает меру социальной ответственности исполнителя, ибо музыкант играет всему миру.

Итак, волнение музыканта-исполнителя в связи с новой, повышенной мерой ответственности усиливается. Но, играя в пустом зале, он не получает такого, казалось, необходимого для исполнительского творчества элемента, как поддержка зала, точнее – эмоциональной подпитки, идущей от слушателей. Его артистическая способность – умение «ходить перед людьми» [5, с. 227], как образно определил её Г. Г. Нейгауз, – остаётся невостребованной.

Сначала думали, что всё это ненадолго, что всё скоро «вернётся на круги своя». Но сейчас даже оптимисты понимают, что вряд ли удастся полностью восстановить прежнюю практику – жизненные обстоятельства заставляют себя уважать, и нужно приспособливаться, конечно по мере возможностей и с учётом изменяющейся реальности сохраняя прежнюю «концертную форму» существования музыкальной культуры. Но, пожалуй, при всех вариантах развития реальной ситуации, интернет-трансляция «концерта без публики» будет постоянно действующей практикой.

Признание новых реалий заставляет изменить многое, прежде всего репертуарную политику артистов и концертных организаций, о чём скажем чуть подробнее. Совсем недавно гастрольная форма проведения концертов и спектаклей – в силу новых возможностей логистики – переживала пору расцвета, а радикальный шаг, предпринятый пятьдесят шесть лет назад Гленном Гульдом, который полностью отказался от публичных концертов на пике артистической карьеры ради создания аудиозаписей, выглядел всего лишь неким «чужацким гением» [4, с. 10]. Сегодня же гастрольная концертная деятельность почти невозможна. Ездить по миру с одной-двумя концертными программами нельзя, а удачно записанный концерт или спектакль нет смысла повторять второй раз и вновь записывать – должно пройти время, но тогда уже будет другая жизнь, другие артисты и «мы будем другими». Теперь перед музыкантом стоит новая задача: сыграл «онлайн» и записал одну программу – готовь другую. Запись того же произведения тем же артистом, конечно, возможна, но только в ином «обрамлении», когда оно включено в контекст нового художественного про-

екта. И данное «обрамление» не сводится только к собственно музыкальному аспекту – новой интерпретационной идее [7, с. 101–104], например, необходимы новое режиссёрское решение, другой зал или, по крайней мере, иное оформление того же зала. Другими словами, каждое новое транслируемое выступление пианиста требует дополнительных творческих усилий, связанных уже не только с собственно артистическими его способностями.

Кроме указанной проблемы существует ещё одна – и не менее существенная. «Игра без публики», выступление, в котором отсутствует непреременный участник музыкального или театрального события – зрители-слушатели, ставит перед исполнителем новые творческие задачи. Раньше его творчество, его вдохновение стимулировались тем обстоятельством, что исполнение произведения проходило на глазах у публики, было импровизацией по своему существу [6, с. 10–14]. Этому искусству пианистов учили, по мере возможностей, конечно, ибо по большому счёту вдохновенной игре научить нельзя, но можно развивать данную способность. По названному критерию оценивали игру музыкантов, отбирали «способных» к участию в конкурсах. Да и победа на соревнованиях исполнителей доставалась именно тому, кто, обладая даром «ходить перед людьми», мог творить на глазах у восхищённой публики, отзываясь на игру её настроений тонкой импровизацией, в той или иной степени затрагивающей подготовленный ранее интерпретационный план исполняемого произведения. Это, повторим ещё раз, ценилось всеми и прежде всего людьми, определяющими артистическую судьбу пианиста. В новых же условиях ему нужно искать иные источники вдохновения: идти по пути Гленна Гульда, реаги-

ровать своим вдохновением на включённый микрофон, на одиноко стоящую кинокамеру [4, с. 10–11]. Пианисты должны поражать, увлекать слушателей иными формами артистизма, иным поведением на сцене, иной выразительностью, использовать приёмы, которые раньше были, мягко говоря, «неодобряемы педагогами».

Нельзя не учитывать того, что практика видеотрансляций выступления пианистов имеет уже долгую историю. Студийные ТВ-трансляции стали организовываться в 1960-е годы, в период широкого распространения ТВ в нашей стране. Были они недолгими – от силы сорок минут, и носили, скорее, экспериментальный, просветительский характер. Конечно, осуществлялись попытки сделать их художественно значимыми, что в той или иной степени удавалось, но подлинным искусством, точнее, относительно самостоятельным видом искусства ТВ-трансляции из студий не стали.

В эти же годы стала развиваться практика ТВ-трансляций концертов классической музыки из зала. Первоначально эстетически значимыми были, пожалуй, лишь фильмы о концертах. Их снимали по сценарию, качество съёмки обеспечивали подготовительной работой и «послеконцертным» редактированием полученного аудио- и видеоматериала. Прямые же ТВ-трансляции концертов, создавая «эффект присутствия», соучастия событию у «потребителя» видеопродукции и выполняя серьёзную коммуникативную функцию, по художественному, эстетическому критерию существенно уступали и реальному концерту, и грамзаписи.

В 1990-х годах стали появляться так называемые интернет-трансляции концертов классической музыки, в том числе и форте-

пианной. В отличие от прежних «фильмов о концертах» они воспроизводили событие в прямом режиме, создавая эффект непосредственного присутствия зрителя-слушателя на концерте. Современная техника позволила кардинально изменить положение дел с качеством трансляции. Сегодня звукорежиссёрам удаётся достичь такого качества звукового сигнала, который вполне соответствует студийной звукозаписи. Кроме того, с помощью нескольких кинокамер, обеспечивающих многоплановость и разнообразие ракурсов съёмки, интернет-трансляция даёт, благодаря виртуозной работе режиссёра, импровизирующего в актуальных условиях прохождения концерта, яркую и, несомненно, художественно значимую «визуальную картинку» события. Таким образом, прямая интернет-трансляция концерта фактически перерастает в фильм, то есть становится относительно самостоятельным художественным произведением, ценность которого возрастает в связи со значимостью самого концертного события.

Современная режиссура прямых трансляций ранее была известна в нашей стране в основном по показу спортивных соревнований. Они в ряде случаев были выполнены на высочайшем профессиональном уровне. Но осуществить интересную трансляцию спортивного соревнования сравнительно несложно, ибо спорт динамичен, в спорте движение осуществляется ярко, зримо, а движение – специфический существенный признак, отличающий кино от других видов искусства. Иное дело игра музыканта – здесь перед объективом камеры находится «статичный объект». Динамизм при съёмке подобных объектов добавляет тот, кто организывает трансляцию, используя «картинки», полученные несколькими камерами, ритмично меняя крупный,

средний, общий план изображения, ракурс съёмки и пр.

Из музыкальных событий самым трудными для кинопоказа являются сольные концерты пианистов. Относительно проще осуществлять трансляцию концерта симфонического оркестра: тут много музыкантов – разные лица, разнообразные и весьма красивые инструменты, тут есть дирижёр, исполняющий «танец рук». Игра оркестра – красивое зрелище, позволяющее режиссёру, переключая камеры, меняя планы и ракурсы в соответствии с инструментальной звучащей музыки, создавать динамичную картинку события. Пианист – один, сидит в статической позе, он виден только в профиль, если смотреть из зрительного зала, его движения целесообразны и, откроем маленькую профессиональную тайну, минимальны. Поэтому создать в прямом эфире, импровизируя, «интересный фильм» о концерте пианиста – задача наитруднейшая, требующая и таланта, и высочайшего мастерства. Но ряд творческих групп (например, Medici.tv) вполне удовлетворительно справляется с данной задачей. Сегодня онлайн-трансляция концерта становится относительно самостоятельным эстетическим событием, дополняющим и обогащающим художественную культуру.

На анализе упомянутых «обогащающих культуру» элементов остановимся подробнее. Начнём с констатации уже отмеченного выше факта: посещающий концерт слушатель является непосредственным участником события. Актуальная история создания уникальной исполнительской интерпретации рождается на глазах у слушателей, существуя однократно, неповторимо. Аплодисменты, настроение слушателя и пр. в той или иной степени влияют на игру артиста, поэтому «включаются в исполнение». И чем

талантливей артист, тем лучше он улавливает «творческие импульсы», идущие из зала. Как писал по данной проблеме М. Чехов: «Спектакль состоит не только из актёров, но и из публики» [8, с. 90–91]. Это своеобразное соучастие в неповторимом творческом процессе исполнения произведения искусства является специфической характеристикой эстетического впечатления, которое получает посетитель концерта. Тот, кто смотрит интернет-трансляцию, имеет иное впечатление от того же музыкального события. Он не участвует в нём прямо и непосредственно, но присутствует, соучаствует, получая сходные с публикой художественные впечатления, хотя и не оказывая ответного влияния, эмоционального воздействия на исполнителя. Правда, благодаря возможности повторного просмотра, он может осваивать концерт творчески: смотреть-слушать интернет-трансляцию, выбирая куски-фрагменты произведения, динамику, аппаратуру (разное качество звучания), экспериментируя с тембрами. Кроме того, у него появляется возможность анализировать, изучать запись – с научной и педагогической целью.

Необходимо учитывать, что присутствие зрителей в зале не только существенно помогает пианисту, но и облегчает работу режиссёрско-операторской группы, создающей интернет-трансляцию. Лица зала – вдохновенные, индивидуально неповторимые – дают режиссёру возможность обогатить картинку трансляции. В отличие от трансляций спортивных соревнований, «обращение камеры» к залу, к публике не только не отвлекает от главного – от исполнения музыки, но и усложняет, «эстетизирует кадр», добавляя новые образы-лица индивидуально переживающих музыку слушателей. Конечно, для того чтобы реализо-

вать данную возможность, нужны и талант, и мастерство, и понимание музыки. Но условия для реализации названных режиссёрских талантов публичный концерт создаёт.

Таким образом, перед творческой группой, создающей онлайн-трансляцию в «карантинных условиях», стоит новая задача – создать художественно значимое произведение, где пианист вдохновенно будет творить уникальную интерпретацию на «глазах у всего мира», где операторы и режиссёр, находясь в соседнем помещении, будут импровизировать, создавая соответствующую уникальному исполнению столь же уникальную картину (видеоряд) события. До сегодняшнего дня такой задачи не было. Но время пришло. И первый опыт, дающий материал к осмыслению, получен.

Выше были перечислены трудности, которые возникли у пианистов и режиссёров трансляций в связи с новыми обстоятельствами проведения концертов. Какими же возможностями располагают пианист и режиссёр для создания полноценной художественной трансляции концерта без публики? Сначала перечислим те обычные, которые использовались и раньше, но сегодня их значение выросло.

Начнём с того, что открытый рояль, стоящий на сцене как статуя на постаменте, весьма эстетичен. Ещё есть красивый зал, имеющий уникальный исторически сложившийся интерьер, сцена, оформленная дизайнером в соответствии с характером музыки. Рояль, сцена, зал – объективные условия для трансляции, претендующей на художественную ценность. Предваряя звучание музыки, они создают то, что лучше всего назвать «состоянием ожидания вдохновенной игры», что, несомненно, должно стимулировать творчество и пианиста, и ре-

жиссёра, и интернет-аудитории. «Сопровождая» концерт, они способствуют продолжению вдохновения. Примером оформления сцены, в котором была «поэзия», может послужить интернет-трансляция XV и XVI конкурсов П. И. Чайковского, осуществлённая творческой группой Medici.tv.

Пришло время обратиться – в разрезе проблемы интернет-трансляции фортепианных концертов – к осмыслению тех артистических данных, которыми располагает главный участник художественного события – пианист. Внешний облик артиста – грация, мимика, жестикуляция – является чрезвычайно важным фактором художественного впечатления. На пианиста нужно смотреть, ибо созерцание вдохновения артиста, выражаемого в мимике, жестикуляции и пр., доставляет слушателям подлинную эстетическую радость, дополняющую, точнее – обогащающую собственно музыкальное впечатление от его выступления [3, с. 269].

Нужно признать, что знаменитая – и заслуженно знаменитая – отечественная школа фортепианной игры весьма осторожно относится к тому, что называется «мимика и жест». Мимику – естественную в игре пианиста – осуждают и в неофициальной обстановке называют «кривлянием» (правда, сегодня уже и в официальной так же называют, что делать – «ужасный век...»). В педагогической среде бытует, как видится, ошибочное мнение о том, что сильное чувство может «расплескаться» в грации и пластике внешних, «нецелесообразных» движений («балет»), в мимике «кривляющегося» лица. А нужно, чтобы чувства выразились в музыке, стали эмоционально насыщенной музыкой. Если образно представить тот идеал, к которому стремятся педагоги, организуя поведение своего воспитанника на сцене, то

лучше всего подойдёт античная скульптура, в тех её характеристиках, которые даны в «Лаокооне» Г. Лессингом: спокойствие и благородство [2].

«Мимическая» составляющая интерпретации была ярко продемонстрирована знаменитым канадским пианистом Гленном Гульдом, гениальность которого признали сразу. Того, что в его игре «участвуют» и живая выразительная мимика, и жестикация (дирижирует, как только появляется возможность, как только освобождается от игры рука), и пение (он чуть-чуть подпевает во время игры), нельзя было не заметить. Однако Гленн Гульд у нас в стране выступал совсем мало. Его знают в основном по грамзаписям. Поэтому главным предметом обсуждения стало именно «подпевание», а мимика и жест ушли в тень – их при прослушивании грамзаписи не видно. К пению артиста отнеслись критически, дескать, «увлекаясь, контроль над собой теряет во время игры», как говорили многие (писать, конечно, не решались, ибо понимали – гений).

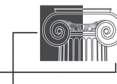
Думаем, что сложившее мнение является ложным, а «подпевание» не является проявлением «маленькой слабости гения». Гульд, будучи замечательным звукорежиссёром, мог без труда и дополнительных артистических усилий исправить данный «дефект» записи [1, с. 240]. Но он не стал, потому что, вероятно, видел в этом «подпевании» дополнительный выразительный элемент, особенно ценный в грамзаписи, ибо вносил в запись живую нотку неофициального музицирования. Гленн Гульд говорил, что его идеал исполнения – играть для себя в одиночестве, «но пусть дверь в студию будет чуть приоткрыта» [4, с. 84]. Грамзапись позволила сохранить созданную им уникальную атмосферу вдохновен-

ной игры, и дверь для желающего послушать осталась приоткрытой на века.

Сегодня, когда концерт часто существует как исполнение музыки без публики в зале, но для всего мира, вышеприведённые «требования школы» вряд ли уместны. Ведь около полутора часов зритель-слушатель будет видеть только одно «застывшее в фотографическом спокойствии лицо» и окаменелую фигуру пианиста. Когда только один пианист так играет (С. В. Рахманинов, например) – это хорошо и для режиссёра, и для искусства, и для публики. Когда же «скульптурная бесстрастность» становится всеобщим требованием школы, тогда ... у создателей интернет-трансляций возникают серьёзные трудности. И в связи с этим, с учётом новых обстоятельств концертной жизни, наша критика и педагогика, как видится, должны скорректировать свои требования к организации «пианистического аппарата».

Возвращаясь к проблеме, отметим, что организаторы трансляции «концерта без публики» могут идти по простому пути: оставить всё как есть, как было, продолжать делать всё то, к чему привыкли, – только без публики в зале. Но, как показали «карантинные трансляции» концертов пианистов, такой путь целесообразен лишь как временная мера. Как скоро выяснилось, и пианисты ждут живого общения с публикой, и публика скучает по непосредственному восприятию музыки.

Удачные концерты тоже были. В качестве примера назовём «Концерт за закрытыми дверями в Фонде Полиньяка в Париже», который дал французский пианист Люка Дебарг 22 июня 2020 года. Здесь замечательная игра пианиста, артистический его облик гармонично сочетались с великолепием зала, творческой режиссурой, по-

разившей зрителя рядом оригинальных находок (волшебной «игрой отражений», «репортёрскими приёмами» предконцертной съёмки и пр.). Результатом совместного творчества стал замечательный фильм, созданный в новом синтетическом жанре, который можно назвать «онлайн-трансляция фортепианного концерта без публики». Подобного рода произведения искусства открывают новую содержательную грань фортепианного исполнительства: специфическую поэзию музицирования – перед камерой в пустом зале. В то же время в них ярко выявляются удивительные артистические способности пианистов, способных к вдохновенной игре без публики,

но для всего мира, чувствующих «дыхание Интернета».

Резюмируя сказанное выше, отметим, что онлайн-трансляция концерта не только позволяет продолжить концертную жизнь в условиях пандемии, но и обогащает художественную культуру. Она, являясь новым самостоятельным жанром синтетического искусства, существенным образом расширяет аудиторию концерта и одновременно предоставляет миллионам зрителей-слушателей новые возможности творческого восприятия фортепианной музыки, сочетая возможность соучастия в актуальном художественном событии с возможностью повторного его просмотра-прослушивания.

Список литературы

1. Баззана К. Очарованный странник : жизнь и искусство Глена Гульда / [перевод с английского : Н. Гугина, С. Грохотов]. Москва : Классика-XXI, 2007. 479 с. : ил.
2. Лессинг Г. Э. Лаокоон, или О границах живописи и поэзии // Избранные произведения / [перевод с немецкого под редакцией А. В. Фёдорова] ; [вступительная статья, с. III–XXXV, и примечания Г. М. Фридлендера]. Москва : Гослитиздат, 1953. С. 385–516.
3. Лосский Н. О. Мир как осуществление красоты : основы эстетики / [предисловие и примечания П. Б. Шалимова]. Москва : Прогресс-Традиция, 1998. 412 с. : ил., портр.
4. Монсенжон Б. Гленн Гульд. Нет, я не эксцентрик! / перевод с французского М. Аннинской. Москва : Классика-XXI, 2008. 272 с.
5. Нейгауз Г. Г. Об искусстве фортепианной игры: Записки педагога. 5-е издание. Москва : Музыка, 1988. 240 с.
6. Храмов В. Б. Импровизация как форма художественной деятельности // Культурная жизнь юга России. 2011. № 4 (42). С. 10–13.
7. Храмов В. Б. Исполнение как интерпретация идеи музыкального произведения // Культурная жизнь Юга России. 2016. № 4 (63). С. 101–104.
8. Чехов М. А. Путь актёра : Жизнь и встречи. Москва : АСТ, 2007. 456 с.

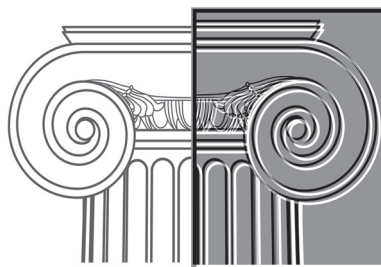
References

1. Bazzana K. *The Enchanted Wanderer. The life and art of Glenn Gould*. Moscow, Publishing House "Classica 21", 2007. 479 p.
2. Lessing G. E. Laocoon, or About the Boundaries of Painting and Poetry. In: Lessing G. E. *Selected works*. Moscow, 1953. Pp. 385–516.
3. Losskii N. O. *Peace as an exercise of beauty. Foundations of aesthetics*. Moscow, Publishing house "Progress-Tradition", 1998. 412 p.
4. Monsaingeon B. *Glenn Gould. No, I'm not an eccentric!* Moscow, Publishing House "Classica 21", 2008, 272 p.
5. Neigauz G. G. *About the art of piano playing: Notes of a teacher*. 5th edition. Moscow, Music publishing House, 1988. 240 p.

6. Khramov V. B. Improvisation as a form of artistic activity. *The cultural life of the South of Russia*. 2011, no. 4 (42), pp. 10–13.
7. Khramov V. B. Performance as interpretation of the idea of musical imposition. *The cultural life of the South of Russia*. 2016, no. 4 (63), pp. 101–104.
8. Chekhov M. A. *The path of an actor: Life and meetings*. Moscow, Ast Press Publishing House, 2007. 456 p.

*

НОВЫЕ КНИГИ

РЕБРЕНДИНГ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПРОЕКТНЫЙ ПОДХОД.

К выходу в свет учебного пособия И. Ф. Симоновой «Социально-культурное проектирование: современные подходы и технологии» (Санкт-Петербург : Наукоёмкие технологии, 2020. 250 с.)

УДК 316.7(049.32)

<https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-597-190-195>

С. Н. Гавров

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация,
e-mail: SNGavrov@fa.ru

Аннотация: В статье рассматриваются актуальные вопросы социально-культурного проектирования, развития технологий СКД на современном этапе социально-культурных трансформаций, когда актуализируются утилитарные, прикладные, технологические аспекты научного знания, наблюдается большой европейский переход к практичности. Этот процесс затронул ведущие страны ЕС, прежде всего Германию, дав нам утилитаристский вектор движения. В духе этого утилитаристского, прикладного, технологического вектора и написано пособие И. Ф. Симоновой, обобщающее европейский и отечественный опыт социально-культурного проектирования и развития территорий.

Ключевые слова: социально-культурное проектирование, развитие территорий, технологии социально-культурной деятельности, трансформации, опыт.

Для цитирования: Гавров С. Н. Ребрендинг социально-культурной деятельности: проект-ный подход. К выходу в свет учебного пособия И. Ф. Симоновой «Социально-культурное проектирование: современные подходы и технологии» (Санкт-Петербург : Наукоёмкие технологии, 2020. 250 с.) // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 5 (97). С. 190–195. <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-597-190-195>

REBRANDING OF SOCIAL AND CULTURAL ACTIVITY:
PROJECT APPROACH. To the publication of the textbook by I. F. Simonova
“Social and cultural design: modern approaches and technologies”
(St. Petersburg, Publishing House “Science-Intensive Technologies”, 2020. 250 p.)

Sergei N. Gavrov

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation,
e-mail: SNGavrov@fa.ru

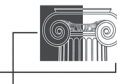
Abstract: The article examines topical issues of social and cultural design, development of social and cultural activity’ technologies at the present stage of social and cultural transformations, when the utilitarian, applied, technological aspects of scientific knowledge are actualized, there is a large

---

ГАВРОВ СЕРГЕЙ НАЗИПОВИЧ – доктор философских наук, профессор Департамента массовых коммуникаций и медиабизнеса Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

GAVROV SERGEI NAZIPOVICH – DPhil, Professor at the Department of Mass Communications and Media Business, the Financial University under the Government of the Russian Federation

European transition to practicality. This process affected the leading European Union countries, primarily Germany, giving us a utilitarian vector of movement. In the spirit of this utilitarian, applied, technological vector, I. F. Simonova's manual was written, summarizing the European and national experience of social and cultural design and development of territories.

Keywords: social and cultural design, development of territories, technologies of social and cultural activity, transformation, experience.

For citation: Gavrov S. N. Rebranding of social and cultural activity: project approach. To the publication of the textbook by I. F. Simonova "Social and cultural design: modern approaches and technologies" (St. Petersburg, Publishing House "Science-Intensive Technologies", 2020. 250 p.). *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2020, no. 5 (97), pp. 190–195. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-597-190-195>

Перед нами новая книга И. Ф. Симоновой «Социально-культурное проектирование: современные подходы и технологии» [1]. Книг в постсоветской России выходит несравнимо больше, чем в СССР, тиражи, правда, на порядок меньше. Много информации в Интернете, Гугл-переводчик снял языковые барьеры в мире. Иными словами, информации много, настолько, что мы часто интуитивно избегаем её излишков, выключаем телевизор, стремимся к информационному детоксу. Но парадокс в том, что при видимой безграничности информационного потока, где, кажется, можно найти всё, при правильно сформулированной вариативности поисковых запросов, очень многого в нём нет. Это мнимая лёгкость, информация часто поверхностна, многие вопросы, интересующие профессионалов в разных сферах, либо не проработаны, либо отражены на уровне не лучших статей в Википедии.

Новое приходит в результате научных исследований, как интеллектуальный продукт, который создают профессионалы. К таким профессионалам относится И. Ф. Симонова. Рецензент невольно подражает автору, убирает эпитеты, хотя здесь хочется подчеркнуть слово *профессионалы*. Постсоветское упрощение интеллектуаль-

ного пространства коснулось практически всего, на этом фоне удивительно симпатично смотрятся авторы, сумевшие его избежать. И. Ф. Симонова – выпускница истфака Ленинградского ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени государственного университета имени А. А. Жданова. Это продолжение имперской и советской научной и человеческой традиции, продолжение через блистательный и одновременно мистический Санкт-Петербург, Университет, СПбГИК.

У автора получился концентрированный текст, результат большой работы по сокращению и адаптации диссертационного формата под формат учебного пособия. Это движение от практики к её теоретическому осмыслению, где степень теоретизации неизбежно высока, а затем новое возвращение к практике, в виде учебного пособия для бакалавров СКД в рамках дисциплин «Основы проектной деятельности», «Основы социально-культурного проектирования», «Экспертиза и проектирование социально-культурного пространства». Курсы, как мы понимаем, во многом авторские, новаторские. В итоге получилось технологичное осмысление социокультурного пространства современной России, исполненное с учётом опыта европейского куль-

турного строительства, в том числе опыта социокультурного проектирования и развития территорий.

За учёт этого опыта автору отдельный респект. Россия и Санкт-Петербург – Европа, спорить с этим в исторической перспективе, заданной Петром I, а во многом существенно раньше, бессмысленно. Макроисторические тренды не перерешаемы, но могут быть подвержены коррекции, не меняющей общего направления движения, лишь несколько сдвигающей сроки прохождения исторических этапов. Иными словами, это лишь замедление исторического времени, а не изменение вектора движения.

Жизнь и профессиональная деятельность в период одной из таких исторических коррекций увлекательна и противоречива. С одной стороны, мы учитываем опыт социокультурного строительства Европейского союза, с другой – ностальгически смотрим на Европу XIX века, отвергая Европу нынешнюю, эта противоречивость тотальна и нормативна.

Сегодня многие из нас находятся перед вызовом постоянных организационных и содержательных трансформаций в профессии. Мы повседневно решаем вопрос, как сохранить личную адекватность времени, постоянным изменениям во всём, как ответить на вызовы «новой нормальности», изменениям в системе образования, трансформациям не всегда понятной и содержательно рациональной природы. В то же время, если рассматривать перемены в рамках европейских тенденций в образовании, возможная содержательная логика изменений начинает просматриваться.

Это логика перехода от широкого академического знания к знанию прикладному, переход от вопросов, как устроен мир, общество, его социальные подсистемы, к тех-

нологическим ответам без вопросов, позволяющим осуществлять прикладные проекты. Очень характерно в этом отношении изменение образования в Германии, сокращение философского, гуманитарного контекста, организационно-инфраструктурное сокращение университетского образования. Германии с её философскими традициями нужен не философ, но социальный работник, аниматор, технологически подготовленный специалист в сфере социально-культурной деятельности. Хорошо это или плохо? И да, и нет. Хорошо, когда за социокультурный проект берётся технолог, который умеет воплотить его на практике. Плохо, что он часто не представляет себе того, что находится за рамками этих проектов, не понимает системы контекстов, в которых они осуществляются, не может ответить на вопрос, для чего эти проекты, к чему они ведут в долгосрочной перспективе, к каким политическим и социокультурным изменениям. Советское образование имело другой ракурс, предлагая самую широкую систему научных контекстов для конкретных видов деятельности, временами уделяя недостаточно внимания её технологиям.

Сегодня Россия вслед за Германией стремится к утилитарной применимости знаний, к рационализму, протестантскому по своей генеалогии, технологичности во всём. Здесь позволим себе важное уточнение-цитату. «Всё, что не относится к промышленности, в той или иной мере относится к социально-культурной сфере», – фраза из частного разговора с ректором СПбГИК, профессором А. С. Тургаевым, сторонником широкого определения СКД. Недаром и преподавание базового курса «Основы государственной культурной политики» было организовано на основе ка-

федры СКД, а не кафедры теории и истории культуры. Здесь важна не столько теория, относящаяся преимущественно к культурологии, но практика применения, важны технологии, позволяющие масштабировать и применять теоретические знания. Владение технологиями важно для СПбГИК, это один из немногих известных нам вузов, сохранивший академические традиции и выстроивший современную технологичную среду управления.

Стоит вспомнить, что в СПбГИК в своё время были сформулированы основы и придумано само название СКД. Работа И. Ф. Симоновой показывает, каким может быть технологический арсенал СКД сегодня. Технологии социально-культурной деятельности, в интерпретации И. Ф. Симоновой, содержат посыл к конструктивистскому, инженерному, проектному мышлению, технологиям, позволяющим сделать конкретный проект, изменить мир к лучшему.

Рецензенту следует соотноситься с ключевой темой работы – «Теоретические и практические основы проектирования социально-культурного пространства», подробное рассмотрение которой занимает весь первый раздел учебного пособия. В нём целый ряд подразделов, в том числе о пространственном развитии Российской Федерации, о понятиях «периферия», «провинция», «окраина», «маргинальная территория», о проектном подходе к управлению пространственным развитием. Сюда же относится и опыт пространственного развития стран Европейского союза, особенности современной политики пространственного развития стран ЕС, модели организации сетевого сотрудничества (партнёрств) в странах ЕС, организация деятельности сетевых партнёрств в странах Европейского союза, программно-проектный подход к форми-

рованию социально-культурного пространства в странах ЕС (XXI век), сотрудничество европейских государств в области образования, науки, искусства и культуры, организация, контроль и финансирование программ Европейского союза в сфере культуры. Значительное внимание автор уделяет также рассмотрению программы «Культура», её целей и основных проектов, и программе «Креативная Европа».

В первый раздел входят также темы, связанные с проблемами практического применения понятий «социокультурное пространство» и «социально-культурное пространство в проектной деятельности», с развитием социально-культурного пространства Российской Федерации (XXI век), с основными характеристиками социально-культурного пространства мегаполисов и крупных, средних и малых городов, сельских поселений... Это преимущественно теоретическая часть работы, содержащая подкрепляющие практические положения. Теоретическая разработанность темы социокультурного пространства для нас очевидна. И. Ф. Симоновой проработан, осмыслен и интерпретирован в соответствии с авторским видением большой массив научной литературы.

Второй раздел учебного пособия «Современные подходы к оценке социально-культурного пространства» относится к технологиям оценки потенциала, задаваемым рамками пространственных практик социокультурного проектирования, и включает в себя ряд тем. Среди них методика комплексной оценки потенциала социально-культурного пространства, структура оценки потенциала социально-культурного пространства, экспертные исследования: цели, задачи, методы, этапы. Автор обращается к качественным методам, в том чис-

ле экспертному исследованию, давая рекомендации по видам экспертных оценок, правилам определения качественного и количественного состава экспертов, излагает методики «мозгового штурма», написания сценария, знакомит нас с технологиями подготовки экспертного заключения. Рекомендации автора технологичны, сложностей с восприятием раздела у бакалавров возникнуть не должно.

Третий раздел учебного пособия посвящён проблематике проектирования социально-культурного пространства. Как и первые разделы, третий раздел включает в себя ряд связанных тем. Автор рассматривает современные подходы к проектированию, сетевое партнёрство, технологии построения партнёрской сети, даёт представление о том, что такое комплексный социально-культурный проект, локальный проект, сложный проект, комплексный проект, стейкхолдеры проекта, рассматривает управление взаимодействием со стейкхолдерами, модель реализации комплексных социально-культурных проектов, их организационно-правовые формы... То, что мы перечислили, далеко не всё, даже на уровне тем. После прочтения этого раздела хочется что-то спроектировать и предпринять, следуя пошаговому руководству автора. Так, наверное, и должно быть, хорошая учебная литература должна побуждать к действию, давая направление-цель и руководство к её достижению.

Заметим, что работу завершает важный раздел «Модель формирования социально-культурного пространства», включающий в себя ряд тем. Среди них моделирование в проектной деятельности, классификация, основные требования к «модели», её свойства и характеристики, моделирование проектных решений, различие между

проектированием и моделированием, понятия процесса моделирования, цели и задачи моделирования, этапы моделирования, модель формирования социально-культурного пространства, уровни модели: многофункциональные культурно-досуговые комплексы, муниципальные учреждения культуры (Дома культуры, досуговые центры и т.д.), сетевые объединения, ранжированные по уровням (I, II, III), принципы и результаты проектирования... Хороший, проработанный, технологичный раздел, из тех, где «лучшее враг хорошего», текст уже состоялся, а улучшать и совершенствовать хорошее можно до бесконечности. Вопрос только в том, зачем это нужно, уже сейчас хорошо, понятно, достойно.

При чтении работы И. Ф. Симоновой у рецензента не раз появлялась мысль, как интересно и одновременно непросто учиться её студентам. Концептуально выстроенное новое развивает, но как много всего, какой информационно насыщенный текст получился. Насколько он сложен для восприятия? При объёме в 249 страниц вместе со списком источников, учебное пособие охватывает проблематику трёх учебных курсов, и это не мало. В то же время оно хорошо проработано и структурировано, что существенно облегчает восприятие информации.

У автора ясный слог изложения, строгое отношение к тексту, слово вмещает многое. Возможно, слишком многое, учитывая заявленный жанр – учебного пособия. У И. Ф. Симоновой должны быть умные студенты, привыкшие к работе со словом, люди книжной культуры. Такие студенты есть и сегодня, интеллигенция за последние тридцать лет серьёзно сократилась количественно, но не исчезла вовсе. Студенты поймут, загорятся открытием нового вместе с автором, будут реагировать на

многочисленные соотнесения с источниками, «подробнее в книге...». Я даже просто-душно надеюсь, что они будут читать эти книги, но «много званных, да мало избранных...». Читатели учебников сегодня изменились благодаря новым технологиям, клиповому мышлению, привыкли к тому, что им всё объясняют, дают подробный дайджест источников, доступных интерактивно. Иными словами, привыкли к избытию информации, облегченности её поиска.

Это упрощение создаёт своеобразную бинарную оппозицию с настоящей литературой, которая может открываться читателям и в жанре учебного пособия. У автора чувствуется школа читателя классической литературы, при чтении возникает удивительное ощущение ясности языка. Небольшое замечание касается лишь авторского пристрастия к определению «основные». Да, оно удобно, особенно в оглавлении, локализует тематику рассмотрения, отсекает потенциальные вопросы «а где у вас»... Всё так, но можно было подумать о более индивидуальном названии тем.

И. Ф. Симонова написала учебное пособие как гипертекст. Чтобы его учебный потенциал был развёрнут в полной мере, оно должно быть в открытом доступе в Интернете, в рамках электронных образовательных ресурсов СПбГИК. Сноски на многочисленные источники, которые прорабо-

тал автор, должны быть кликабельны на электронный вариант книжных изданий. Это критически важное условие для полноценного гипертекста, учитывающее привычные для нового поколения формы работы с информацией. По сути, перед нами практически готовый вариант электронного обучающего пособия, о потребности в которых так много говорят в последние годы практики и теории образования. В этом гипертекстовом формате есть несомненный плюс работы.

Рецензент обмолвился в начале работы, что перед нами часть большого научного текста, адаптированного к формату учебного пособия. Масштаб авторского видения, очевидная научная новизна, осмысление проблематики пространственного социокультурного развития территорий и проектирования этого развития позволяют надеяться на скорое формальное оформление И. Ф. Симоновой своего докторского потенциала в диссертации соответствующего ей уровня. Учебное пособие «Социально-культурное проектирование: современные подходы и технологии» – полноценный шаг на этом пути И. Ф. Симоновой к обретению статуса доктора наук, движение к обретению гармонии между имеющимся научным содержанием и выражающей его наличие внешней академической формой.

Список литературы

1. Симонова И. Ф. Социально-культурное проектирование: современные подходы и технологии : учебное пособие. Санкт-Петербург : Научоёмкие технологии, 2020. 250 с.

References

1. Simonova I. F. *Social and cultural design: modern approaches and technologies*. St. Petersburg, Publishing House "Science-Intensive Technologies", 2020. 250 p. (In Russ.).

*

УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ!

Предлагаем Вам опубликовать статьи в научном журнале «Вестник Московского государственного университета культуры и искусств».

В соответствии с распоряжением Минобрнауки России от 28 декабря 2018 года № 90-р на основании рекомендаций Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России (далее – ВАК) с учетом заключений профильных экспертных советов ВАК, журнал «Вестник МГУКИ» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

- 24.00.01 – Теория и история культуры (культурология).
- 24.00.01 – Теория и история культуры (философские науки).
- 09.00.04 – Эстетика (философские науки).
- 13.00.01 – Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки).
- 13.00.05 – Теория, методика и организация социально-культурной деятельности (педагогические науки).
- 13.00.08 – Теория и методика профессионального образования (педагогические науки).

Журнал принимает к публикации статьи, которые ранее не были опубликованы. Не ранее чем через год после выхода в свет статьи в нашем журнале автор может опубликовать данный текст или его фрагменты в других изданиях.

Статья должна обладать научной новизной, отражать основные результаты исследований автора, соответствовать общему направлению журнала и быть интересной широкому кругу российской научной общественности.

Статья может содержать (при необходимости) минимум таблиц, формул и графических зависимостей. Статью необходимо завершить выводом (выводами). Все аббревиатуры и научные термины следует раскрывать. Не стоит злоупотреблять интернет-источниками. При их использовании необходимо давать ссылки в соответствии с правилами оформления библиографического аппарата научных статей.

Требования к публикации

1. Текст набирают в редакторе Microsoft Office Word, шрифт – Times New Roman, кегль 14, интервал – 1,5.
2. Объём статьи не должен превышать 30 тыс. знаков, включая пробелы.
3. Список литературы располагается в конце статьи в алфавитном порядке, библиографические описания в списке оформляются по ГОСТ 7.05-2008, отсылки по тексту статьи даются в квадратных скобках.

4. К статье прилагаются:

а) аннотация (100–250 слов) на русском и английском языках, а также ключевые слова к статье на русском и английском языках;

б) сведения об авторе, включающие ФИО автора (авторов) полностью, на русском и английском языках (ФИО авторов представляются в одной из принятых международных систем транслитерации, желательно использовать Систему транслитерации Американской ассоциации библиотек и Библиотеки Конгресса (ALA-LC), или так, как в загранпаспорте или водительских правах); место учёбы и работы, занимаемая должность, контактный телефон (желательно и мобильный), обязательно – электронный адрес.

5. Статьи принимаются в двух вариантах — печатном и электронном. Распечатанный на бумаге текст должен быть идентичен тексту электронного варианта.

6. Все статьи рецензируются и публикуются бесплатно.

7. Рецензирование статьи осуществляется редакционной коллегией журнала. Редакционная коллегия оставляет за собой право отбора материалов.

ВНИМАНИЕ!

Ответственность за содержание публикаций несут авторы.

При представлении основных результатов своего научного исследования автор обязан находиться в правовом поле, то есть его публикация не должна каким-либо образом нарушать ЗАКОН РФ ОТ 27.12.1991 N 2124-1 (РЕД. ОТ 18.04.2018) «О СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ».

Редакция научного журнала «Вестник МГУКИ» обращает внимание на то, что в своей редакционной политике руководствуется принципами публикационной этики, разработанными на основе российских и международных стандартов.

От авторов, предлагающих свои материалы к публикации в журнале, редакция ожидает соблюдения следующих принципов:

- оригинальности исследования;
- предоставления достоверных результатов проделанной работы, отсутствия ложных утверждений, безошибочности представления данных;
- объективного обсуждения значимости исследования;
- недопустимости личных, критических или пренебрежительных замечаний и обвинений в адрес других исследователей;
- полного исключения плагиата; признания вклада других лиц, обязательного наличия библиографических ссылок на все внешние источники информации, все публикации, существенные для данной статьи (включая его собственные ранее опубликованные статьи и научные материалы), избегая при этом самоплагиата (повторной, дублирующей публикации). Автор должен сообщить редколлегии журнала обо всех своих работах и работах своих соавторов, пересекающихся по тематике с представленной в редакцию статьёй и находящимися на рассмотрении в других изданиях;

- получения разрешения на использование (воспроизведение) чужих материалов, таблиц, изображений и обязательного указания автора этих материалов и/или владельца авторских прав на эти материалы;
- представления информации из конфиденциальных источников только с их разрешения;
- представления в качестве соавторов всех участников, внесших существенный вклад в исследование и написание статьи; одобрения окончательной версии работы всеми соавторами и их полного согласия с представлением её к публикации;
- выражения благодарности другим коллегам, не являющимся авторами данной статьи, но повлиявшим на её создание;
- раскрытия потенциальных конфликтов интересов (предоставление информации о работе по найму, консультировании, наличии акционерной собственности, предоставлении экспертных заключений, патентной заявке или регистрации патента, получении гонораров;
- чёткого указания в тексте рукописи сведений о полученных грантах, других источниках финансирования исследования, обо всех других формах поддержки, т.е. фактах, которые могут быть восприняты как оказавшие влияние на результаты или выводы, представленные в работе);
- незамедлительного сообщения об обнаружении существенных ошибок или неточностей в публикации и взаимодействия с редактором с целью скорейшего исправления ошибок или изъятия публикации, своевременного исправления ошибок и неточностей, выявленных рецензентом или редактором.

***

Редакционная коллегия оставляет за собой право отбора материалов. Статья, после её одобрения редколлегией журнала, может готовиться к публикации до полугода.